ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

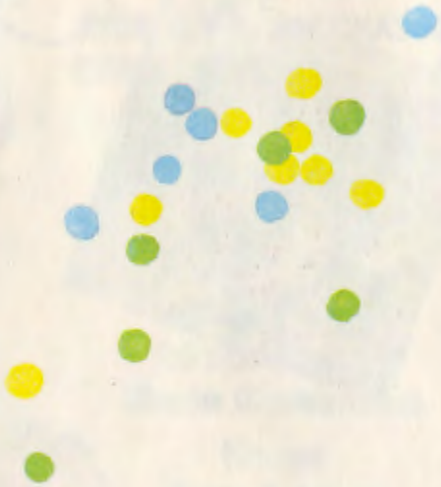
ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

10
ЗАГОРОДНЫЙ
КУ-КУ!
1
РУБЛЬ
1993
ТИГР
С
Н
ПОЧТА

ПРОСТОКВАШИНО
ПИОНЕР
Люблю мармелад

ЭДУАРД
УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГЕРОЕВ ПОВЕСТЕЙ, РАССКАЗОВ, СТИХОТВОРЕНИЙ И ПЬЕС



ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГЕРОЕВ

ПОВЕСТЕЙ, РАССКАЗОВ, СТИХОТВОРЕНИЙ И ПЬЕС

ТОМ 5

25 профессий Маши Филипенко

Клоун Иван Бултых

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1993

ББК 84.Р7
У77

Ответственный за выпуск серии
Неонилла Самухина

Художественное оформление
Геннадия Никеева

Успенский Э. Н.
Полное собрание героев повестей, рассказов, стихотворений и пьес в десяти томах, том 5 . Илл. Г. Ясинского, оформл. Г. Никеева. С.-Петербург, Торгово-издательское товарищество «Комета». 1993, 224 стр., илл. В переплете.
ISBN 5-7116-0015-X

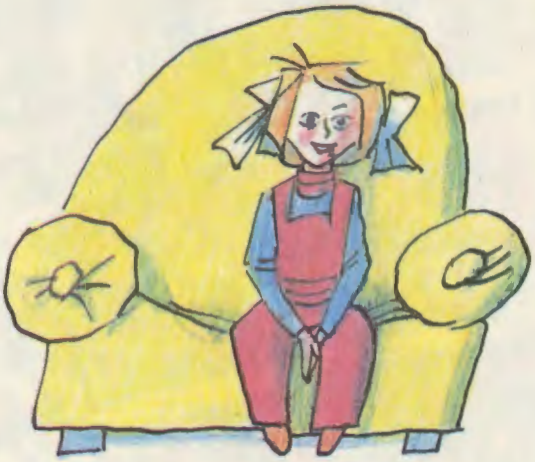
Повесть «25 профессий Маши Филипенко» мало известна читателю, она издавалась всего один раз. А «Клоун Иван Бултых» издается впервые. Одна повесть — из жизни детей, другая — из жизни взрослых. Объединяет их то, что они заставляют читателя поверить в себя, в то, что нет безнадежных ситуаций, что бездарные начальники, от которых порой зависит наша жизнь, не всемогущи. Книга эта заставляет верить в то, что в жизни многое можно изменить в лучшую сторону, только не надо отчаиваться, когда трудно, а действовать, думать и верить в свои силы.

© Э. Успенский, 1993.
© Иллюстрации Г. Ясинского, 1993
© Оформление Г. Никеева, 1993
© Торгово-издательское товарищество «Комета», 1993

У $\frac{4803010201-0015}{ОБ7(03)-93}$ без объявл. - 93

25 ПРОФЕССИЙ МАШИ ФИЛИПЕНКО

ПОВЕСТЬ



Художник Геннадий Ясинский

Вступление,

или Почти начало

Однажды в третий класс, в котором училась Маша, пришел лектор. Он был пожилого возраста, старше тридцати, такой ничего себе, в сером костюме, и сразу сказал:

— Здравствуйте, меня зовут профессор Баринов. Сейчас мы все возьмем ручки и напишем сочинение: «Что бы я сделал, если бы я был председателем горсовета». Понятно?

Ребята во главе со старостой Киселевым вытаращили глаза и сказали:

— Понятно.

Хотя им ничего понятно не было. А профессор продолжал:

— Лучшие сочинения будут переданы в горсовет и выполнены. Договорились?

Ребята посмотрели на Екатерину Ричардовну. Она кивнула им головой: мол, пишите, ребята, договорились.

И они начали писать. Класс у Екатерины Ричардовны очень самостоятельный. Раз она решила за них, что надо писать, они уж напишут.

Главное — их включить. И вот они сидели, залитые последними осенними лучами солнца, и писали. А профессор Баринов смотрел во все стороны: в окно, на лампочки, в шкаф, только не на Екатерину Ричардовну. Наверное, влюбился.

Валера Готовкин, сосед Маши Филипенко по парте и главный школьный друг, написал:

«Если бы я был прИседателем городского совета городских трудящихся, я бы не ломал старые дома. Которые из дров. Они такие старинные у

нас. Я бы ставил их на крыши новых кварталов. Или бы оставлял их во дворе для играния ребят. Чтобы они сохранились для будущих детей и людей. И еще я на улице сажал бы не деревья, а яблони».

Дима Аксенов, второй Машин школьный друг, заместитель Валеры Готовкина по хозяйственной части, поглядел, что у него написано, и тоже написал:

«Я бы сделал так, чтобы на газонах рОсли капуста и помидоры. Уж, в крайнем случае, репа. И надо, чтобы граждане на балконах сеяли картошку и виноград. Тогда с продуктами будет легче, когда они созреют. Если бы я был председателем, я бы запретил продавать водку в магазинах и везде».

Дима Аксенов был легендарный мальчик, очень глазастый и очень хозяйственный. Его глаза всегда были распахнуты и на хозяйство направлены. Он всегда знал, в какой магазин что завезли и где что выбросили. Где валенки, где рыбу. Родители на него не нарадовались. А папа у него выпивал.

Впрочем, не только Дима Аксенов был хозяйственный. И другие дети тоже. Только каждый по-своему. Маша Филипенко придумала так:

«Если бы я была председательница городского совета, я бы сделала так, чтобы электрички и метро по ночам ходили в один вагон. А то они идут длинные и пустые. И еще. Я перенумеровала бы все станции Киевская. А то их много и я в них с мамой путаюсь. Надо, чтобы была Киевская 1, Киевская 2 и Киевская 3. И еще. В больших домах дети много пользуются лифтами без толку. Особенно вниз. Надо сделать специальные детские винтовые съезжалки на ковриках».

В общем, ребята много чего толкового написали. Так что пожилой профессор Баринов стал еще пожилее и серьезнее. Он прочитал все сочинения и сказал:

— Я всегда считал, что дети — это люди с незамутненным мышлением. Сегодня я в этом еще раз окончательно убедился. Мы все сочинения передадим заместителю председателя горсовета по улучшению товарищу Костомарову. Потому что в сочинениях есть много ценных советов. И пусть он их воплощает. Но этого мало...

Профессор положил руки за спину и сурово прошелся по золотому от солнца классу. Значительно оглядел всех, кроме Екатерины Ричардовны, и продолжал:

— Среди ребят с незамутненным мышлением встречаются особо незамутненные ребята. У вас тоже есть один такой ребенок. Я не буду называть его точно, чтобы не смущать. Просто скажу, что это Маша Фэ. Или Филипенко Мэ. И этот ребенок понадобится нам для дальнейших исследований и работ.

— А какие у вас исследования? — спросила Екатерина Ричардовна. — Этот ребенок очень зазнательный, и вы можете его испортить.

Удивительный человек Екатерина Ричардовна. Никогда не кричит, никогда никого не наказывает, а все ее слушаются. Она даже двойки ставит совсем не двоечные, а воспитательные.

— Мы исследуем производство — колхозы, фабрики, магазины. Стараемся новыми глазами посмотреть на старый труд. Берем ребят с незамутненным мышлением и сажаем на взрослую работу. Чтобы ребята делали открытия.

— И у вас уже есть успехи?

— Да, и очень большие. Вы слышали, что недавно у Савеловского вокзала подъемный кран упал на электричку?

— Слышали.

— Это результат нашей работы.

— В чем же тут успех?

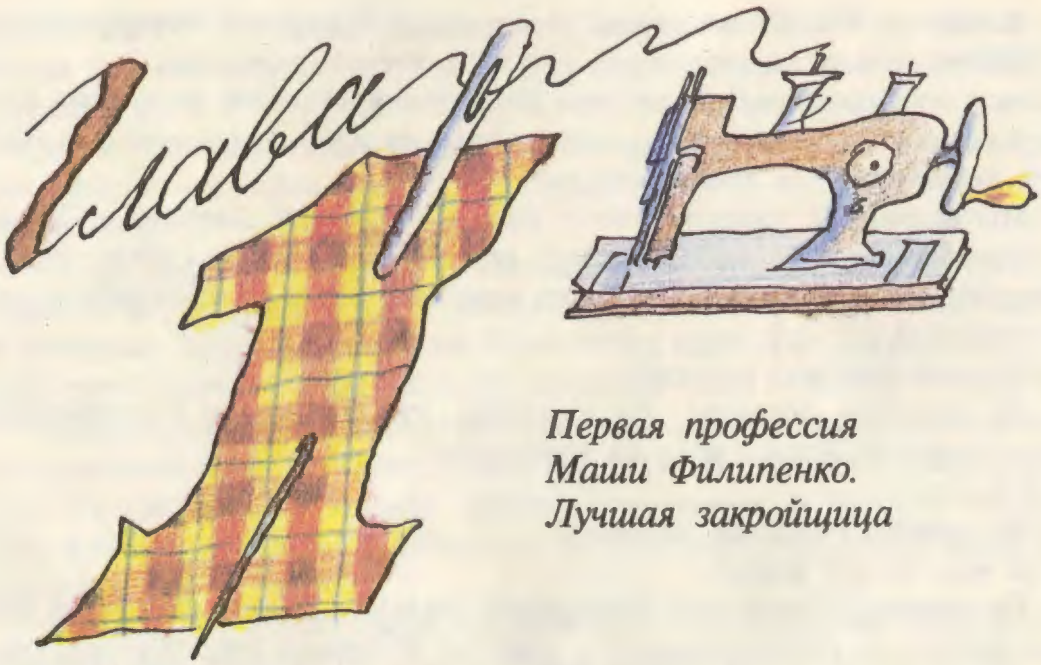
— На кране работал наш улучшатель мальчик Валера Петросов. Он грузил вагоны и увидел машину с квасом. И решил машину с улицы перенести на платформу к пассажирам. Кран упал, квас разлился. Но мы узнали, что устойчивость крана недостаточная, что ее надо увеличивать. А главное — сработало противопадающее устройство мальчика Петросова.

— В чем же оно заключалось? — спросила засекреченная Маша Фэ. — Кран не до конца упал?

— Кран упал до конца. Но с мальчиком ничего не случилось. По его предложению кабина крана была оклеена надувными матрасами. И теперь все крановщики так работают.

Профессор Баринов попрощался и ушел. Он только еще зашел в учительскую и спросил адрес незамутненной третьеклассницы Филипенко М.

Оставшийся третий «А» долго сверкал и светился под взглядами любимой Екатерины Ричардовны. Вот это урок — ни одного замечания, ни одной даже тройки!



Первая профессия Маши Филипенко. Лучшая закройщица

Целую неделю Маша жила как на вулкане. И все ждала, когда же он взорвется, когда ее позовут исследовать колхозы и фабрики. И вот наконец она приходит из школы, а в почтовом ящике открытка.

«Уважаемая Маша!

Институт Улучшения Производства приглашает тебя для получения работы. Ждем тебя в понедельник, в три часа дня. Рекомендуем прийти вместе с родителями (папа, мама), но без бабушек и дедушек. При себе необходимо иметь дневник и фотографию.

Нам кажется, работа тебе понравится. Тем более что она оплачиваема. Наш адрес: дом самый близкий к Музею Пушкина.

Главный ученый института — профессор Баринов».

Маша как вытащила открытку из почтового ящика, так с места и пошла в институт получать работу. Чего там понедельник, зачем беспокоить родителей — папу и маму.

Через теплый дождик по городу прошагала она по указанному адресу.

У входа в длинное трехэтажное здание ее остановил вахтер.

— Ты куда?

— К ученому Баринову. По приглашению.

— Успеется. Дневник при тебе?

Видно, этот вахтер никуда не спешил.

— При мне.

— Покажь, пожалуйста.

Маша достала дневник. Вахтер долго горестно кашлял над ним:

— Надо же! Восемь троек. А туда же в незамутненные попала. Ну и времена. Не иначе как родители ценный подарок сделали руководству. Или родственники из министерства звонили.

У Маши так и заскакали в голове всякие остроумные выражения типа: «Сами вы ценный подарок!» или «Это ваши родственники звонили из министерства, а мои не звонили!» Но Маша сдержалась, ничего не сказала, строго взяла дневник и прошла мимо.

Она поднялась на второй этаж. По бокам на дверях висели таблички: «Сотрудник по алгебре», «Сотрудник по русскому языку», «Начальник отдела диктантов».

Маша сразу поняла, зачем эти сотрудники. Если какой-то улучшатель увлечется улучшением и нахватает двоек, его немедленно начнут подтягивать. Профессор Баринов очень обрадовался, что Маша пришла. Он усадил ее в мягкое кресло, так что Маша совсем исчезла, и сказал:

— Мы вас направим в ателье женской одежды. Там уже три года не выполняется план. Им прислали сильную руководительницу, но и она ничего не может сделать. Посмотрите, в чем там дело, и столкните с мертвой точки. Их необходимо расшевелить, взбудоражить.

Он забрал у Маши фотографию и повел ее в отдел кадров. Там строгие люди в очках выдали ей напечатанное на бланке направление на работу.

Маша взяла его и весь вечер радостно читала:

«Институт Улучшения Производства направляет свою улучшательницу Марию Александровну Филипенко в ателье женской одежды „Силуэт“ № 78 для исследования условий работы и улучшения. Просим руководство „Силуэта“ обеспечить сотрудницу типовым рабочим местом и материалом.

Рабочий день сотрудницы не должен превышать трех часов. О всех затруднениях с ней просим звонить по телефону 42-29-86 научному руководителю пр. Баринову».

Маше очень хотелось показать эту бумагу родителям — папе и маме, но она не стала рисковать. Покажешь им бумагу, они спросят: «А как у тебя с отметками?» А потом будут долго думать и вздыхать не хуже того вахтера из Института Улучшения. И неизвестно, чем все это кончится. Потому что мама может сказать:

— Знаешь что, девочка, сначала ты свою успеваемость улучши, а потом чужой производительностью занимайся.

А папа добавит:

— Я скоро стану седым от горя. Я такого количества троек за всю жизнь не встречал. Их тут тысяча или две?

На следующий день Маша отправилась улучшать. В ателье №78 «Силуэт» было очень интересно. Горели длинные лампы дневного света. Стояли швейные машинки и манекены. Приемник в углу светился зеленым светом и рассказывал про новые домны.

Все работники сбежались смотреть на Машу. Толстая пуговичница Лизавета Чуркина сказала:

— Ой, прислали сиротку! С такими только план выполнять!

А мужская брючница Четверикова добавила:

— Тоже мне улучшательница! Ее саму улучшать и улучшать, вон она какая дохленькая!

Директриса товарищ Сабинова строго спросила:

— Девочка, ты когда-нибудь работала на швейной машинке?

— Я папе джинсы подшивала.

— И что, получилось? Подшились джинсы?

— Не совсем. Машинку заклинило. Папа до сих пор не может ее стронуть с места. Он говорит, что то и другое спасти не удастся. Придется или машинку выбрасывать, или джинсы. Надо только узнать, что дороже стоит. Кажется, джинсы дешевее.

— Джинсы шьют из парусины, — сказала Сабинова. — Это очень плотный материал. Мы тебе сначала мешковину дадим. А пока иди садись к машинке и крути ее, как мясорубку. Привыкай к вращательным движениям. Другой рукой можешь книжку читать. Будем автоматизм вырабатывать.

Маша так и сделала. Села и стала одной рукой машинку крутить, а другой стала журналы переворачивать.

Пуговичница Лизавета Чуркина, такая маленькая и кудрявая, спрашивает:

— Скажи, девочка, почему у тебя волосы так красиво блестят и так хорошо уложены?

Маша возьми да и ответь:

— А я их молоком перед сном промываю. Слабым раствором. Уже целый год.

Лизавета Чуркина все это запомнила и мужской брючнице Четвериковой секрет открыла. И обе они глубоко задумались.

Закройщик Лопухин, такой высокий и воспитанный, говорит:

— Девочка, а вот те джинсы недорогие, которые ты папе испортила, где покупали?

— Как, вы не знаете? — отвечала Маша. — На станции Клязьма новый магазин открыли, «Дом джинсов» называется. Там на первом этаже польские брюки продают, на втором — чешские, а наверху — из итальянской народной капиталистической республики. Там этих джинсов завались, даже бархатные есть.

Закройщик Лопухин все это тоже запомнил и даже в книжечку записал.

Для чего все это Маша наговорила, она и сама не знала. Может быть, потому, что профессор Баринов просил ателье взбудоражить, чтобы они не закисали.

На другой день было воскресенье — самый рабочий день для ателье. Маше в школу идти не надо было. Она с утра в ателье направилась — улучшать.

Маша шла по улице вся важная и занятая. И все хотела, чтобы попался кто-либо из одноклассников и спросил бы:

— Куда это ты, Филипенко, направилась?

А она бы ответила:

— Это тебе делать нечего, ты весь извертелся. А я на работу иду.

Но, как назло, никто не попадался. В это прохладное мохнатое утро все еще, наверное, спали после тяжелых школьных битв.

Товарищ Сабинова, строгая, как сабля, стояла у входа с тетрадкой и отмечала, кто опоздал. Только отмечать было некого. Никто не приходил.

Товарищ Сабинова дала Маше большой кусок подкладочной мешковины и стала звонить, куда все делись:

— Алло. Позовите к телефону Чуркину Елизавету Аркадьевну.

Ей там говорят:

— Лизавета Аркадьевна подойти не может. Она к подушке приклеилась.

— Что это за шутки? — вскричала товарищ Сабинова. — Скажите ей, чтобы немедленно шла на работу.

А там отвечают:

— Не можем сказать. Подушка мешает. Не слышит она ничего. Потому что она пуховая.

Товарищ Сабинова совсем рассердилась:

— Вот я сейчас сама приеду, с ней поговорю. Она у меня все сразу поймет и услышит все. Она у меня станет шелковая.

— И у вас она ничего не поймет. Она в ванной сидит. Отмокает, чтобы отклеиться.

Товарищ Сабинова мужской брючнице Четвериковой позвонила:

— Почему это вас нет? Немедленно явитесь на работу!

А Четверикова в ответ говорит:

— Да как же я явлюсь? У меня подушка к затылку прилипла. Я в ней — как Наполеон в треуголке.

— Так и приезжайте, как Наполеон в треуголке. Я здесь ножницы возьму и буду вас отстригать.

Следующим делом товарищ Сабинова закройщику Лопухину позвонила. У Лопухина к телефону подошла бабушка:

— А Володенька заболел. Он за джинсами поехал на станцию Клязьма.

— Все ясно! — сказала директор Сабинова. — Кто-то хочет нас погубить. Кто-то на наше ателье порчу наслал. Это, наверное, все та же Мит-

рохина из главка. Не любит она нас. И материалов хороших не дает. И глаз у нее дурной — черный.

Товарищ Сабинова так разволновалась, что побежала в аптеку успокаивающее покупать. А Маше велела клиентов развлекать и задерживать.

И сразу клиентка пришла. Такая высокая, с большими глазами и грустная. Маша стала ее развлекать.

— Хотите, я вам анекдот расскажу?

— Хочу, — говорит клиентка, но как-то не очень уверенно.

— Он вам понравится, — говорит Маша. — Про тараканов. У одного человека были тараканы. Он не мог их вывести. Он на работу пришел и горюет. А ему один сотрудник говорит: «Ты не горюй. Ты дырку в стене прокрути и в двенадцать часов ночи скомандуй: „Все тараканы, из моей квартиры шагом марш!“ Они и уйдут, только при этом смеяться не надо ни за что». Этот человек с тараканами так и сделал. Пришел домой, дырку прокрутил и скомандовал: «Все тараканы, из моей квартиры шагом марш бегом!» Тараканы из всех щелей вылезли, построились и в дыру зашагали. Человек увидел и засмеялся от радости. Вдруг вылез большой рыжий таракан на костылях и как закричит: «Ребята, он пошутил! Возвращайтесь!» И все тараканы обратно вернулись. Интересно?!

— Интересно, — вежливо ответила красивая клиентка. — Только мне тараканы не нравятся.

— А кому они нравятся, — сказала Маша. — А дальше еще интереснее будет. Этот человек на работу пришел и снова горюет, даже плачет весь. Ему сотрудник снова говорит: «Ты не рыдай. Ты ночью проснись в двенадцать часов и закричи: „Тараканы, на нас враги напали! В атаку на врагов!“ Они в атаку уйдут, а ты дырку закрой. Только не спи ни за что». Человек так и сделал. Ночью как закричит: «В атаку на врагов шагом марш!» Тараканы отовсюду выскочили впопыхах, схватили иголки, гвозди всякие и в дырку побежали. А наш человек заснул. Просыпается, кругом полон дом тараканов. Все полы заняты, все табуретки. Рыжий таракан его за ногу дергает: «Просыпайся, хозяин. Мы войну выиграли, пленных привели!»

Тут Маша остановилась и клиентку спрашивает:

— Интересно я вам про тараканов рассказываю?

— А много еще? — с надеждой спросила женщина.

— Нет, совсем немного осталось. Этот человек плачет, а сотрудник ему говорит: «Два раза ты меня не слушал. Больше я тебе ничего не скажу. Только ты рыжего таракана не убивай». Человек, который с тараканами, домой ушел. Назавтра приходит на работу весь-превесь в слезах. Его все спрашивают: «Что случилось?» — «А вот что. Я домой пришел, там одни

тараканы. И этот рыжий, на костылях, спрашивает: „Ну как дела, хозяин?“ Я как закричу: „Какой я тебе хозяин?“ — и как тресну его столовой ложкой по лбу, он и сдох». — «Ну и что?» — спрашивают на работе. «Ничего, — говорит человек. — Со всего города тараканы на похороны собрались. У меня теперь тараканов в сто раз больше стало». Все, конец.

Красивая клиентка была поражена. Она внимательно все прослушала про тараканов и говорит:

— Я к вам в ателье столько раз прихожу, и никогда у вас материалов хороших нет. Ничего интересного и особо модного.

Маша даже обиделась за родное ателье:

— Как ничего особо модного? А вот мешковина из Италии.

— Интересно, — говорит клиентка, — как может быть мешковина из Италии? У них там даже картошки нет. У них там одни апельсины. А апельсины в ящиках бывают, а не в мешках.

— Мешков у них нет, — согласилась Маша, — а мешковины завались. Потому что это самый модный материал в этом осенне-летнем сезоне. Сейчас все о мешковине мечтают.

— Почему? — удивилась клиентка. — Почему никогда о ней не мечтали, а в этом осенне-летнем сезоне начали?

— Потому что этот осенне-летний сезон будет особенно жарким. Такая жара раз в сто лет бывает. Наша Земля будет очень близко от Марса пролетать.

Вежливая клиентка совсем запуталась:

— При чем тут Марс? Тепло-то от солнца бывает.

— Правильно, от солнца. Но когда мы к Марсу подлетим, он всю атмосферу на себя оттянет. И с нашей стороны атмосферы будет мало. Поэтому солнце без задержки всех нагревать начнет. Понятно?

Маша на себя поражалась — как это все из нее сыплется? Она за всю жизнь не наговорила столько ерунды, сколько за эти два дня.

— Понятно, — сказала женщина. — А при чем тут мешковина?

— Мешковина с дырочками. Через нее и ветер проходит, и загорать можно. Давайте я сошью вам вечернее платье из мешковины, с вышивкой.

— Это не очень дорого? — спросила клиентка.

— Нет, совсем не дорого. Ведь я ученица.

Клиентка согласилась, и они стали размеры снимать. Измерили клиентку с головы до ног.

Маша тут же за ножницы схватилась. Стала мешковину резать.

— Что-то вы не так делаете, — сказала женщина. — Надо сначала выкройку из бумаги сделать.

— Передовые методы! — объяснила Маша. — Новая культура производства! Сейчас мы прямо на вас приметаем и сразу же шить начнем. Вы сегодня в платье и уйдете.

— Ой, как хорошо! — сказала женщина.

Маша стала приметывать и увидела, что размахалась. Что ни в каком вечернем платье из мешковины клиентка сегодня не уйдет. В лучшем случае, в летнем облегченном, с коротким рукавом. Тогда она клиентку спросила:

— Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

— Ирина Вениаминовна.

— Я забыла вам сказать, Ирина Вениаминовна, что еще в моде короткие спортивные платья сарафанного типа. Сейчас ими вся Италия охвачена и юг Франции.

Ирина Вениаминовна сказала, что она ничего об этом не знает.

— Наверное, это очень красивая мода, если ею охвачена вся Италия.

Но она не выразила немедленного желания перейти на спортивное платье сарафанного типа. Видно, идея недорогого вечернего платья из мешковины с вышивкой была для нее более привлекательна по возрасту.

Маша решила шить дальше, что получится, и уже потом, когда выйдет удача, уговорить Ирину Вениаминовну это носить.

Она внесла кое-какие поправки, сделала выкройки из газеты, но когда она стала собирать все в одно целое, она поняла, что и сарафанное южнофранцузское платье куда-то исчезло. И если клиентка прямо сегодня в чем-то уйдет, то это будет максимум безрукавка бальная плюс юбка конноспортивная... южнопляжный вариант.

Слава богу, явилась мужская брючница Четверикова в подушке, надетой треуголкой. Следом за ней прошла товарищ Сабинова, щелкая ножницами. Они немного отвлекли клиентку. Но после того как они прошли, Ирина Вениаминовна насторожилась и у нее стал такой вид, словно она хотела спросить: «А что это с этой женщиной? Почему она в подушке ходит?» И если она ничего не спросила, то только из-за своей повышенной интеллигентности. А Маша сказала:

— Вы знаете, сегодня какой-то день невезучий. Как вы смотрите на вечерние шорты из мешковины?

— Которыми охвачены вся Англия и Южная Скандинавия? — ехидно спросила Ирина Вениаминовна. — Это все, что осталось от вечернего длинного платья?

— Еще четыре носовых платка.

— Из мешковины! Нет уж, не надо.

«Эх, — подумала Маша. — Не понимает. Это же так удобно — носовой платок с дырочками. Сморкаешься — и все пролетает. В руках чистый платок остается. И стирать не надо, только гладить».

Пришел высокий закройщик Лопухин, потом кудрявая пуговичница Чуркина. И спрос на Машу резко повысился.

— Простите, Маша, я бы хотел с вами поговорить, — сказал Лопухин.

— И я бы хотела, — сказала мокроголовая Чуркина.

— И я бы! — закричала товарищ Сабинова. — Ученица Филипенко, срочно зайдите ко мне.

Вместе с этими словами из ее двери вылетело много-премного пуха.

— Сейчас! — ответила Маша. — Я только Ирину Вениаминовну провожу, клиентку постоянную.

Они вышли на улицу. Маша не отходила от Ирины Вениаминовны ни на шаг. И провожала ее все дальше. Она говорила:

— Вы не удивляйтесь, что я вас провожаю. У нас теперь в ателье только так. Передовые методы, новая культура обслуживания. Провожаем клиентов до всех видов транспорта.

— Я вам очень благодарна, — отвечала Ирина Вениаминовна. — Если вы уж так любезны, позвоните мне, когда у вас будут новые ткани. А то у вас уже два года шаром покати. Вот вам мой телефон.

Она дала Маше визитную карточку:

Ирина Вениаминовна Архангельская

Заведующая литературной частью детского театра марионеток.
Адрес: Москва. Телефон: 217-740.

У метро они расстались. Маша тоже захотела себе такую карточку. «Маша Филипенко. Сотрудница ателье „Силуэт“ № 78». Но она поняла, что, наверное, она уже не сотрудница. И направилась не в ателье, а прямо в Институт Улучшения.

Мимо вахтера она прошла по-деловому, как своя, и поднялась к научному руководителю.

— Здравствуйте! — закричала она. — Здравствуйте... — Она забыла, как профессора зовут, высунулась из кабинета, посмотрела табличку на двери — «Профессор Баринов Д. Д.» — и снова засунулась: — Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич. Я все поняла про ателье номер семьдесят восемь.

— Я вовсе не Дмитрий Дмитриевич, — сказал профессор, — а Дементий Дементьевич. И что же вы поняли?

— Почему у них ничего не повышается. Я уже два дня там проработала.

— Два дня — это мало. Но если вы поняли, напишите докладную записку и передайте мне. Вот вам стол, садитесь и пишите.

Маша села и написала:

«ДАкладная записка. ДАкладываю: ателье № 78 плохо работает пАтАму, что кто-то наслал на него порчу. Наверное это Митрохина из главка. Не любит она атёлье № 78 и второй год не дает хороших материалов. Вот клиенты уходЮт, и плана нет. Клиентам надо послать открытки».

— Написали? — спросил Баринов.

— Да.

— Хорошо, оставьте, будем рассматривать. Если все окажется правильным, примем меры. А вам найдем новую работу. Ждите от нас открыток.

Маша грустная пошла домой и стала ждать открытки, как люди зимой ждут лета, а летом отпуска.

Вторая профессия Маши Филипенко. Один в поле не воин

Маша ждала от них известий, а известий не было.

«Какие противные! — думала Маша. — Хотят извещают, хотят — нет. Когда я буду взрослая, я буду не такая. Я буду всех извещать».

В классе жизнь шла своим чёредом. Екатерина Ричардовна даже не заметила, что Маша стала улучшательницей и по-прежнему ставила ей то двойку ближе к тройке, то тройку ближе к двойке.

Сегодня на уроке она сказала:

— Ребята, называйте мне домашних животных.

Ребята стали кричать:

— Собака! Лошадь!

— Овца!

— Бык!

— Курица!

— А еще? — сказала Екатерина Ричардовна.

— Все, — ответили ребята. — Больше нет.

— Кончились животные.

— Эх, вы! А самого домашнего зверя забыли. Давай, Маша, называй.

А Маша и не слышала ничего. Она о мешковине думала и о вечерних валенках на высоком каблуке. Она молчит. Екатерина Ричардовна ей подсказывает:

— Что ж ты, Маша. Вот у бабушки живет. Ласковый такой, с усами. Кто это?

Маша как ляпнет:

— Дедушка!

Валера Готовкин в жизни так не смеялся. У него от смеха мыльные пузыри изо рта пошли.

Екатерина Ричардовна сказала:

— Ой, не могу! Беру тайм-аут на две минуты. Смейтесь, кто сколько хочет. — И даже ругать Машу не стала.

А вечером открытка пришла.

В открытке вот что было:

«Уважаемая Маша!

Институт Улучшения Производства сообщает тебе, что твоя докладная записка об улучшении работы ателье № 78 оказалась правильной.

В ателье завезены новые материалы, и уже сделано много хороших заказов. Тебя там еще помнят.

Приглашаем тебя для следующего улучшения.

Научный руководитель профессор Баринов».

Маша сразу нарядилась и в институт пошла. На ней была длинная юбка до пола и белая кофточка. Профессор Баринов был потрясен и сказал ей в своем кабинете:

— Есть две заявки на улучшение. Первая — сельскохозяйственная, с отрывом от обучения. Вторая — торговая, без отрыва от школы.

Маша сказала:

— Я хочу с отрывом. — Уж больно ее тройки измучили.

— Тогда придется пригласить родителей.

— А можно пригласить Екатерину Ричардовну? Это наша учительница. Она добрая, она поможет.

— Можно пригласить Екатерину Ричардовну. Можно и директора школы. Можно и из Министерства просвещения кого-нибудь. Но главное, чтобы были папа и мама.

Маша пошла домой. Уговорить родителей на отрыв. Эта операция будет посложней, чем работа в ателье № 78.

Теперь пришла пора поговорить про Машиных родителей. И надо о них узнать всего побольше, чтобы они неожиданнно чего-нибудь не выкинули.

Как вы знаете, родителей себе не выбирают. Берут, какие достаются. Но достаются почему-то самые лучшие.

Я сколько хочешь знаю людей, которые недовольны своими учителями, соседями по парте, своей работой. Даже руководителями Центрального теле-

видения: мол, что это за ерунду у нас показывают! Но я не знаю людей, которые недовольны своими родителями.

(Это все у нас. Может быть, у них, у капиталистов, наоборот. И какой-нибудь человек ужасно возмущается: «Ах, зачем мои родители миллионеры! Лучше бы они были из трудового крестьянства и воспитали бы меня тружеником».)

А Маше Филипенко особенно повезло. Ей достались просто самые лучшие родители. Мама — технолог в троллейбусном парке. Папа — инженер с электрическким уклоном. Они были современные люди, любили музыку и конный спорт. Говорят, что папа в молодости был хиппи.

Маша пришла домой и заявила:

— Папа и мама! Вас срочно вызывают!

Папа сразу сказал:

— Допрыгалась! — но даже с места не сдвинулся. Как читал на диване фантастику, так и продолжал читать. А мама спросила:

— Почему срочно?

— Потому что весь урожай может пропасть.

Мама отошла от телевизора, отложила в сторону жилетку, которую вязала, и спокойно произнесла:

— Не дави на психику и спокойно расскажи. Мы твои методы уже давно изучили.

У Маши действительно были методы. Она, например, прибегала в дом в слезах и говорила, что на свете есть злые и жестокие люди. И что ей, Маше, тяжело, потому что они котенка на помойку выбросили. И что все взрослые такие. Тогда папа говорил:

— Не все. Есть и хорошие. Не рыдай, тащи сюда своего котенка.

Маша сразу переставала плакать. Так она натаскала домой много всякой полудохлой живности: галчонка Кралю, кудлатую собаку Астру, рыбок. Ухаживали за всем этим разнообразием, разумеется, родители — папа и особенно мама.

— Так зачем нас срочно вызывают?

— Понимаешь, мама, группу молодежи посылают за город, чтобы усилить сбор урожая. И меня тоже, как сотрудника Института Улучшения Производства.

Папа и мама совсем отложили свои дела и решили все выслушать от начала до конца. Пришлось Маше рассказывать про то, как в школе писали сочинения, про то, как она попала в незамутненные, про то, как она уже работала в ателье.

Папа посмотрел на маму, улыбнулся и сказал:

— Ладно. Будь по-твоему. Поехали к профессору Баринову.

Папа с мамой нарядились. Папа даже галстук надел. И они приехали.

Дементий Дементьевич принял их очень серьезно. Посадил в большие кресла в своем кабинете. Позвонил в кнопочку и сказал секретарю:

— Ко мне, пожалуйста, никого не пускайте. У меня важные посетители.

Он рассказал папе и маме, что Институт Улучшения приносит много пользы. Что ребята по-новому подходят к взрослым работам и дают полезные рекомендации. Они решают всякие загадочные проблемы.

Папа на это сказал, что у них на заводе есть одна загадочная проблема:

— Мы выделяем детали на пятьсот пять телевизоров. А на склад поступает только пятьсот. Пять телевизоров куда-то деваются.

— Вы напишите нам заявку об этом. Мы направим к вам улучшателя, — сказал Баринов. — И проблема будет решена.

— Не знаю, не знаю! — сказал папа. — Лучшие умы нашего завода, все контролеры в тупике, а вы возьмете и решите?

— А мы возьмем и решим! Потому что у нас работают незаштампованные мозги. И мы просим родителей оказывать содействие.

— А как же ее отметки? — спросила мама.

— Это мы берем на себя. Опыт показывает, что работа улучшателем улучшает успеваемость. Даже читаемость книг у ребят повышается.

— Ладно! — сказал папа. — Тогда по рукам.

Дома он сказал маме, что профессор Баринов ему очень понравился.

Под конец разговора они обговорили, сколько одежды давать Маше в сельскую местность и что объяснить в школе Екатерине Ричардовне.

Через день мама провожала Машу за город. Она несла рюкзак по платформе и говорила:

— Пятая по счету остановка будет называться Опалиха. Прямо напротив станции правление. Там тебя встретит бригадир Шкатулкин. В правлении есть телефон. Позвонишь и скажешь, все ли у тебя в порядке.

— Хорошо, мама.

— Желаю успеха в повышении урожайности!

Маша вошла в вагон и сразу же высунулась из окошка. Электричка поехала.

— Мама, ты не беспокойся. Я буду учить математику. Я вернусь, ты меня не узнаешь!

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

1. «ПРИКАЗ от 21-го 9-го о зачислении ученицы Филипенко М. А. на должность бригадира полеводческой бригады с заданием собирать кабачки сорта им. Мичурина.

Приказываю зачислить с окладом 90 руб.

Директор совхоза Демидов».

2. «ПРИКАЗ от 29-го 9-го об объявлении строгого выговора бригадиру полеводческой бригады Филипенко М. А. за просыпание на работу и за неявку всей бригады.

Приказываю объявить.

Директор совхоза Демидов».

3. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА СТАРШЕМУ БРИГАДИРУ тов. ШКАТУЛКИНУ.

Безобразие! Во время рабочего времени бригада Филипенко разучивает песни. Почему? Как у тебя с планом по сбору?

Директор совхоза Демидов».

4. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ДИРЕКТОРУ СОВХОЗА тов. ДЕМИДОВУ.

План у них выполнен на 30 процентов. У меня потребовали баян и баяниста. Я принесу брандспойт и смою их с поля... вместе с этой Филипенко М. А.

Старший бригадир Шкатулкин».

5. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА СТАРШЕМУ БРИГАДИРУ тов. ШКАТУЛКИНУ.

Отставить брандспойт. По условиям договора с Институтом в работу улучшателей вмешиваться нельзя. Что они делают сегодня? Как у них с планом на второй день работы?

Директор совхоза Демидов».

6. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ДИРЕКТОРУ.

Поют. Баяниста посадили на ящик, заставляют играть. Имею вопрос: у нас совхоз или праздник песни? И репертуар какой-то сомнительный, не сельский — „Чунгу-чугунгу“ разучивают. Сил моих больше нет. План у них выполнен на 50 процентов.

Старший бригадир Шкатулкин».

7. ЧЕРНОВИК ПИСЬМА В ИНСТИТУТ УЛУЧШЕНИЯ. РУКОВОДИТЕЛЮ ПРОФЕССОРУ БАРИНОВУ.

«Товарищ Баринов, заберите, пожалуйста, ваш хор имени Пятницкого. Горим с планом! Пришлите лучше обычных студентов для сбора кабачков им. Мичурина. Да побольше!

Директор Демидов».

Не отправлено.

8. «СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ДИРЕКТОРУ ДЕМИДОВУ.

Тов. Директор! Какая-то чертовщина. Весь день плясали, а план выполнили на 60 процентов. Это похуже, чем наши деревенские, но получше, чем студенты. С чунга-чанговским приветом. Все-таки я бы очень хотел, чтобы весь этот ансамбль песни и пляски заменили на обычных студентов. От них хоть знаешь, что ждать.

Старший бригадир Шкатулкин».

В поле была осень, желтая и теплая. Какая-то вся праздничная, родная. Хотелось взять книгу предложений и написать:

«Дорогая природа! Спасибо за хорошую погоду и за солнце. Просим наградить всех работников чем-нибудь».

Ма́шина бригада сидела в перерыв в поле на ящиках для кабачков, и Маша с ней беседовала. Все женщины полеводческой бригады внимательно Машу слушали.

— Мы почему отстаем? — говорила Маша. — Потому что у нас коллектива нет. Каждый для себя работает и себе зарабатывает. Мы будем коллектив создавать. Согласны?

Женщины не спорили особенно, но и не соглашались.

— Лучше всего коллектив создавать в игре. Мы будем завтра в ручной мяч играть. Вы, Евдокия Павловна, будете стоять на воротах. Хорошо? — предложила она самой старшей работнице. — А вы, Антонина Семеновна, будете играть в нападении.

Старшая Евдокия Частова, робкая такая женщина в платке, отрезала:

— Не могу я стоять на воротах, когда у меня корова не доена. Да и стара я на воротах стоять. Я с них упаду. Я лучше дочку свою пришлю, Галку. Пусть мать на трудной работе заменит.

Антонина Семеновна Павловская, крупная такая работница, ее поддержала:

— Я в телогрейке и сапогах в нападении играть не могу. Тяжело это. Я лучше Ваську, сына своего, командирую. Он и играть мячом любит, и в поле давно не работал. Завтра воскресенье, в школу ему идти не надо.

Старший бригадир Шкатулкин радостно вспомнил:

— У меня тоже сын есть, Шуряйка. Он на баяне играть может не хуже баяниста нашего, в пионерском лагере выучился. Он вам эту «Чунгу»! А мы с баянистом сходим пива попьем на станции. Мы три года в отпуске не были.

Потом он добавил:

— Только одно плохо. Мой Шуряйка на месте сидеть не умеет. Все время бегает. Хоть к табуретке его приколачивай.

— Вот и хорошо, — сказала Маша. — Пусть табуретку с собой принесет, молоток и гвозди.

И все остальные работницы из бригады просили себя детьми заменить. То есть к утру весь состав бригады у Маши обновился.

Пришли аккуратные девочки Галя Частова и Лида Расторгуева — дочки участниц бригады. А старушка Татьяна Семеновна ни дочек, ни внучек не имела. Она прислала соседку-тимуровку Туманову Свету.

Шкатулкин Шуряйка в самом деле принес табурет, молоток и гвозди — все, как было велено городским начальством. Видно, авторитет Маши как руководительницы производства все еще был достаточно высок.

Маша не стала с ними играть в веселые игры, как со взрослыми. Каждому отвела грядку и сказала:

— Работайте, товарищи ребята! Собирайте мичуринки. А ты, Шуряйка, садись на табурет и играй «Чунга-чангу».

— Он хромает, — показал Шуряйка на табурет. Видно, дома ему выделили не самую лучшую мебель. — Можно, я в клуб слетаю, стул принесу?

— Не надо летать, — строгим бригадирским басом сказала Маша. — Вон ящик стоит для кабачков. Садись и играй.

Шуряйка сел и заиграл. Тут его укусил слепень. Шуряйка схватил доску от ящика и помчался за слепнем.

Маша догнала его и усадила. Все стали работать. Укладывать кабачки в ящики. Так они и ползали вдоль грядок каждый со своим ящиком. А Светка Туманова, как самая маленькая, тащилась с ведром.

— Мне мама говорила, что здесь мяч гоняют! — ворчала Галка Частова.

— Лучше бы я осталась дома дрова пилить! — горестно говорила Лида Расторгуева.

А Светка Туманова вздыхала, как пароход на мели.

— Эх вы! — стыдила их Маша. — А еще сельская местность! Я этот спорт для взрослых заводила. Они у вас какие-то дохлые. А мы можем и без игр работать. Мы — молодежь!

Тут бригадиров Шуряйка бросил баян и куда-то помчался.

— Ты куда?

Шуряйка замер:

— Эвон павловский телок действует.

— Как он действует?

— Объявление ест около клуба.

— Ну и что?

— Его пора проучить. Ишь моду взял!

— Без тебя проучат. Садись и играй.

Шуряйка сел и зачунгачангил. Но как-то уныло. Будто эта самая Чунга тяжело заболела. И бригада стала вся какая-то квелая, никудышная. Хуже, чем вчерашняя, родительская.

Каждый нехотя накладывал кабачки в свой ящик. Тащил ящик через все поле к дороге. Брал новый ящик, пустой, и снова возвращался к бригаде.

— Нет, мы так много не насобираем! — сказала Маша. — Слушайте, я буду рассказывать одну историю про любовь.

Девочки так и потянулись к Маше и стали даже свои кабачки к ней в ящик укладывать.

— У нас в школе одна девочка влюбилась в одного мальчика. Он был из другой школы, для трудных ребят. Там те учатся, которые воришки, скандалисты, которые курят.

Маша не успела и начала истории рассказать, как ее ящик стоял уже полон. Никто его не понес на край поля, чтобы не расставаться, а так на грядке его и оставили.

Маша дальше рассказ продолжила:

— Учителя девочке объясняют, что влюбляться в школе нельзя. Уж, в крайнем случае, в отличников и достойных пионеров. А девочка не согласна. Она этому мальчику письма пишет и встречается с ним в парке. Там, где значки меняют.

И все они вместе ящик Светки Тумановой заполнили. Что делать? Послали Шуряйку за пустым ящиком:

— Ты, Шуряйка, положи баян и за ящиком сбегай. Ты у нас бегать мастак. Пусть твоя беготня со смыслом будет.

Шуряйка помчался за ящиком. Пока ящика не было, все стояли с кабачками в руках.

— Бросайте мне кабачки! — сказала Маша. — Как в штандар!

Все стали в нее кабачками бросаться. Она их ловила и к ногам складывала. Как только Шуряйка с ящиком примчался, кабачки в ящик быстренько запихнули. И Шуряйка снова за ящиком полетел.

— Встречались они в парке. Там этот мальчик значки менял у коллекционеров. Потом гуляли везде, на каруселях катались. Уроки учили на лавочке. Наша девочка очень способная была. А ее родители сердились: «Где это ты гуляешь? Откуда у тебя столько значков? Прекрати немедленно!»

Тем временем под рассказ прошли поле до конца в одну сторону — от реки к дороге. Не успели оглянуться, как пять больших ящиков наполнили.

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

9. ПИСЬМО В ИНСТИТУТ УЛУЧШЕНИЯ.

«Уважаемые товарищи!

Когда мы узнали про вас, мы обратились к вам за помощью. Мы думали, что вы улучшаете производство, как все нормальные институты, путем присылания студентов. А вы прислали эту Филипенко с небывалыми полномочиями. И говорите, что она все улучшит.

Пока у нас тетки в телогрейках играют в мяч. Баянисты играют „Чунгу-чангу", а сама ваша Маша в первый день проспала на работу.

Давайте договоримся так. Я никому ничего не скажу. А вы заберете эту организационную Машу и пришлете обычных студентов 10 человек.

Если не верите, приезжайте и проверите.

Директор совхоза Демидов».

— И друзья девочке не помогали. Они говорили ей: «Эх ты, влюбилась, и металлолом мы без тебя собирали». Тогда девочка стала сердиться и на родителей, и на учителей, и на товарищей. А от сердитости хуже учиться стала, стала нервная и скандалистка.

Тем временем ребята решили без ящиков обходиться. Они расходились в стороны от Маши и кидали ей кабачки. Она их в кучу складывала. Когда куча большая вырастала, ребята на другое место переходили, ближе к дороге. Скоро десять больших куч цепочкой стояли от реки до дороги. Огромные кучищи.

Маша говорит:

— Ребята, вон нас сколько. Я одна не успеваю все кабачки ловить. Давайте мы на две бригады разобьемся. Шуряйка у нас готовый ловильщик кабачков. И так будем рядом идти от речки к дороге.

Теперь две бригады медленно двигались по полю. А кабачки летали над ними, как стая чаек над рыбацкой лодкой.

Появился бригадир Шкатулкин и ахнул! Батюшки, да они треть поля собрали! Надо бы председателю доложить. Но он не пошел, потому что от него пивом пахло.

По дороге с поля Маша историю докончила:

— Потом девочка совсем испортилась. Непослушная стала, капризная.

В родителей стала книжками кидаться. Ее отдали в школу для трудных детей. В ту самую, где мальчик со значками учился. Там она опять сделалась отличницей. Потому что она не трудная была, а нормальная. Неудобная просто.

Ребятам так Маша понравилась, что они решили и на следующий день прийти в поле работать. Правда, не целый день, а после школы.

...Как только ребята пришли, они на две бригады разбились и снова

работать начали. Работали, работали, а через час все поле было покрыто кабачковыми кучами.

Шуряйка говорит:

— Давайте мы будем кабачки хватать и к дороге наперегонки бегать.

— Нет, — возражает Маша, — кабачков много. Так мы будем до конца четверти бегать. Мы по-другому сделаем.

Маша выстроила всех ребят цепочкой вдоль грядок, и они стали кабачки из рук в руки через все поле перебрасывать. А на краю поля их уже в ящики укладывали.

Тут подъезжает черная «Волга», и из нее выходит начальство разное: директор совхоза Демидов, старший бригадир Шкатулкин, профессор Баринов и другие лица. (Вернее, одно другое лицо. Это был сотрудник по математике — Игорь Игоревич. Мы потом с ним еще ближе познакомимся.)

Директор Демидов на поле посмотрел и глазам своим не поверил:

— Не может быть! Эти кабачки кто-нибудь ночью собрал.

— Наверное, на это поле ночью кабачковый десант выбросили, — согласился профессор Баринов. — Они кабачки собрали и в леса ушли.

Он к себе Машу позвал и спросил:

— Как дела, товарищ Маша, есть трудности?

— Есть, — говорит Маша. — Шуряйка у нас на шаг перешел. Из него вся шустрость вылетела. И ящики уже кончаются.

— Как кончаются? Как кончаются? — заволновался Шкатулкин. — Я за ними сейчас грузовик пошлю. И у Шуряйки шустрость опять появится. Я ему только ремень покажу от брюк.

— Расскажите, как вы работаете, — попросил профессор Баринов.

— Мы все поле на клетки разбили. В середине вратарь стоит, и все ему кабачки кидают. Он их ловит и складывает. Потом бригада на новую клетку переходит. А потом все бригады объединяются и кабачки на край поля по цепочке передают.

— Это же бригадный метод! — ахнул Демидов.

— У нас такого никогда не было! — сказал Шкатулкин. — У нас каждый за себя собирал. Поэтому скорость была низкая. Да и ящики эти тяжелые, как танки, не натаскаешься. А теперь мы по-другому заживем. Теперь мы все сами будем быстро собирать. Теперь нам никаких студентов не надо будет.

Они стали втроем обсуждать бригадный метод. А сотрудник по математике отвел Машу в сторону, усадил на ящик и стал знания проверять.

Он нашел, что знания у Маши есть. Но их не много, и все они неправильные. И что надо срочно ее в Москву забирать и учить там математике.

С этой «Волгой» Маша в Москву уехала. А вся бригада за ней бежала и махала вслед. Потом стала отставать. Дольше всех Шуряйка бежал. К нему опять шустрость вернулась. То ли ему ремень от брюк показали, то ли он Машу больше всех любил.

Маша кричала из окна:

— Не грустите. Мы еще встретимся!

ЦИФРЫ И ДОКУМЕНТЫ

10. ТЕЛЕГРАММА В ИНСТИТУТ УЛУЧШЕНИЯ.

«План по сбору кабачков и тыкв выполнили. Приезжайте пробовать. Метод бригадной работы внедряем везде.

Директор Демидов. Заместитель директора Шкатулкин».

Значит, Шкатулкина повысили.

Третья профессия Маши Филипенко. Тайна овощной палатки

Третью профессию Маше долго не давали: сотрудник по математике Игорь Игоревич запрещал. Он все время с ней занимался, подтягивал ее. Задачки ей давал.

«Из пункта А в пункт Б ехали велосипедисты. Половина велосипедистов остановилась около бочки с квасом. Из оставшейся половины половина вырвалась вперед. Когда половина из них приехала в пункт Б, оказалось, что их семь человек. Сколько всего велосипедистов выехало из пункта А?».

Маша решала:

— Сначала вперед уехало несколько велосипедистов. Потом еще половина несколька. Получается полтора несколька. Потом еще половина половины несколька. Всего стало одна несколька и три четвертых. Значит, велосипедистов приехало больше, чем выехало. Совсем вы меня запутали, Игорь Игоревич!

— Это ты меня запутала, — отвечал он. — Нет такого понятия «несколько». Есть понятие — одно целое и его части. Целое можно обозначить буквой Х.

Маша обозначала целое буквой Х, и у нее еще хуже получалось.

— Сначала у нас было Х велосипедистов. Потом половина Х пошла за квасом, а половина отстала. Значит, весь Х растерялся по дороге и никто в пункт Б не приехал.

ОБА-БА

Игорь Игоревич аж зеленел. Он говорил:

— Есть учащиеся, которые не могут освоить понятие «неопределенное количество», им всегда нужно точные цифры называть. И еще они не понимают, что такое пункт А, пункт Б и почему в бассейн в одну трубу вода вливается, а из другой выливается. Да еще с разной скоростью. Они только глаза таращат и задыхаются, как рыба без воды.

— Совсем как я, — сказала Маша.

— Таким учащимся нельзя говорить, «из пункта А в пункт Б шел пешеход». Им надо говорить: «из пункта АПТЕКА в пункт БИБЛИОТЕКА шел пешеход профессор Баринов». У них тогда все проясняется.

— Ой, — сказала Маша. — У меня все прояснилось. Давайте про профессора Баринова решать.

— Этот метод, — сказал Игорь Игоревич, — называется методом конкретных действий. — Но решать задачу про своего научного руководителя отказался. — Мы возьмем пример из художественной литературы, — сказал он. — Записывай условие задачи: «Как ныне сбирается вещий Олег из пункта А в пункт Б, отмстить неразумным хазарам. Их села и нивы, расстояние до которых двести километров, за буйный набег обрек он мечам и пожарам. Из темного леса навстречу ему, из пункта Б в пункт А, идет вдохновенный кудесник со скоростью пять километров в час. Требуется узнать, где встретятся эти пешеходы, если первый смирно стоит под стрелами врагов, а второй мчится по бранному полю». Автор задачки Пушкин.

В это время профессор Баринов вошел.

— Как дела у вас?

— Трудная учащаяся, никакой ответственности. Ее бы учетчицей в магазин послать, чтобы она за товар отвечала. Тогда она быстро и ящики, и килограммы, и литры, и мешки считать научится! — сказал Игорь Игоревич.

— У нас как раз есть заявка на улучшение работы одного овощного магазина. Население сердится, что там покупать нечего. А начальник торга говорит: «Мы эту палатку завалили продуктами. Даже бананы шлем». В общем, надо разобраться, в чем там дело.

Игорь Игоревич сказал:

— Отправляйте туда Машу немедленно. И меня к ней прикрепите. Я не думаю, что там порядок появится. Но считать она научится, это точно. И пятерку по математике получит.

Через два дня был издан очередной приказ в Институте Улучшения.

«ПРИКАЗ.

Сотрудницу Филипенко М. А. направить в овощной магазин-палатку по улице Гашека, 18, в качестве продавца-исследователя.

Срок работы в пределах месяца.

Без отрыва от производства, без материальной ответственности.

В качестве консультанта к Филипенко М. прикрепить сотрудника по математике И. И. Кулибина с половинной материальной ответственностью.

Директор института профессор Баринов».

...Папа Филипенко прочитал приказ и спросил:

— Что такое материальная ответственность?

— Ответственность за материалы, — ответила Маша.

— Какие материалы в овощном магазине?

— Мешки всякие, целлофан. А есть еще ящичная ответственность. Это за ящики. Или бочечная — за бочки. А у директора магазина, наверное, есть уже вагонная ответственность.

— Очень ответственная у вас работа, — сказал папа.

И вот после школы Маша отправилась на улицу Гашека. У нее было такое ощущение, что ей не очень обрадовались. Продавщица Зоя Абрикосова спросила:

— Ты что, умственно отсталая, раз тебя к нам прислали? Почему ты в школе не учишься?

— Я умственно нормальная, — ответила Маша. — Я к вам зарабатывать пришла.

— Ой, — засмеялась продавщица Клава Абрикосова. — У нас тут заработаешь!

Зоя и Клава были сестры.

Работа у них была тяжелая и очень сложная. Может быть, поэтому от них и не веяло теплом к покупателю.

— Я научу тебя, как работать, — сказала младшая Зоя. — Главное, чтобы покупатель не капризничал. Его первым делом надо на место ставить.

Маша вопросительно посмотрела на старшую сестру Клаву. Та в ответ кивнула головой.

— Да, на место ставить и одергивать. При случае можно и припугнуть. Он спросит: «Дайте мне двести граммов капусты». А ты ему в ответ: «Двести граммов! Буду я возиться из-за каких-то двухсот граммов. Это капуста, а не шоколадные изделия! Я людям мешками вешаю!» Если другой покупатель придет и скажет: «Дайте мешок капусты!» — ты ему в ответ спокойно так и с достоинством заявляешь: «Ишь распустились! Людям на суп двести граммов не хватает, а тут мешками берут! Это тебе капуста, а не железобетонные изделия!»

— Он тогда ручным становится! — подхватила Зоя. — Еще ему можно сказать: «Ишь шляпу надел!.. Вы бы тут у нас сами поработали!.. Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела!»

Маша все это с первого дня запомнила. И еще много чему у продавщиц научилась.

— Значит, главное — припугнуть и на место поставить?

— Припугнуть и на место поставить.

Маша стала готовиться к самостоятельной работе.

На складе она нашла старую тыкву и все внутренности из нее вынула.

Прорезала в тыкве глаза, нос, рот зубастый до ушей. Сверху к хвостику веревку привязала. И веревку за трубу у потолка забросила. Если за веревку потянуть, улыбающаяся тыква вверх выезжала.

К тыкве Маша привязала старый мешок, как платье, и хоккейную клюшку.

Получилась смерть с косой. Такая овощная смерть со спортивным уклоном.

Эту смерть Маша до поры до времени в углу держала в боевой готовности.

Как за веревочку потянешь, это улыбающееся изделие немедленно под потолок выкатывалось как солнышко.

Еще одну веревочку Маша к ручке двери на склад привязала. Дверь скрипела ужасно, будто асфальтовый каток по стеклу буксовал. Таким образом Маша звуковое сопровождение приготовила.

А чтобы довершить спектакль, наша ученица научилась крышку погреба ногой толкать. Погреб своей крышкой не хуже пушки грохал.

И стала Маша ждать, когда ей самостоятельную работу доверят.

Однажды продавщицам Зое и Клаве надо было на овощную базу ехать товар отбирать. Потому что туда репу завезли из Турции. Зоя говорит Клаве:

— Давай мы магазин закроем. «Учет» повесим или «Ушла на базу».

Клава говорит Зое:

— У нас и так каждый день «Учет» или «Ушла на базу». Надо что-то другое придумать.

— Чего тут придумывать, — говорит Зоя. — У нас практикантка есть. Пусть поработает. Чего она без дела изюм грызет.

Маша тоже говорит:

— Дайте мне самостоятельную работу. Я у вас уже три дня сижу, все умею.

Старшая Клава посмотрела на нее и согласилась:

— Ладно. Будешь тот товар продавать, который не больше двадцати копеек за килограмм. Дороже чтоб ничего не продавала. А то ты нам наторгуешь!

Продавцовые сестры уехали. Маша осталась за главную. Тут покупатель пришел. Это был большой начальник из одного министерства.

Маша этого не знала. Она приготовилась покупателя на место ставить. Он говорит:

— Дайте мне двести граммов изюма.

Она в ответ:

— Вот еще! Буду я из-за двухсот граммов возиться. Люди мешками берут.

Покупатель из министерства даже подпрыгнул от удивления:

— Мешками?!

— Ну да! — бодро отвечает Маша. — Ишь, а еще шляпу надел!

Покупатель говорит:

— Я шляпу не надел. Я, наоборот, снял шляпу. Потому что мне жарко стало.

А Маша дальше кричит:

— Вы бы у нас тут поработали! Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела!

Покупатель тихо так спрашивает:

— Какого такого?

Маша не знала, что сказать, поэтому закричала совсем басом:

— Такого такого! Ишь чего хотят! Это изюм, а не железно-капустные изделия!

Она так расстаралась, что у нее изо рта пена пошла. Покупатель стал ее успокаивать:

— Вы не волнуйтесь. Может, действительно, все мешками берут. Я тогда тоже мешком возьму. Только боюсь, у меня денег не хватит. Сколько стоит ваш изюм?

— Дороже двадцати копеек я не продам, — говорит Маша. — И не просите. А то я тут наторгую.

Покупатель совсем удивился:

— Пока я в своем министерстве сидел сельскохозяйственном, тут большие изменения произошли. Цены почти даровые сделались. А мне жена ничего не сообщала. Зарплату по-прежнему требовала.

Он на витрину внимательно посмотрел:

— А кедровые орехи у вас почем?

— По двадцать копеек.

— А грецкие?

— Дороже двадцати не продам.

Покупатель успокоился и говорит:

— Дайте мне полмешка того и полмешка сего.

Маша видит, он опять спокойный стал, неодернутый. Она решила в ход свое главное дисциплинирующее устройство пустить. За веревочку потянула. Тут овощная смерть со своей улыбочкой наверх полезла. Клюшкой размахивает.

Покупатель глаза выкатил, шепотом спрашивает:

— Это-о что-о?

— Ах, это? — небрежно говорит Маша. — Это смерть продуктовая. Каждый день ровно в обед приходит. Сейчас кричать начнет.

Сама за веревочку от двери на склад потянула. Дверь страшно скрипеть и визжать принялась на своих петлях. Маша ногой люк подняла — и грох!!

Будто пушка из-под земли шарахнула.

Покупатель как закричит:

— Караул! На помощь! — и бежать.

Только он за углом скрылся, Зоя с Клавой пришли. Клава спрашивает:

— Как торгуется?

— Нормально, — отвечает Маша. — Один покупатель уже убежал.

— Почему убежал? — спросили сестры Абрикосовы.

— Я его на место поставила. Проучила чуть-чуть.

— А что, он платить не хотел?

— Почему не хотел? Хотел. Он хотел изюма целый мешок купить.

— Может, он какое недовольство проявлял? Жалобную книгу требовал?

— Ничего он не проявлял, — успокоила их Маша. — Он вообще хороший человек, из министерства.

— Так зачем же его на место ставить?

— Мне надо было средство проверить, — объяснила Маша. — С которым я дальше работать буду. С плохими покупателями. Это были испытания.

— Какие еще испытания? Какое еще средство? — спросила Клава.

— Вот это, — сказала Маша и потянула за веревочку. Овощная смерть опять на каменный небосклон вылезла. А дверь страшно скрипеть начала. Сестры сразу побелели. Потом Зоя говорит:

— Вот что, пока не поздно, нужно эту командировочную из торгового помещения убирать. Нечего из нашего магазина комнату ужасов устраивать... Какая-нибудь бабушка здесь рассудка лишится, нас же потом под суд отдадут. Мы ее на склад отправим, пусть ящики считает.

Старшая Клава поддержала:

— Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела. На складе ей самое место, там посторонних нет. Пусть и чучело с собой берет. Может, какой жулик залезет. Пусть лучше он окачурится, чем честные труженики.

Маша согласилась. На склад так на склад. Лишь бы пользу приносить. Она смотала смерть продуктовую и на склад отправилась.

Скоро туда и Игорь Игоревич пришел с Машей заниматься. Вообще-то Игорь Игоревич был студентом педагогическим. То есть он был наполовину учителем. Но из него, наверное, очень хороший учитель получится. Потому что из-за одной Маши он как на праздник одевался. На нем был костюм в искорку и галстук в серый горошек.

Они занимались и одновременно работали. Морковь по пакетам рассовывали.

Маша просто рассовывала, а Игорь Игоревич задачки придумывал:

— На склад привезли десять ящиков с яблоками и десять с бананами. И пять бумажных мешков с лимонами. В первый день продали несколько ящиков и мешков и во второй столько же. Нужно узнать: сколько продали во второй день? Если в третий продали все, что осталось. И это было вдвое меньше, чем в первый.

Маша спросила:

— Игорь Игоревич, где вы условие задачи взяли?

— У кладовщика в накладной прочитал.

Маша говорит:

— Это неправильная задача. Я в этом магазине три дня работаю и ни разу ни яблок, ни бананов, ни лимонов на прилавке не видела.

— Так быть не может! — говорит Игорь Игоревич. — Если в первый день завезли бананы, то во второй день продали бананы. Так во всех учебниках пишут.

Они к кладовщику пошли, товарищу Поросенкову. Это был спокойный человек, в брезентовом фартуке.

Он говорит:

— Что там в учебниках пишут, я не знаю. У нас все по-другому. На первый день привезли двадцать ящиков с яблоками, на второй день увезли двадцать ящиков с яблоками. На первый день привезли бананы, на второй день вывезли. Только картошка с капустой задерживаются.

Товарищ Поросенков был пенсионер. Ему не повезло с фамилией, но очень повезло с характером. Его ничего не сердило, и из него никогда не выскакивали вопросы. А из Маши они так и летели во все стороны:

— А когда же их увозят эти бананы-яблоки?

— Не знаю, — ответил пенсионер. — Вечером я склад запираю, они есть. Утром я склад отпираю, их нет.

— Это какая-то загадочная тайна, — говорит Игорь Игоревич. — Пока мы ответа на эту задачу не найдем, мы другими заниматься не будем.

Они решили на ночь на складе спрятаться и узнать, куда ящики деваются.

Договорились потеплее одеться, взять фонари, чтобы не страшно было, и все-все расследовать.

Но до этих пор они как обычно картошкой и капустой занимались. Брали мешки, грузили на тележку и везли в торговый зал к Зое и Клаве. Игорь Игоревич все равно удержаться не мог. Он Маше снова и снова задачи задавал, правда, уже полегче — про картошку и капусту:

— На склад привезли десять мешков с капустой и десять с картошкой. И пять бумажных мешков с морковью. В первый день продали несколько мешков и во второй столько же. Нужно узнать: сколько продали во второй день? Если в третий продали все, что осталось. И это было вдвое меньше, чем в первый.

Маша подходила к кассе и спрашивала:

— Скажите, тетя Зоя Михайловна, за сколько часов мы картошку продадим?

— Продадим к вечеру.

— Почему?

— К вечеру народ пойдет. Все расхватает.

Все это Маша сообщала Игорю Игоревичу:

— Я решила все. Картошку продадут к вечеру.

— Почему?

— К вечеру народ пойдет. Все расхватают. Это мне Зоя Михайловна сказала.

— Вот человек! — говорил Игорь Игоревич. — Вместо того чтобы просто решить, полгорода с вопросами обегает. Маме на работу позвонит, справочное бюро на ноги поставит. Все умеет делать, только думать не может.

Они стали готовиться в складе прятаться. Игорь Игоревич пошел домой за фонарями и телогрейками. Маша домой позвонила:

— Папа, не пугайся. Я домой ночевать не приду. У меня дело есть важное. Я буду всю ночь на складе сидеть в засаде против жуликов.

Папа закричал:

— Что это за засады? Ты где работаешь — в магазине или в городской милиции?

— Я в магазине работаю. А здесь постоянно бананы пропадают. И лимоны куда-то деваются.

— Все ясно, — говорит папа. — У вас волки завелись лимонные. По ночам приходят и налимониваются. А ты будешь их арестовывать.

— Волки не волки, — отвечает Маша, — а бывает так, что кобылицы волшебные по ночам приходят и все едят. Как в «Коньке-Горбунке». И потом, я не одна буду, а с Игорь Игоревичем.

Тогда папа успокоился:

— Ладно. Я маме про жуликов ничего говорить не буду. Я ей только скажу, что вы с Игорь Игоревичем в засаде сидите, математику решаете. Это такой новый метод засадный. Современные дети просто заниматься не умеют. Им нужно в засаде сидеть или на крыше. Или в поход идти по Африке. Чтобы кругом были слоны и бегемоты. Они тогда все лучше усваивают.

Тут Игорь Игоревич вернулся. Они с Машей засунулись в магазин к Зое и Клаве. Сказали, что домой уходят. А сами тихонечко пошли на склад и спрятались в капусте.

Они тихо-тихо сидели, как мышки. Игорь Игоревич задавал Маше задачки:

— В одну столовую завезли грибы. Белые и подосиновики. Подосиновиков было в три раза больше, чем белых. Сколько всего было грибов, если подосиновиков было девяносто?

Маша сразу решила... Она твердо решила, что летом соберет много грибов и принесет их в школьную столовую для супа. А то у них все рассольник с уткой и рассольник с уткой. Рассольник с уткой и рассольник с уткой. Если каждый начнет в столовую грибы приносить или сухофрукты, у них будет не столовая, а кафе ресторанного типа. Можно будет даже гостей приглашать.

Заскрипела дверь.

Это пришел кладовщик пенсионер Поросенков. Он запер дверь, и засада началась. Маша и Игорь Игоревич укрылись мешками и стали ждать ответа, куда яблоки деваются. Они ждали, ждали, ждали, ждали... ждали... ждали... и глаза у них стали закрываться.

Они заснули.

Когда они проснулись, кругом было утро. Солнце так и прыгало во все щели. Кладовщик товарищ Поросенков скрипел дверью. Все было как и вчера.

Только лимонов не было.

Игорь Игоревич был мрачный и помятый. Маша тоже выглядела, как будто ее на помойке нашли. И ничего они не узнали, куда яблоки деваются.

Они незаметно выбрались из капусты и стали работать. Опять таскали пакеты с картошкой, консервы, изюм. Хорошо, что в этот день ни яблок, ни лимонов не было. И Игорь Игоревич с Машей могли вечером пойти домой и нормально спать на кроватях.

На следующий день яблоки снова приехали. И бананы с лимонами. Маша прямо так и спросила у Зои:

— Тетя Зоя Михайловна, а когда мы их продавать будем?

Зоя Абрикосова прямо так и ответила:

— Не твоего ума дело. Когда надо, тогда и будем. Если тебя из школы исключили, значит, поменьше спрашивай.

Маша еще сильнее захотела во всем разобраться. В конце рабочего дня они с Игорем Игоревичем снова на склад пробрались. И в картофельных мешках спрятались. Только в этот раз Маша похитрее была. Она взяла и тихонечко веревочки привязала к яблочным ящикам.

А от ящиков к Игорю Игоревичу, к ботинкам.

— Все! — сказала Маша. — Они в наших руках!

И тут ночь наступила быстро-пребыстро. За последние дни Маша на складе так уматывалась, что только глаза закрывала, сразу наступало утро. Какие-то ночи стали короткие — секунд десять.

Сегодняшняя ночь была особенно короткой — секунды две с половиной.

Будто какой-то волшебник просчитал: «Раз, два! Три!» — и покрывало ночное сдернули... И Игорь Игоревич остался без ботинок.

Он тихо закричал из мешков:

— Караул! Ботинки пропали!

Маша срочно отыскала рабочие рукавицы брезентовые и дала их Игорю Игоревичу на ноги. Игорь Игоревич сразу стал похож на большую, хорошо воспитанную обезьяну.

— Тут целая шайка действует, — сказал он. — Мафия. Не только ящики воруют, людей раздевают.

Хотя никто людей не раздевал, а немного разували.

— Мы их обязательно разоблачим! — поклялся Игорь Игоревич.

Кое-как они отработали этот день. Игорю Игоревичу из дома тапочки привезли.

Потом еще один день прошел. И вот третья ночь наступила, самая решительная. Снова яблоки завезли. И лимоны в бумажных мешках.

Продавщицы Зоя и Клава в этот день в кино торопились. Они были раскрашенные и нарядные.

— Картина будет хорошая, — говорила Клава. — «Саженцы» называется. Это про яблоки и про огурцы.

— Сама ты про огурцы! — говорила Зоя. — Это про бандитов, которых в тюрьму сажают.

Они повесили «Ушли на базу» и велели Маше магазин запирать.

И вот послышался шум мотора, ярко засветили фары во все трещины складских ворот.

Подъехала машина. Двери открылись, и вошел человек.

Он стал грузить ящики в кузов грузовика.

— Дождались! — сказал Игорь Игоревич. — Похититель прибыл. Сейчас мы его разоблачим.

— Не надо его разоблачать, — ответила Маша. — Давайте мы вместе с ящиками погрузимся. Мы тогда всех сразу возьмем.

Как только человек очередной ящик понес, они из ворот потихонечку выскользнули. А когда человек ворота запер и в кабину пошел садиться, они в кузов быстренько вскарабкались. Машина поехала. Было холодно-прехолодно. И ехали они долго-предолго. И наконец, когда уже светать начало, они куда-то приехали. Только они с Игорем Игоревичем никак встать не могли. Потому что у них руки и ноги от холода плохо двигались.

Человек начал машину разгружать. Игорь Игоревич встал наконец, взял в руки пакет с подпорченными яблоками, поднял его над головой и говорит водителю-расхитителю:

— Руки вверх! Ваша игра окончена! Мы вас разоблачили!

Водитель руки поднял и отвечает:

— При чем тут я? Я просто шофер. Со мною экспедитор есть. Он за все товары в кузове отвечает. Вы его разоблачайте!

— Зовите его сюда! — командует Игорь Игоревич.

— Товарищ Баранкин! — кричит шофер. — Идите сюда. Вас разоблачать будут.

Товарищ Баранкин подошел и смотрит. Игорь Игоревич ему говорит:

— Руки вверх! Ваша игра окончена! Мы вас раскрыли!

Товарищ Баранкин руки вверх поднял и отвечает:

— Интересное кино: почему это меня? Подождите, не кидайтесь вашей кислятиной. Я вам один документ покажу.

— Показывайте! — разрешил Игорь Игоревич.

Экспедитор товарищ Баранкин бумагу протянул:

— Видите, это наряд на получение овоще-фруктов в магазине на улице Гашека.

— Вижу. И что?

— Вы нам своими нарядами глаза не затуманивайте! — строго сказала Маша.

— Я вам не барышня нарядами глаза затуманивать. У меня наряд есть, я товар получаю. А подпись под нарядом директора нашего сельпо товарища Косогорова.

Игорь Игоревич строго так кричит:

— Все ясно, кто главный зачинщик. Ведите сюда вашего товарища Косогорова. Будем его допрашивать.

Сбегали за товарищем Косогоровым. Теперь уже три человека стоят перед грозным Игорь Игоревичем с поднятыми руками.

Товарищ Косогоров мирно так говорит:

— Знаете что. Зачем вы нас здесь разоблачаете, на улице? Пойдемте ко мне в дом. Жена чаю приготовит. Позавтракаем.

Игорь Игоревич на Машу посмотрел. Она сказала:

— Хорошо. Пойдемте. Только и не думайте убегать. Мы вас из-под земли достанем.

Они прошли в дом товарища Косогорова. Светлый такой дом, с цветами и даже с канарейкой. Даже не верилось, что преступники такие уютные бывают. Наверное, товарищ Косогоров хорошо замаскировался. Сели пить чай.

Товарищ Косогоров спрашивает:

— Какие претензии вы к нам имеете?

— Вот какие, — ответила Маша. — В магазин по улице Гашека поступают бананы и яблоки. А покупатели их не видят ни в первый день, ни во второй. Потому что они исчезают в неизвестном направлении. Кто-то каждую ночь их украдает.

Товарищ Косогоров все внимательно выслушал и говорит:

— Можно, я задам разъяснительные вопросы?

— Можно, пожалуйста. Только это вас не спасет.

— Вы видели, в каком виде приходят яблоки?

— В каком?

— В таком, что ими только в театре в плохих артистов кидаться хорошо. Дайте мне ваш пакет с кислятиной.

— Какой вы хитрый! — говорит Маша. — Вы нас разоружить хотите.

— Я вас угостить хочу.

— Нет, не надо нас угощать, — говорит Маша. — Тут на весь пакет всего три яблока хороших. Остальные черные.

— Кто же будет в городе такие яблоки покупать? — спрашивает товарищ Косогоров. — Может быть, хорошо, что они исчезают?

— Может быть, и хорошо. А кто будет в деревне такие яблоки покупать? Кому они нужны?

Тут товарищ Косогоров закричал:

— Вась! Вась! Вась!

И из-под скамейки маленький козленок выскочил. Косогоров дал ему яблоко с гнильцой. Козленок как съест это яблоко.

— Пойдемте дальше, — говорит Косогоров. Он взял пакет и вышел во двор. А там кого только нет. И куры, и гуси, и кролики, и теленок. Как увидели они тухлые яблоки, как обрадуются. Так и кинулись на них.

— Все понятно? — спрашивает товарищ начальник сельпо. — Конечно, это неправильно, но плохими яблоками сельскую местность можно снабжать. Им есть применение. Зато наши рабочие еще и бананы получают. Благосостояние у нас растет, а бананы не растут. И лимоны не растут.

Маша и Игорь Игоревич все уже поняли. И спросили:

— А откуда такие плохие яблоки берутся?

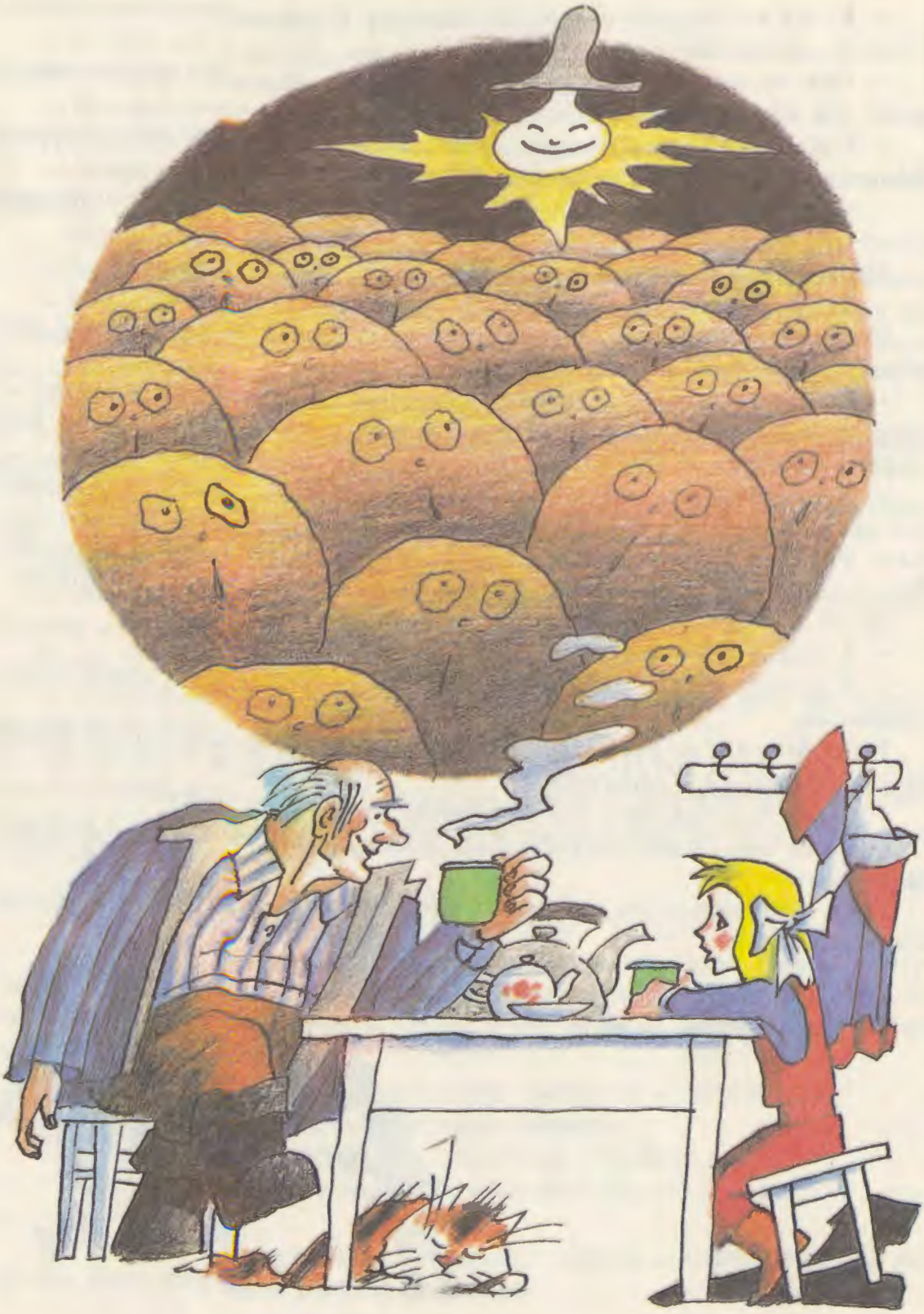
— Я думаю, в этом овощная база виновата. Эти яблоки хранили неправильно.

Тогда Маша и ее учитель поблагодарили товарища Косогорова и всех других товарищей и спросили:

— Скажите, а где тут у вас электричка останавливается?

— А вон там, позади пятиэтажного Дома культуры. У нас поезда очень часто ходят.

Так и закончилась эта история. И закончилась третья профессия Маши Филипенко.



Четвертая профессия. Ассистент овощного хранильщика

Как только Маша вернулась домой, она сразу стала отчетную записку писать. А уже потом привела себя в порядок и спать легла.

«АТЧЕТНАЯ ЗАПИСКА

Уважаемый профессАр Баринов.

Из магазина по улице Гашека прАдукты увозЮт в сельское по. Потому что там порченые яблоки едят сельские хозяйственные животные. А бананов там вообще не видели. Теперь видЮт. Это на станции Турист.

Главное надо наладить овощную базу для правильного хранения испорченных яблок. Тогда они будут неиспорченные.

Улучшательница Филипенко».

На свободном месте Игорь Игоревич приписал:

«С отчетом согласен. Прикрепленный Игорь Игоревич. В дополнение сообщаю, что успеваемость у улучшательницы улучшилась. Я имею в виду математику. А что касается русского языка, сами „видюте“.

Сотрудник по математике Кулибин И. И.»

Через несколько дней появился на свет

«ПРИКАЗ ПО ИНСТИТУТУ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА.

В связи с потребностями времени и по заявке директора овощного торга направить улучшательницу М. А. Филипенко на овощную базу Дзержинского района в качестве ассистента хранильщика овощей.

Работы по хранению овощей проводить по воскресеньям без отрыва от школы и семьи.

Главный ученый профессор Баринов».

Маша получила приказ на руки и домой его принесла. Папа прочитал и сказал:

— Мне этот приказ очень нравится. Ты у нас, Марья, совсем от семьи оторвалась. И от магазинов. Вот тебе три рубля, беги в булочную, купи килограмм песку и батон. А когда прибежишь, проводи у себя в комнате субботник. Потому что у тебя там столько мусора накопилось, что пола не видно. На люстре прыгалки висят и на аквариуме колготки качаются.

В школе Екатерина Ричардовна была рада Маше. Она сказала:

— Посмотрите, ребята, как труд полезен третьекласснику. Маша пошла работать в магазин совсем отсталая. Ни одной задачи решить не могла. А сегодня сама все решает.

Маша так и засияла. Ею можно было весь широкий Невский проспект освещать.

— И Дима Аксенов правильно делает, что у нее списывает. Но решать задачи Маша правильно научилась. А писать грамотно не умеет. Она пишет: «На склад завезли бАтинки...», «За десятую пятилетку будет поставлено четыре тысячи семьсот электрАвозов...» Она все время «а» и «о» путает. И Дима Аксенов, который правильно делает, что у нее списывает, неправильно делает, потому что списывает с теми же ошибками. Ему можно сразу две двойки ставить — по математике и по русскому. Дима, выбирай, какая тебе больше нравится.

Дима долго выбирал. Потом сказал:

— Никакая не нравится.

— Ладно, — сказала Екатерина Ричардовна. — Поставим тебе по математике. Потому что по русскому у тебя уже есть.

Наступило воскресенье. Рабочий улучшательный день для третьеклассницы Марии Александровны.

Около метро «Варшавская» рано-рано утром в темноте идет веселый поток трудящихся. Это — инженеры, физики, журналисты, сборщики приборов, регулировщики автоматов, студенты и другие представители граждан Москвы. Они, как и Маша, спешат на овощную базу. Так уж принято — овощи надо спасать.

Маша, как приехала на базу, пошла в цех помидорно-яблочного хранения. Там ее встретила начальница цеха — Наталья Павловна Науменко.

Она посмотрела на путевку и сказала Маше:

— Мне некогда тобой заниматься. Ко мне народ пришел разный. Иди к дяде Паше Лексееву, старшему хранильщику. Он тебе все объяснит.

И закричала в глубину цеха:

— Товарищи из метрополитена, проходите к яблокам. Товарищи из медицинского института — к помидорам. А товарищей с телевидения у нас явный избыток. Мы их перебросим в соседний цех — на картофель.

Тут у нее зазвонил телефон. Она закричала в трубку:

— Начальник цеха по яблокам и помидорам у аппарата. Я слушаю. Что? Сто человек пропало с «Шарикоподшипника»? Нет, ко мне они не приблуждались. Если придут, я их отправлю в дирекцию.

Потом она обратилась к метрополитеновцам:

— За работу, товарищи! Будем спасать яблоки!

Потом она обратилась к мединститутовцам:

— За работу, товарищи! Будем спасать помидоры!

Снова зазвонил телефон. Наталья Павловна закричала:

— Начальник помидорного цеха слушает... Да, поняла. — Она обратилась к людям, работающим в цехе: — Товарищи, среди вас нет зам. министра по Маркаронии? Его срочно разыскивают. Неожиданно прибыла делегация маркаронских специалистов.

Работающие ответили:

— Нет. У нас нет такого товарища. Если найдется, мы вас известим.

Люди из разных организаций стали очень весело работать. Все они были одеты как попало. Было непонятно, кто журналист, кто шарикоподшипниковец, а кто просто так себе, физик-теоретик, кандидат наук. Все они очень уважали яблоки и помидоры и очень аккуратно их перебирали. А все работники базы были в синих телогрейках с иголочки. И очень важно повсюду ходили.

Дядя Паша Лексеев повел Машу к себе в комнату без окон, стал поить чаем и про свою работу рассказывать.

— Главное в нашем деле — лектрическая вата, — говорил он. — Чем больше лектрической ваты мы сэкономим, тем больше нам, хранильщикам, платют.

Маша слушала, затаив дыхание.

— Вот к примеру. Сэкономил я один килограмм ваты, мне четыре копейки премии.

— При чем тут вата? — спросила Маша. — Вату можно в аптеке экономить.

— В аптеке одна вата. В лектричестве другая. Лектрический расход энергии в килах ваты меряют. Мой сосед Пахомыч вчера семь килов ваты сэкономил. Так ему прибавка выйдет двадцать восемь копеек.

— Как он сэкономил? — спросила Маша.

— Он лектрический подъемник выключил.

— И как же поднимали все без подъемника?

— Просто поднимали. Студентами в корзинах. Вчера суббота была. Много студентов было. Они и поднимали. Наматываешь?

— Наматываю, — сказала Маша.

— Исходя отсюдова, у тебя задача будет — везде свет выключать. Лектрическую вату экономить. В стране этой ваты не хватает.

— Но овощей тоже не хватает! — сказала Маша.

— Овощей, вона, завались! — возразил дядя Паша. — Потом, за овощи я не отвечаю. За овощи у Натальи Павловны голова болит. Ей за них отвечать.

Тогда Маша с ходу деловое предложение внесла:

— Может, нам совсем главный рубильник выключить. Вся вата у нас останется.

— Эта мысль правильная! — степенно сказал дядя Паша. — Но не верная. Если мы главный рубильник выключим, все лампочки погаснут. И людям не видно будет, где какой овощ испортился и какой перебирать нужно.

— А если им фонари раздать?

— Когда у тебя в одной руке фонарь, много не наперебираешь. И потом... если мы главный рубильник выключим, весь холод из базы уйдет. Яблоки еще выдержат, а фрукты уже нет. Мы главный рубильник только по ночам выключаем.

Маша все поняла и пошла к начальнику цеха.

— Наталья Павловна, скажите, что важнее — электрическая вата или овощи?

— А почему, девочка, ты об этом спрашиваешь?

— Потому что то и другое сохранить нельзя. Надо или вату спасать, или помидоры с яблоками.

— Не знаю, при чем здесь электрическая вата. Мне лично овощи дороже. Я за них отвечаю.

У нее зазвонил телефон.

— Я вас слушаю. Нет, не присылайте к нам маркаронскую делегацию. Мы вашего сопровождающего не видели. И ансамбль Большого театра нам не нужен. Нам спортсмены нужны, силовики. У нас ни один электрический подъемник не работает.

Она на Машу посмотрела:

— Ты, девочка, что стоишь. Иди на ворота. Будешь их по команде открывать. Электрический мотор на воротах испортился.

Стала Маша на воротах кататься туда-сюда. Вместе со сторожем. Он на одной половинке ворот катался. Она на другой. Как сторож махнет — открывай! — она в одну сторону едет, он в другую. Как сторож махнет — закрывай! — они навстречу друг другу катятся. Сначала у них неловко получалось, чуть-чуть маркаронскую делегацию не прищемили, которая нашлась и уходила. Потом они научились так ловко кататься — лучше всякого мотора электрического. Не меньше полкилы ваты сэкономили.

И тут большая машина выезжает, груженная испорченными яблоками. Маша на воротах выехала, чтобы открыть дорогу. А закрывать не поехала. Ушла. Она пошла в Институт Улучшения.

По дороге она думала про сотрудников:

«Интересно, а по воскресеньям они работают или нет? Наверное, работают. Они почему-то всегда работают. Это ухудшать производство можно с выходными. А улучшать нужно круглосуточно. Я им сейчас все расскажу!»

Она подошла к двери. Вахтер ее спросил:

— Ты куда?

— К Главному ученому Баринову.

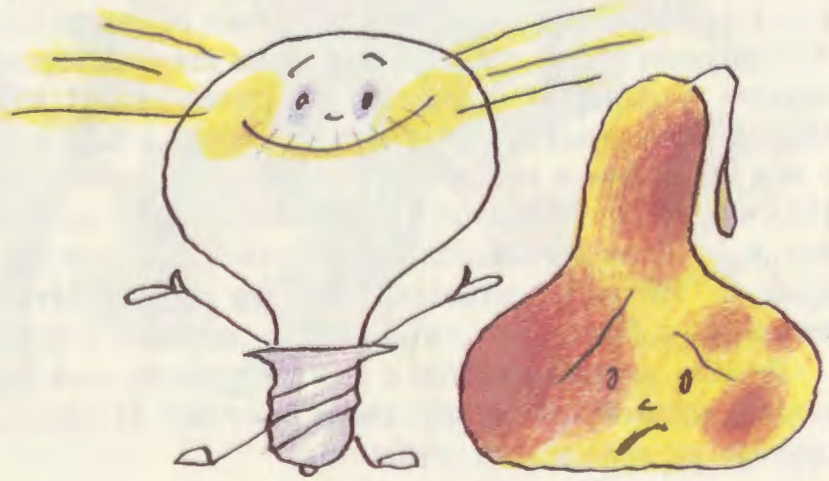
— Его нет. Уехачи.

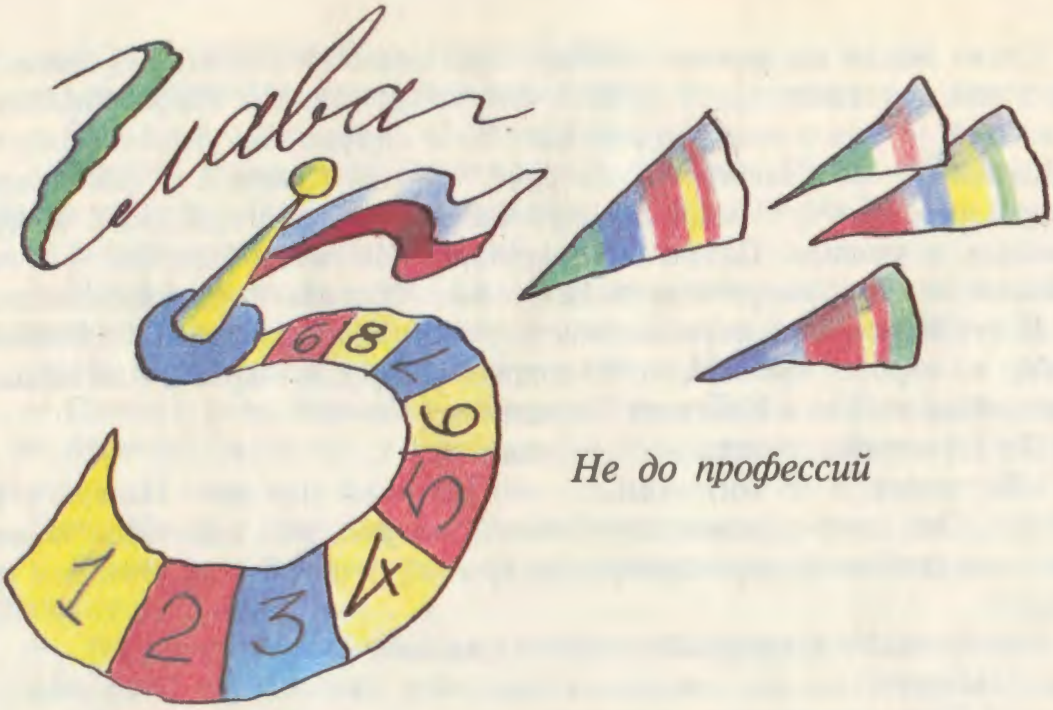
— А Игорь Игоревич есть?

— И его нет. Уехачи.

— А кто-нибудь есть?

— Никого нет. Все уехачи. На овощную базу отправились. Картошку перебирать.





Не до профессий

Вечером Маша написала очень подробную записку про овощную базу. Что овощи плохо хранятся из-за того, что сторожа электроэнергию экономят. Они по ночам главный рубильник выключают, и холод уходит.

Все Машу очень хвалили, даже папа. Только Екатерина Ричардовна по-прежнему была недовольна Машей. Она говорила:

— Может, ты и приносишь пользу народному хозяйству. Но в школе от тебя пользы нет. Тебе первым делом надо свою успеваемость улучшать. — Она обратилась к классу: — Вот, ребята, смотрите, я задала упражнение. Из предложений первого типа надо было сделать сложные предложения. Вот эти предложения. «Холодный и резкий ветер дует с гор в долину», «Мальчик палочкой гнал обруч по брусчатой мостовой». А дополнительные предложения были такие: «Норовящий поломать все вокруг» и «Одетый в бархатные штанишки». И вот что получилось у Маши: «Холодный и резкий ветер, одетый в бархатные штанишки, дует с гор в долину» и «Мальчик, норовящий поломать все вокруг палочкой, гнал обруч по брусчатой мостовой». Я живу на свете двадцать шесть лет и никогда не видела ветер, одетый в бархатные штанишки. Вы думаете, это неграмотность? Нет, это небрежность. Желание написать что-либо и бежать по своим более важным делам.

Лучшая улучшательница с ужасом слушала про этого мальчика, норовящего поломать все вокруг своей палочкой. И поняла, что слишком оторвалась от класса и от учебников.

А Екатерина Ричардовна прошлась по классу, горестно посмотрела на каждого. И каждому ее грусть передалась.

И сказала Екатерина Ричардовна:

— Если спросят мое мнение, я скажу: надо Маше отдохнуть от улучшения производства. Надо ей заняться русским языком.

Когда пришла переменка, в классе спор разгорелся — что важнее: народное хозяйство или народная успеваемость?

Валера Готовкин напирал на хозяйство:

— Пока мы население товарами не завалим, нам трудно с него спрашивать хорошую учебу.

Дима Олейников возражал:

— Меня не надо товарами заваливать. У меня все есть. Завалите меня только велосипедом гоночным. И спрашивайте любую работу, хоть контрольную.

Лена Цыганова сказала:

— Если ты такая улучшательница, скажи нам, как лучше сборы проводить пионерские. А то у нас ничего не получается. Завтра у нас по плану вечер тихих игр. Так на него никто не придет.

Маша стала думать, как надо сделать так, чтобы на вечер тихих игр все пришли. Потому что сидеть и тихо играть в шашки у них было мало добровольцев. Если бы пенсионеров со сквера позвать, их бы от таких игр не оторвать. Они народ сознательный.

А в Машином классе ребята так устроены, что от тишины бегут, как от пожара. Если бы их надо было ловить, то их ловили бы на шум. Рыба на червяка идет, птица — на зерно, а третьеклассники на шум ловятся. Встань на главной городской площади, возьми в руки кукующий африканский барабан и начни по нему колотить изо всех сил. Чтобы пошли воющие звуки африканских джунглей. И что будет? Через полчаса все городские третьеклассники возле этого барабана будут косяком ходить. Редко будет среди них встречаться первоклассник. Еще реже четвероклассники. А пятиклассников совсем не будет. Этих старших надо на звуки полкового оркестра ловить. Более старших — седьмой и восьмой классы — можно из всего города на танцы вытянуть и собрать.

С тихим вечером что-то надо было изобрести. Маша решила: пусть каждый из дому свою любимую игру принесет. Он в свою игру играет хорошо. И весь класс будет против него силы выставлять, чтобы выиграть. Вот азарт и появится. Маша сказала Лене Цыгановой:

— Пусть на этот вечер каждый принесет, что у него есть. Кто хоккей, кто летающие колпачки, кто рулетку, кто лабиринт с катательным кубиком. Будет весело!

Лена была хорошая звеньевая, очень старательная. Но какая-то слегка вареная, кисловатая. И из-за этой ее вареноватости и кисловатости общественная жизнь в классе тоже была вареноватая и кисловатая. Она очень обрадовалась такому предложению и сразу написала объявление:

РЕБЯТА!
Скоро, во вторник, состоится вечер тихих игр.
Просим всех принести свои тихие игры из дома.
Победителей ждет приз.

Ребята очень обрадовались объявлению и стали готовиться ко вторнику.

Во вторник, как только кончились уроки, ребята, как капельки ртути, по городу разбежались, по домам. А потом снова в одну большую ртуть стянулись. И каждый в школу свою любимую игру принес.

Игры были разные. Дима Аксенов принес карты. Дима Олейников принес телевизионную приставку. Ее к телевизору подключишь — и в телевизоре игроки появляются. И можно ими играть в теннис, управляя ручками приставки.

Валера Готовкин принес настольный хоккей с военным уклоном. Потому что обе команды хоккеистов были в военно-спортивной форме. В фуражках и пилотках, с лампасами. Эту форму им сам Валера придумал. Получилась хоккейная команда маршалов против команды генералов.

Лена Цыганова принесла такую хозяйственную игру — «Штопай сам». Были и другие игры. Все как начали играть! Как начали кричать. Шум коромыслом, только лампы под потолком качаются.

Екатерина Ричардовна говорит:

— Дима, разве карты детская игра?

Дима отвечает:

— Конечно детская. Мне старший брат все рисунки переделал. У меня не короли и дамы, а разные специальности — врачи в белых халатах, милиционеры в синих брюках. Военные — зеленого цвета и оранжевые — строители. И играем мы не на деньги, а на стихотворения.

— Как так на стихотворения?

— Кто проиграл, должен стихотворение выучить. Или задачку решить, — объясняет Дима.

Екатерина Ричардовна поразилась:

— Вот не думала, что из азартной игры, в которую в подворотне играют, можно учебное пособие сделать. Теперь я первая играть стану. Зовите Машу Филипенко. Мы с ней на диктанты поиграем.

Позвали Машу и стали играть втроем: Маша, Екатерина Ричардовна и Дима Аксенов.

Не успела Маша оглянуться, как дурочкой стала. Она очень в этих картах путалась. Козырями в первый кон милиция была. А Маша в погонах не разбиралась. Она лейтенанта милиции за самого главного приняла. И придерживала до конца игры. Думала, раз у него звездочек больше, значит, он главнее.

А главнее-то был генерал с одной звездочкой, но большой. Маша этим генералом в самом начале медицинскую крестовую десятку покрыла. И еще. К ней туз пришел в виде почетной грамоты. А она думала, что это погон военный, а значит, самая маленькая карта. И тоже скорее в ход пустила, чтобы у себя мелочь до конца игры не держать.

Второй раз играть стали. В этот раз Дима дурачком оказался. Ему Маша помогла.

Он сказал:

— Эх, Маша, Маша. Может, ты производство и улучшаешь, но хуже тебя в карты никто не играет. Ты все норовишь соседа засыпать. Меня то есть. А того не видишь, что после моего засыпания Екатерина Ричардовна под тебя ходит.

В общем, в конце игры вся милиция и медицина у него оказались. А строительные рабочие и военные у Маши были. А у Екатерины Ричардовны ничего не было. Только один учебник русского языка.

Она сказала:

— Ты, Дима, будешь Маше упражнение про суффиксы диктовать, вот это. Ты, Маша, будешь Диме другой диктант читать, про прилагательные. Только не шумите. У нас вечер тихих игр.

Зато другим ребятам больше повезло. Надя Абдурахманова как начала штопать, как начала! У ее парты очередь образовалась.

— У кого дырки! Подходи, садись!

Дима Олейников горячий был, дурноватый и в Надю влюбленный. Он сам себе в новых штанах дырку прорезал.

Его так хорошо заштопали, просто незаметно, где дыра. Только штопали его, не раздевая. Как говорится, в присутствии заказчика. Поэтому брюки к трусам приштопали.

Он вечером раздеваться стал, чтобы спать, брюки снял, и трусы тоже с брюками уехали. Он ничего не заметил. А утром как начал кричать:

— Караул! Раздели! Где мои трусы?!

Пока трусы всей семьей искали, он в школу опоздал, мама — на работу, старший брат — в институт, папа — в бассейн.

Но это потом было. Давайте не отвлекаться, вернемся на вечер. Класс напоминал разворошенный муравейник.

Игр было много. Каждый старался в разных местах очередь занять. Такой шум стоял, что сторож пришел, дядя Шакир.

— Что это вы шумите? Это вам школа, а не стадион.

Потом он увидел, что Валера Готовкин в настольном хоккее не может клюшкой гол забить, и давай кричать:

— Выкручивай! Выкручивай! Крути игроком! Какой бестолковый!

— А здесь ручки нет, — сказал Валера Готовкин. — Он плохо выкручивается.

— Как нет? Как нет? — заволновался Шакир. — Сейчас сделаем!

Он пошел в электрокабинет, принес пластмассовую ручку от вольтметра и приделал ее.

В это время бабушка Нади Абдурахмановой пришла, бабушка Роза.

— Это что такое? Почему ребенка до сих пор дома нет?

— Бабушка, я сейчас. Только дырку Аксенову заштопаю на носке.

— Разве так надо иголку держать? — говорит бабушка Роза. — Разве такими нитками штопают?

И давай показывать, как правильно работать надо. Тут появился дедушка Валеры Готовкина, во всем своем генеральском великолепии.

— Что тут мой внук делает? Я из командировки на самолете прилетел, а его дома нет. Может, натворил чего?

— Ничего я не натворил! — кричит Валера из угла. — Я здесь в шахматы играю с Димой Аксеновым.

Дедушка Валеры подошел, стал смотреть. В это время пришел папа Димы Аксенова. Он в магазине работал, продавцом в мясном отделе.

После работы он шел домой мимо школы, видит: в Димином классе свет горит. Он и решил с Екатериной Ричардовной поговорить, узнать, как тут его Дима учится. Как учителя слушает и уважает. Нужно ли ему Диму дома лупить или пусть так ходит, нелупленный. В общем, педагогические вопросы его мучили.

Смотрит он: Дима в шахматы играет.

— Ты что, Дима, проигрываешь?

— Проигрываю, папа.

— Конечно, — говорит Димин отец, — если кому-то генералы помогают.

— Он мне не помогает! — кричит Валера Готовкин. — Он просто так стоит.

— Я тоже буду просто так стоять! — говорит папа Димы Аксенова. — Ну-ка подвинься, сынок!

Тогда и генерал говорит:

— И ты, внучек, подвинься. Давно я не брал в руки шахматы!

Ближе к темноте другие родители тоже стали подтягиваться. Пришел папа Лены Цыгановой, пришла бабушка Димы Олейникова с большой сумкой. Она сразу стала командовать:

— Уже скоро девять часов, а ребенок не ужинал.

Она как достанет целую сумку пирожков. Дима как закричит:

— Отойди со своими пирожками! Ты меня все время преследуешь!

Но другим ребятам пирожки с первого взгляда понравились. Они намекают:

— Дима, ты не прогоняй бабушку. Ты сначала пирожки попробуй.

Дима свое кричит:

— Вот вы и пробуйте. Я даже во сне от этих пирожков бегаю!

Папа Лены Цыгановой был небольшого роста, но очень весомый. Он посоветовал:

— Вы и в самом деле угостите других ребят. Как они начнут есть, и у вашего аппетит появится.

Бабушка решила попробовать:

— А что? Ешьте, ешьте, пожалуйста. Угощайтесь!

Ребята так и закрутились вокруг сумки, как осы вокруг гнезда. Генерал Готовкин говорит:

— Всем можно участвовать? Я летал на Дальний Восток. Не то что обедать, завтракать не успел.

Ему тоже дали пирожки. Тогда папа Димы Аксенова вступил:

— У меня с собой тоже игра есть, называется «Веселые сосиски». А по-другому — «Юный повар-электрик». — И он достал большой пакет сосисок из-за пазухи. Все заинтересовались:

— Почему это повар — электрик?

— Газовых плит в школе нет, печек тоже не бывает. А разные электронагреватели в физическом кабинете есть.

— Этта точно! — сказал дядя Шакир.

Он пошел в физический кабинет и принес электронагревательный прибор — чайник. В этом чайнике сварили «Веселые сосиски». Дима Олейников больше не кричал, что пристают. Он сосиски ел.

Его бабушка тогда сказала:

— Я все поняла, чем теперь Диму кормить. Я такой чайник куплю. Буду в нем электрические сосиски варить. Дима тогда сразу поправится, потолстеет. Хорошо учиться начнет.

Все больше и больше родителей приходило.

Екатерина Ричардовна сказала:

— Раз так много родителей пришло, можно родительское собрание провести. Потому что обычно родителей в школу ничем не заманишь.

Она увела пап и мам в соседний класс и сказала:

— Дорогие и уважаемые родители! Знаете ли вы, что наиболее вредно для наших детей?

— Папиросы! — сказал генерал Готовкин.

— Нет.

— Отсутствие витаминов! — сказала бабушка Димы Олейникова.

— Дурное влияние улицы! — решил папа Аксенов.

— Плохие жилищные условия! — сказал весомый Цыганов.

— Нет. Нет. И нет! — твердо ответила Екатерина Ричардовна. — По мнению современных психологов, наибольший вред приносит родительская опека. Она главный детский враг двадцатого века. Так считает академик Столбун. Вы читали его работу «Родители и дети». Папы и мамы балуют ребят, суют им витамины, одевают в самые лучшие одежды. Лишают всякой самостоятельности. И это губит детей.

Родители несогласно зашумели. Маленькие парты под ними скрипели и шатались.

— Не верите? — спросила Екатерина Ричардовна. — Смотрите, кто у нас самый плохой ученик? Дима Олейников. Непослушный, капризный, ничего не усваивающий. Его бабушка прибежала сюда одной из первых. И не просто пришла, а с сумкой с пирожками. Она накормила полкласса. Заметьте, все ей благодарны, кроме внука. Кто у нас следующий по неуспеваемости? Дима Аксенов. Он передовик по двойкам. Его папа здесь и сосисками обвешан, как грузинский князь патронами. Следующий отстающий — Валера Готовкин. Его дедушка с Дальнего Востока прилетел и куда отправился? В Генеральный штаб? В Министерство обороны? Нет, он, голодный, в школу пришел. Как тут его внук, жив ли? А кто у нас хорошо учится, все быстро схватывает? Пожалуй, Маша Филипенко. Живая девочка, самостоятельная, даже слишком. Где ее мама? Где ее папа? Нет их. Они по первому капризу своей дочери никуда не бегут. Она у них сама себя воспитывает.

Стали родители видеть, что Екатерина Ричардовна говорит вещи неприятные, но правильные. И замолкли парты под ними.

Папа Маши Филипенко объявился последним. И даже не пришел, а позвонил в учительскую. Телефон долго трещал по всем углам школы, пока Маша к нему не прибежала. Она расческой вытолкала из-под нижней двери крючок, и обе половинки отворились.

«Алло, папа, это ты звонишь. Я так и думала».

Пятая профессия Маши Филипенко. Страдания троллейбусного парка

Однажды мама пришла с работы грустная и позвала Машу на кухню чай с ней пить:

— Вы своим институтом везде в городе производство улучшаете, а о нашем троллейбусном парке даже и не думаете.

Маша поразилась:

— Неужели не думаем? Я обязательно поговорю с профессором Бариновым... чтобы мы задумались. Не грусти, мама.

Как только время у нее выдалось, она отправилась в Институт Улучшения. Вахтер к ней уже привык, дневник не требовал и не придирался. Он закричал вахтерским голосом:

— А! Незамутненная появилась. С чем пожаловала?

— Мы по всему городу производство улучшаем, а о мамином троллейбусном парке даже и не думаем.

— А какой у нее парк?

— Второй.

— А у нас шестой. И о нем мы тоже не думаем. Мы, выходит, уже о двух парках не думаем. Надо это исправлять.

— Я и пришла исправлять, — сказала Маша.

— Очень вовремя, — поддержал ее вахтер. — Все начальство на местах.

Пожилой профессор Баринов сидел в кабинете на столе и наклеивал почтовые марки.

— А, лучшая улучшательница! С чем пожаловала?

— Вот с чем, — сказала Маша. — Мы по всему городу производство улучшаем, а о мамином троллейбусном парке даже и не думаем.

— Почему не думаем? — удивился профессор Баринов. — Думаем.

— А что мы о нем думаем?

— Я, например, думаю, что в этом троллейбусном парке все в порядке. Троллейбусы ходят, билеты продаются, провода не перепутались.

— Почему вы так думаете?

— Потому. Если бы у них что-нибудь не работало, от них бы давно заявка поступила. Спасите, мол, погибаем!

— Не поступала заявка? — потускнела Маша.

— Не поступала, — ответил профессор, облизывая очередную марку. — А что у них случилось? Шины лопаются? Билетов нет? Мыши все билеты на обои растащили?

— Я у мамы спрошу, — сказала Маша.

— Выясни, что там у них. И пусть они заявку пришлют. А теперь до свидания. Я занят важной работой. У меня еще сто марок не наклеено.

— Ой, давайте я буду вам помогать! — закричала Маша. — У меня язык, ох, какой мокрый!

Они стали наклеивать наперегонки. Маша девяносто марок наклеила, а профессор только десять. Но зато все правильно.

Маша пришла домой, сели они с мамой снова чай пить, и стала она у мамы выяснять:

— Что там у вас, мама, не так? Может, у вас шины лопаются? Может, у вас провода перепутались? Может, у вас билетов нет — мыши всю бумагу на пакеты растащили?

— Нет, — ответила мама. — С этими проблемами у нас все в порядке. Нас другое беспокоит. У нас большая текучесть водительских кадров.

— А что это такое?

— Водители с работы уходят. Из столовой повара не уходят. Из мастерских не уходят. А из водителей бегут.

— Может, вы им платите мало? — спросила Маша.

— Больше всех платим. И путевки даем.

— Может, у них детского сада нет?

— Есть у них детский сад.

Маша как начала выяснить, ее не остановишь.

— Может, у них работа опасная? Сейчас бабушки так перед колесами и бегают. Особенно дети.

— Не бегают у нас бабушки под колесами. Сейчас на всех остановках подземные переходы есть.

— Тогда в чем же дело?

— Это я и сама хочу узнать.

— Знаешь что, мама. Напиши заявку нам в институт. Вам кого-нибудь выделят. Сейчас много хороших улучшателей есть.

— Придется, — сказала мама. — Видно, без ваших улучшателей у нас плохо будет. Давай твой дневник.

Не прошло и двух дней, как Машу вызвал профессор Баринов. В этот раз он сидел за столом, ничего не клеил и был очень важный.

— Слушай, Маша, как у тебя в школе с отметками?

— По математике хорошо! Просто очень хорошо! — ответила Маша. — Ни одной двойки!

— А по другим предметам?

— И по другим предметам хорошо. Особенно по математике.

— Ладно, — сказал профессор Баринов. — Сейчас ты возьмешь ручку и напишешь заявление. Это заявление будет и диктант одновременно. Ты его отнесешь к начальнику отдела диктантов. Чтобы он визу поставил. Если он разрешит, выпустим тебя на линию. В троллейбусный парк требуется улучшателя направить.

Маша взяла ручку и стала писать. А профессор Баринов диктовал. Потом то, что получилось, Маша понесла к начальнику отдела диктантов.

— Здравствуйте, Анатолий Юрьевич. Это вам велели передать для визы.

Начальник взял заявление и стал читать:

— «ГлавнАму ученАму праХфессору БаринАву. Заявление. ПрАшу направить мИня улучшательницей в трАЛебусный парк где работаИт мАя мама». О запятых и мечтать не приходится, — сказал он и поднял телефонную трубку. — Алло. Позовите к телефону прах фессора Баринова. Это сам прах фессор? Очень хорошо. Послушай, кого ты ко мне присылаешь? Это какое-то чудо неграмотности. В ее заявлении, может быть, два слова написано без ошибок.

Видно, профессор сказал что-то положительное про Машу. Потому что начальник отдела диктантов успокоился.

— Ладно. Зачисляй ее в парк. Прикрепим к ней лучшую сотрудницу — жену товарища Жбанова.

Это известие удивило «прахфессора». Потому что Анатолий Юрьевич подтвердил: «Да. Да. Раз такой случай, бросаем лучшие силы. Я думаю, твою улучшательницу приведу в лучший вид. Как там с троллейбусами — не знаю. Но писать грамотно она научится».

И началась у Маши новая жизнь.

Утром звенел будильник, и она бежала в школу к ребятам. Завтракала на ходу пирожками.

В школе она старалась радовать Екатерину Ричардовну — сидела как можно тише. Не высовывалась.

Дима Олейников ей шептал через парту:

— Два пьяных дядьки стоят и спорят. Один говорит: «Это — месяц». Другой говорит: «Это — луна». Идет третий дядька. Они у него спрашивают: «Это месяц или луна?» Он отвечает: «Не знаю, ребята, я не местный».

Екатерина Ричардовна заинтересовалась:

— Дима Олейников, о чем это ты с Филипенко беседуешь?

— О звездах, Екатерина Ричардовна. О луне.

— На уроке русского языка? Попрошу главного астронома выйти к доске и написать такое астрономическое предложение: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана».

Дима без особой радости подошел к доске и стал царапать как курица лапой: «ВышИл месИц из тумана, вынул ножЕк из кармана».

— Очень мило, — сказала Екатерина Ричардовна. — Кто-то вышил месяц из тумана. То есть взял туман и стал туманом этот месяц вышивать. Кто-то вынул из кармана несколько ножек. Это, наверное, расхититель из табуреточной фабрики.

Олейников наливался соком, как помидор.

— Нет, — продолжала Екатерина Ричардовна, — не туда Олейников ведет Филипенко, не туда. Не в те дали. Филипенко должна сесть и крепко задуматься.

Маша крепко думала. Но все не о том. А о своем троллейбусном парке. Как только звенел последний звонок, она в любую погоду, снег ли, дождь ли, бежала на остановку троллейбуса «Школа». И ждала там минут под навесом двадцать. Пока подъезжал троллейбус № 66—99 второго маршрута.

Это был Машин троллейбус. На котором она работала.

За рулем сидел водитель Семенов Александр Иванович. Маша садилась на место ученика. И они ехали.

Хотя Маша ехала на месте ученика, водить троллейбус ей не давали. Зато ей давали в руки микрофон и разрешали объявлять остановки и делать разные билетопокупательные замечания.

— Уважаемые граждане! — говорила Маша строгим голосом. — Наш троллейбус номер два следует по второму маршруту. Кто не взял билеты, возьмите. Кто едет не в ту сторону, выходите. Остановка «Бородинская панорама». Следующая остановка «Поклонная гора».

Люди думали: «Какая хорошая девочка. Папе помогает».

А другие говорили:

— При чем тут помогает? Не с кем оставить ребенка, вот и взяли на работу.

А третьи спорили:

— И это все не так. Эта девочка из кружка «Умелые экскурсоводы». Она в троллейбусе практику проходит.

Маше нравилось, что она — умелый экскурсовод. Что она практику проходит. И она старалась:

— Остановка «Поклонная гора». Основана в тысяча восемьсот двенадцатом году Наполеоном. В честь Бородинской битвы. Здесь Наполеон сидел и ждал, что ему принесут ключи от Москвы и будут кланяться. Следующая остановка «Кутузовская».

На следующей остановке Маша продолжала беседу-лекцию с историческим уклоном:

— Но великий полководец Кутузов ключей не принес. И кланяться не стал. Именно в честь этого события построена станция метро «Кутузовская», которая — сейчас.

А в промежутках Маша олейниковским шепотом спрашивала у водителя Семенова:

— Почему водители уходят? Может быть, у вас клуба на работе нет?

— Клуба у нас нет. Только не поэтому.

— Может, столовая плохо работает?

— Столовая-то плохо работает. Да не из-за нее.

Маша принимала эти сведения к сведению и продолжала:

— Уважаемые граждане. У нас самообслуживание. Если вы забыли взять билет, не переживайте. Оштрафуйте сами себя и поезжайте дальше. Следующая остановка «Панорама Бородинской битвы». В этой панораме погиб известный русский полководец Багратион. В честь которого названа станция метро «Багратионовская»... Товарищ с авоськой! Товарищ с авоськой! — кричала Маша в микрофон. — Вам выходить, а вы зацепились за пуговицу гражданки в очках. Ей выходить не надо. Поэтому скорее отцепляйтесь... Гражданин с ковром! Гражданин с ковром! Вы совсем придавили бабушку с утюгом у входа... А теперь гражданку с бидоном у окна... А теперь еще лучше — военного у кассы! Да не вертитесь вы, пожалуйста, во все стороны! Нет вы вертитесь, только без ковра! Так я и знала! Теперь вы своим ковром дяденьку в шляпе толкнули. Поднимите, пожалуйста, шляпу. А теперь поднимите, пожалуйста, дяденьку.

Но Маша не забывала и про главное. И все время спрашивала про текучесть:

— А может, вам квартиры не выделяют?

— Это точно — не выделяют. Да не из-за них.

Тут случилось вот что. Маша увидела, что к троллейбусу бежит Дима Олейников. Он подбежал к задней двери, Маша нажала кнопочку, и

задняя дверь закрылась. Но открылась передняя. Дима побежал туда. Маша опять нажала кнопочку. И передняя дверь закрылась, а задняя открылась вновь.

Дима был из тех мальчиков, которые умеют бегать, но не умеют думать. А Маша сказала по радио:

— Уважаемые пассажиры! Около троллейбуса бегает мальчик Дима Олейников. Он учится на тройки. Пристает к девочкам. Сегодня съел большое яблоко и ни с кем не поделился. Еще он хотел стукнуть пеналом ученицу Машу Филипенко. И смотрите, какой он неумытый и растрепанный.

Все пассажиры с огорчением посмотрели на Диму. А он все бегал от передней двери к задней. От задней к передней. Он понимал, что здесь что-то не так, но все равно не мог выключиться. Только его осеняло, что бежать бесполезно, открывалась очередная дверь и ноги тащили его к ней.

От Димы уже шел пар. И тут Маша сказала:

— Нет, такого мальчика троллейбус не повезет!

Она закрыла обе двери. И пассажиры услышали:

— Следующая остановка «Мебельный». Названа так в честь мебельного магазина. В продажу поступили импортные табуретки.

Проработав в троллейбусе два рейса подряд, Маша летела домой. Там ее ждала суровая, черная, как грач, гражданка — жена товарища Жбанова — специалистка по русскому языку.

— Десять минут на обеД, — говорила она Маше, — и займемся языком. Кстати, как правильно — обеД или обеТ?

— ОбеД, — отвечала Маша. — Потому что обеДать.

— А как правильно говорить: хлеб и суп?

— ХлеБ и суП, — говорила Маша. — Потому что обед с хлеБом и суПом.

— Получите, — давала ей хлеб и суп жена товарища Жбанова. Она была очень строгая. Маша смотрела на нее как загипнотизированная. Русский язык так и входил в Машу. А ошибки куда-то из нее выскакивали.

Занятия шли дальше полным ходом.

— Как правильно писать: картофельное пюре с котлетой?

Маша понимала, если она скажет с ошибками, не получит ни того ни другого. Она говорила:

— А можно, я буду есть сосиски с макаронами? Они от завтрака остались.

Потом они учили правила на проверочные слова. Жена товарища Жбанова говорила:

— Врач.

Маша проверяла:

— Врачом.

— Борщ!

— Борщом!

— Товарищ!

— Товарищом! — кричала Маша.

— Очень хорошо. Очень мило. Нечего сказать! — потрясалась жена товарища. — Целый котелок с борщом... Съели мы с товарищом. Съели мы с товарищом на радость окружающом. На этом обед заканчивается. На третье вместо компота прочитай правило написания суффиксов после шипящих.

Если звонил телефон, жена товарища Жбанова брала трубку и строгим голосом сообщала:

— Вас слушают.

Нетерпеливый Олейников кричал:

— Это кто там? Кто взял трубку?

— Жена товарища Жбанова.

— Можно Машу позвать?

— Улучшательница Маша Филипенко усиленно изучает русский язык и подойти к телефону не может.

Олейников тормозил, но не унимался и клянчил:

— Можно, пожалуйста, на одну минутку! Мне очень важно.

— В таком случае, Мария Александровна подойдет ровно на одну минуту... Маша, подойди, пожалуйста, к телефону. Там что-то важное. Наверное, из Верховного Совета звонят.

— Маша! Маша! — кричал Дима Олейников. — Про нас с тобой по радио передавали. Я в троллейбусе слышал.

— А что передавали? — невинно интересовалась Маша.

— Что мы подрались. Что у меня было большое яблоко. И что мне подарили пенал.

— Верно, верно, — вспоминала Маша. — Я тоже что-то слышала. Еще там передавали, что ты неумытый.

— А что это за передача была? — спросил Дима.

— Что это за передача была — не знаю, — ответила Маша. — Наверное, «Пионерская зорька».

Жена товарища Жбанова взяла трубку:

— Я думаю, это была передача «На просторах Вселенной». Не отвлекайте Машу от занятий, молодой человек.

— Итак, Маша, записывай слова. Могучий, кричащий, толстый, шумящий, свистящий, кипящий. Записала?

— Записала.

— Теперь сделай из них краткую форму. Могучий — могуч. Крепкий — крепок. Понятно?

Не успела жена товарища Жбанова дойти до стола, чтобы положить учебник, как Маша уже накатала упражнение. Она подала его учительнице. На листке было написано: «Могуч, кричуч, шумюч, кипячуч».

— Я пять лет учу людей. Разных, от детей до начальников главков, — сказала товарищ Жбанова. — Но такого еще не видела! До свидания. Урок окончуч.

Больше на занятия она не приходила.

А Маша все пытала и пытала водителя Семенова про вытекаемость, но выяснить ничего не могла.

Наступил очередной рабочий день. Они ехали с Александром Ивановичем по городу. Маша бойко тараторила:

— Остановка «Московский зоопарк». На эту остановку собраны звери со всего мира. Бизоны из Америки. Слоны из Африки. Кобры из Индии. Недавно поймали двух пингвинов в Антарктиде и завезли сюда. Для зверей созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шлангов. Организовываются выставки зверей. Есть площадка молодняка. Там они лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать зверей, и ученые, чтобы изучать их.

Маша уже много раз объявляла зоопарк и говорила ходко, как на выступлении в художественной самодеятельности. Вдруг водитель заметил, что она замолкла и полезла вниз под сиденье.

Александр Иванович спросил:

— Ты, Маша, что-нибудь потеряла?

— Нет. Там мой класс садится.

Пассажиры заволновались:

— Вы что замолчали? Рассказывайте дальше. Очень интересно про зоопарк.

Александр Иванович дал Маше микрофон вниз и сказал:

— Ты из-под сиденья не вылезай, но рассказывай. Пассажиры ждут. Сейчас будет остановка «Студенческая».

Маша взяла микрофон и заговорила незнакомым басом:

— Следующая остановка «Студенческая». На эту остановку собраны студенты со всего мира. Студенты из Америки. Студенты из Африки. Студенты из Индии. Недавно поймали двух студентов в Антарктиде и завезли сюда. Для студентов созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шланга. Организовываются выставки студентов. Есть площадка молодняка. Там они лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать студентов, и ученые, чтобы их изучать.

У пассажиров вылезли глаза на лоб. А Машин класс так и потянулся вперед, чтобы узнать, кто это так загадочно рассказывает. Водитель вроде бы мужчина, а говорят детским басом. А Маша дальше несла из-под кресла:

— Остановка «Кафе-котлетная». На эту остановку собраны котлеты со всего мира. Котлеты из Америки. Котлеты из Африки. Котлеты из Индии. Недавно поймали две котлеты в Антарктиде и завезли сюда. Для котлет созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шланга. Организовываются выставки котлет. Есть площадка молодняка. Там котлеты лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать, и ученые, чтобы изучать котлеты.

Тут уже Машины одноклассники не выдержали. Они, как замазка, просочились в кабину водителя и стали везде заглядывать.

— Дядя, у вас пластинка испортилась? — спросил Аксенов.

— А где педаль быстрее ехать? — спрашивал Олейников.

— А кто у вас под креслом сидит? — взяла быка за рога Надя Абдурахманова. — Микрофон туда уходит.

И все увидели Машу.

— Ой, Маша, это ты? Мы на ВДНХ едем.

— А что ты здесь делаешь?

— Я дяде Саше помогаю. Он мой дядя.

Тут троллейбус на ВДНХ приехал. Конечная остановка. Все пассажиры вышли. На остановке ребят Екатерина Ричардовна встречала. Она сказала:

— Я узнала, что дело грустное. Сегодня ВДНХ не работает. Там субботник для сотрудников. Билеты не продают, экскурсии не ходят.

— Эх, — сказал Александр Иванович. — Мне бы туда попасть, я бы вас повозил. Я раньше на ВДНХ работал на троллейбусе. Там провода есть и грузовые троллейбусы ходят.

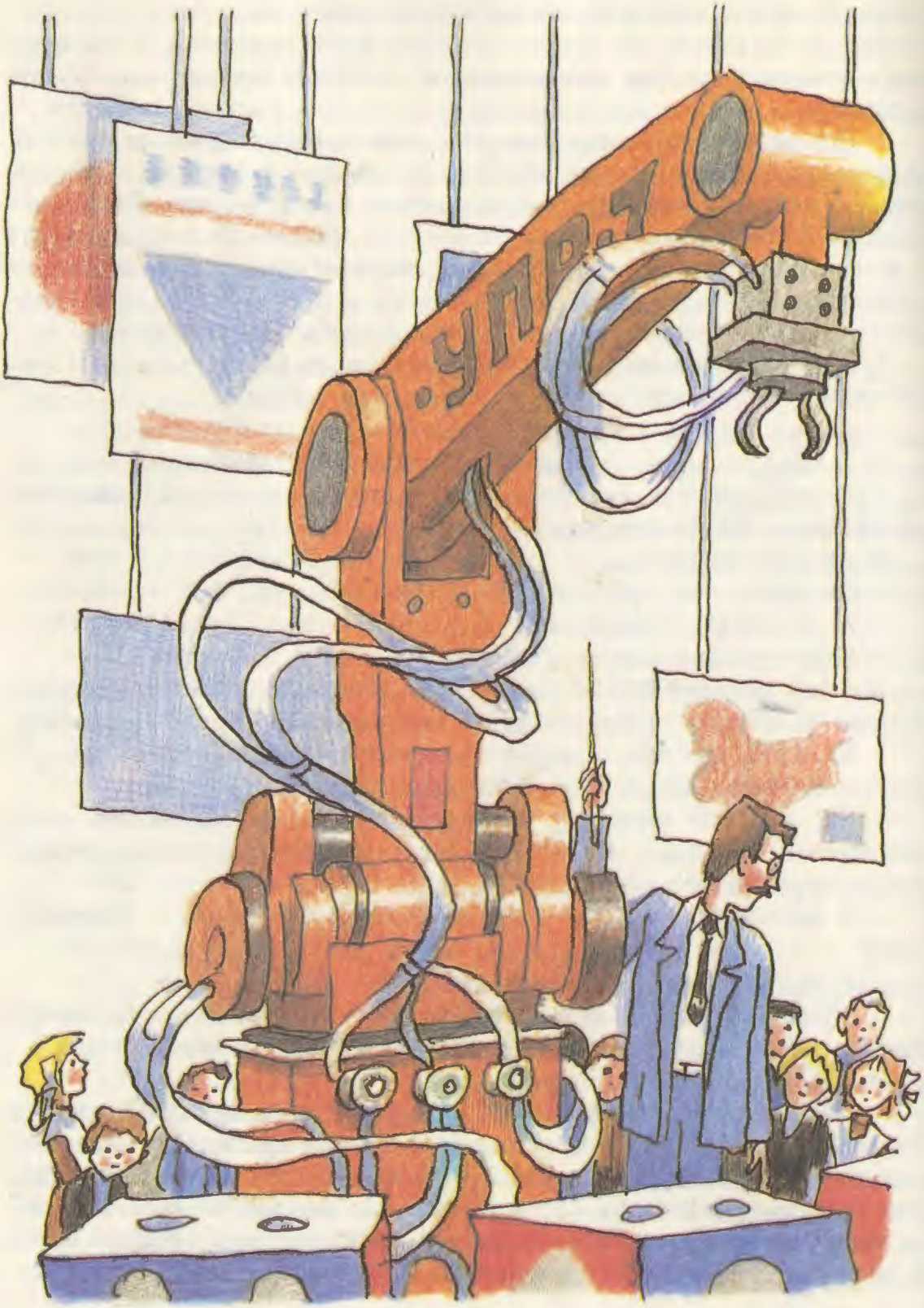
— А как же ваша работа? — спросила Маша Филипенко. — Ваш маршрут?

— У меня сейчас обед на два часа.

— Тогда, — сказала Екатерина Ричардовна, — у меня есть предложение. Давайте мы вас туда дотолкаем. То есть ваш троллейбус, всем классом.

— Ура! — закричали третьеклассники.

Александр Иванович сел за руль, а ребята шумною толпой погнали троллейбус вперед. Надо было его толкать метров триста. Они очень быстро до ворот доехали. По лужам, по упавшим листьям. Александр Иванович погудел. Сторож ему ворота распахнул, и троллейбус вкатился. Только Дима Олейников застрял. Он самый последний шел. Немного сбоку. В сторожа врезался и стал его толкать.


УПР-1

Еле-еле Олейникова от сторожа отцепили. А на выставке было полно троллейбусных проводов. Поезжай куда хочешь!

Александр Иванович ребят повез. Они побывали везде. Около павильона космонавтики. У овощеводства. У животноводства. Мимо всех республик проехали. И везде посетителей не было. Везде одни сотрудники работали. Чистили, мыли, подметали.

Только у павильона «Советская автоматика» было пусто. Никто ничего не чистил, не мыл, не вытряхивал. Павильон грустно стоял на просторах ВДНХ на фоне лохматых туч.

Дима Олейников высунулся в окно троллейбуса и дежурного около павильона спросил:

— А что это, дядя товарищ, у вас никто не работает? Ничего не подметают и не трясут? У вас что, нет субботника?

— У нас есть субботник. Только у нас сотрудников нет. У нас же павильон автоматики. Некому подметать.

Лена Цыганова закричала:

— А подметать вам нужно? А есть чего вытряхивать?

— Нужно, еще как нужно. И вытряхивать есть чего.

Тогда Екатерина Ричардовна сказала:

— Ребята, поможем автоматам, а то они пылью зарастут!

Ребята обрадовались. Они схватили веники и тряпки у дежурного и давай все чистить, мусор выносить. А попутно им дежурный ученый про свой павильон объяснял.

— Это вот станки программные. Они очень умелые. Ты ему только чертеж покажи, он все сделает. Или деталь надо показать. Вот в это окошечко вставить. Идемте дальше.

И все дальше пошли. Дима Олейников очень сверкающим программным станком заинтересовался. Не пошел никуда, все рядом крутился. Дежурный продолжал:

— Это автоматические весы. Все сами взвешивают и упаковывают. На упаковке ставят вес и число.

И вдруг предыдущий станок загудел. Что-то стал вырабатывать.

— Ой, — сказала Екатерина Ричардовна. — Его надо остановить.

— Бесполезно, — говорит дежурный. — Он пока все не выточит, ни за что не остановится. Интересно, почему он включился? Что ему показали? Ладно, потом узнаем.

Весь класс работал. Очень хорошо ребята трудились. И Александр Иванович Семенов им очень хорошо помогал, забыв про свой троллейбус. Павильон «Советская автоматика» даже весь засверкал, как будто это была

«Советская медицина». Потом дежурный инженер повел ребят в зал, где стояли детские игральные автоматы. И все стали играть, кто во что горазд.

Лена Цыганова играла в автомобиль на горной дороге. Она из пропасти не вылезала. Дима Аксенов с автоматом в шахматы играл. Его автомат как чайник грелся. Он никогда такого игрока не встречал. Дима все до одного хода делал против всякой теории. Таких защит и дебютов ни один учебник не предусматривал. И автомат совсем не знал, куда деваться. Он еле-еле свел партию вничью. А перед этим у самого Таля два раза выиграл.

Валера Готовкин, как военный внук, все в торпедный катер стрелял. Взрывы так и ухали. Казалось, торпеда того и гляди, автомат с обратной стороны прошибет и поскачет по Всесоюзной выставке народных достижений. Хорошо, что автоматы делают прочные. А водитель троллейбуса Александр Иванович в «Минное поле» играл. Он все танки безошибочно провел.

— Почему? — спрашивали ребята.

— Да. Почему? — заинтересовался дежурный инженер по автоматике. — У нас даже сотрудники в этот автомат играть без потерь не могут. Очень трудная игра — «Минное поле».

— Я в войну танкистом был, — сказал Александр Иванович. — Танки водил. — И ребята его еще больше зауважали.

Наконец пришла пора уходить. Дежурный проводил их до троллейбуса. А потом закричал:

— Стойте! Стойте!

Он вернулся в павильон и через полминуты выбежал.

— Вот, — сказал он. — Выточил.

— Кто выточил? Что выточил? — застрекотали ребята.

— Станок-автомат программный выточил... То, что ему в окошечко показали.

— Интересно что? Интересно что? — спрашивали школьники. Все интересовались. Только Дима Олейников не интересовался. Это он сгоряча в окошечко фигу показал.

На другой день, когда Маша пришла на остановку, Александр Иванович сказал ей:

— Я теперь все знаю про вытекаемость... Почему водители уходят.

— Почему? — спросила Маша.

— Потому что у нас товарищей нет. Мы все поодиночке. Я как вчера твой класс увидел, сразу все понял. И дома я один. И в кабине я один. И даже когда мне путевку дают, я тоже один в этом богатом санатории. А я к людям хочу, к друзьям.

...В этот день к научному руководителю Института Улучшения Производства поступили две докладные записки. Первая от улучшательницы Маши Филипенко:

«Уважаемый прАфФФеСор Баринов!

Водители уходят с работы, пАтАму что они не имеют друзей. Им надо создать коллектив.

Улучшательница Филипенко М.»

Вторая — от жены товарища Жбанова:

«Глубокоуважаемый тов. Баринов!

Улучшательница Мария Александровна Филипенко вполне прилично знает русский язык. Она знает и помнит все правила и исключения. Я не шучу. Если вы хотите в этом убедиться, проведите любой диктант. Но следует делать это в особо затемненной комнате. С хорошей звукоизоляцией. Чтобы не рассеивалось внимание обучаемой и не было отвлеканий во все стороны и по любому поводу. И еще. Следует выдавать сотрудникам, работающим с М. А. Филипенко, чугунное ядро, для привязывания к ноге обучаемой. Чтобы хоть немного сузить радиус ее скакания и прыгания во время занятий.

Ядра следует часто менять. Потому что ввиду особой подвижности этого ребенка они будут быстро изнашиваться.

Ваша товарищ Жбанова».

Вернее...
Как бы это...

Ребята, когда я начинал седьмую главу, я думал, что она будет небольшая. Такая же, как и все другие. Но она размахалась. Получилась большая — как отдельная повесть.

Так я и решил: сделать отдельную небольшую повесть внутри книги. Чтобы была нарисована обложка, было написано, кто автор, какое издательство, было свое название.

И получилась «Повесть о том, как девочка Маша работала геологом в геологической экспедиции».

Когда я так решил, мне удалось ликвидировать еще одну путаницу. Вот какую: раньше у меня все шло по порядку: первая глава — первая профессия, вторая глава — вторая профессия. Потом глав стало больше, чем профессий. А после появления на свет повести все вернется на свои места. Количество профессий догонит количество глав.

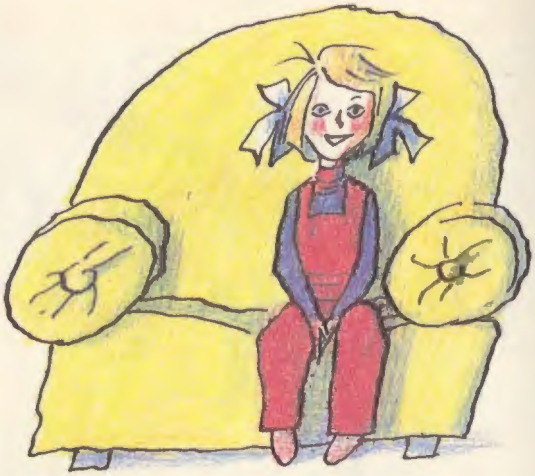
И все будет — БЛЕСК!

Э. Успенский

повесть

Издательство
„Комета"

О том, как девочка Маша работала геологом в геологической экспедиции



В одной семье у папы и мамы жила-была девочка Маша. Третьеклассница. Днем она ходила в школу, а по вечерам и по воскресеньям работала улучшательницей.

В Москве есть такой Институт Улучшения Производства. Он берет толковых детей и посылает их работать на место взрослых. И ребята находят разные способы, как улучшить работу в магазине, в ателье, на подъемном кране.

За свою работу Маша деньги получала. Небольшие — как студенческая стипендия. Но в семье они были нежданные, и от них была большая польза. Так что скоро цветной телевизор купили.

Однажды научный руководитель профессор Баринов вызвал Машу к себе и говорит:

— Скоро весенние каникулы. Как ты думаешь, мама отпустит тебя в геологическую экспедицию под Вышний Волочек?

— Куда, куда? — спросила Маша.

— Под Вышний Волочек.

— Конечно отпустит, — сказала Маша. — Она сама мне каждый день говорит: «Что это ты все дома сидишь? Сходила бы куда-нибудь в научную экспедицию под Вышний Волочек».

— Если так, — сказал Баринов, — то хорошо.

Он рассказал Маше суть дела. Два года назад в Вышнем Волочке в подвале аптеки № 1 нашли ящик с минеральной водой. Рабочий, который обнаружил ящик, сразу выпил две бутылки. И с ним произошли чудеса.

Он разогнулся, хотя был повышенной скрюченности. Бросил пить, а перед этим постоянно воровал дефицитные лекарства, которые были на спирту. Снова стал читать газеты и книги.

Этим случаем заинтересовались ученые. Они установили, что в Вышневолоцком уезде, где-то на окраине, был целебный источник. Тщательно

скрываемый местными жителями. Его воду добывали монахи и продавали как лекарство. Вода называлась «Монастырская минеральная». Главное ее достоинство было в том, что она успокаивала нервных людей. Снимала головные боли, прогоняла страхи, смиряла буйных.

Источник и так-то был скрываем как святой. А после революции и гражданской войны его следы были окончательно потеряны.

И вот в наши дни, когда есть особая нужда в успокаивающей воде, уже три экспедиции были в этих краях, но источник найти не могли. Теперь готовится четвертая.

— Ты, Маша, поговори с мамой. Если она тебя отпустит, приходи, я тебя познакомлю с геологами и с материалами. С заметками из старых газет, с записями рассказов очевидцев.

Маша с места отправилась в троллейбусный парк к маме... Советоваться.

Когда она подошла к зданию паркоуправления, она была сильно обрадована — на здании была афиша:

ВНИМАНИЕ!

Организуется Большой Театр Водителей Троллейбусов — БТВТ! Приглашаем всех водителей и членов их семей принять участие в создании первого спектакля. Он будет называться

«ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС»

Главные роли будут поручаться только водителям!

Репетиции будут проводиться в ночное время.

ВСЕ В БТВТ!!!

«Молодцы троллейбусники! — подумала Маша. — Уже объединяют водителей в коллектив».

В отделе мамы было пять столов и пять сотрудников. И все сотрудники немедленно спрятали под столы чашки и электрический чайник. Потому что готовить чай на работе и включать электрочайник запрещается. А они подумали, что это не Маша пришла, а старший троллейбусный пожарный.

Сотрудники стали спрашивать:

— Ой, это ваша дочка? Как похожа на вас. У нее точно такая же шапочка.

— Это она мою забрала! — сказала мама.

— А куда она у вас отпрашивается?

— В экспедицию под Вышний Волочек на каникулы.

— А что эта экспедиция делает? Нефть ищет? Фольклор собирает?

— Она целебный источник разыскивает. Там вода раньше очень лекарственная была.

Заместитель мамы по хозяйственно-экономическим вопросам — по проводам, билетам, шинам и троллейбусным кассам — Александр Фирсович Бельгийский сказал:

— Если бы меня позвали в экспедицию под Вышний Волочек искать источник, я бы совсем даже не думал, я бы бегом побежал.

Тогда мама сказала строгим голосом:

— Очень плохо, что вы у нас иногда совсем даже не думаете и куда угодно готовы бегом бежать. Зато наше производство, в смысле технического снабжения, на месте стоит. У нас на линии все провода второго сорта латунные, марки ПЛ-6, а в других парках медные провода ПМ-8. И остановки на нашем маршруте самые длинные. Почему? Потому что вы остановочной фабрике заказали мало остановок застекленных переносных троллейбусных. А про угольные башмаки вам любой прохожий скажет, что они у нас пониженной износоустойчивости!

У Александра Фирсовича голова так книзу и кинулась. Видно, мама давно искала повод его отчитать. Он сдержанный был и тихий, не высовывался. А сейчас высунулся и ей подвернулся.

Маша тихо спросила у одной молодой сотрудницы:

— А что, медные провода лучше, чем латунные?

— Конечно, — ответила она. — Им и сносу нет, и ток они лучше пропускают.

— Мама, мама, — сказала Маша. — Что мне профессору Баринову ответить про экспедицию?

— А то! — ответила мама. — В эти снега я тебя одну ни за что не пущу. Если еще хоть один ребенок поедет — пожалуйста!

Маша сразу отправилась под ясные очи профессора:

— Дементий Дементьевич! Мама говорит, если еще хоть один ребенок поедет в эти снега — пожалуйста.

— Снег скоро сойдет, — ответил профессор Баринов. — А насчет ребенка... Я помню, у вас там в классе был один мальчик с практическим уклоном. Он в сочинении написал, что на улицах надо сажать не деревья,

а яблони. А старые дома не ломать, а переносить на крыши готовых домов. Этот мальчик подойдет.

— Это Валера Готовкин. Он очень хозяйственный мальчик, но очень избалованный. У него дедушка генерал. Он за каждым шагом Валеры следит. Он его не отпустит.

Профессор Баринов не согласился:

— Новая педагогика утверждает, если дедушка над внуком трясется, каждым шагом командует, все наоборот получается, что внук — главный командир. Если ему экспедиция понравится, он не только сам поедет, но и дедушку с собой заберет. Понятно?

— Понятно, — сказала Маша. — Начинаем работу с внуком.

Профессор Баринов дал Маше старинную газету. Она называлась «Тверские ведомости».

— Вот, Маша, познакомься с материалом. Может, тебе пригодится.

В газете была заметка: «Новейший целебный источник».

Маша стала изучать заметку. В ней было написано:

«В то время, как у нас известны только целебные воды Кавказа, на окраине Тверской губернии существует не менее целебный источник.

Об этом сообщил нам „Справочный листок старорусских минеральных вод“.

Как велики его целебные свойства, можно судить по истории с дочерью помещика и землеустроителя Федота Павловича Кузмичева.

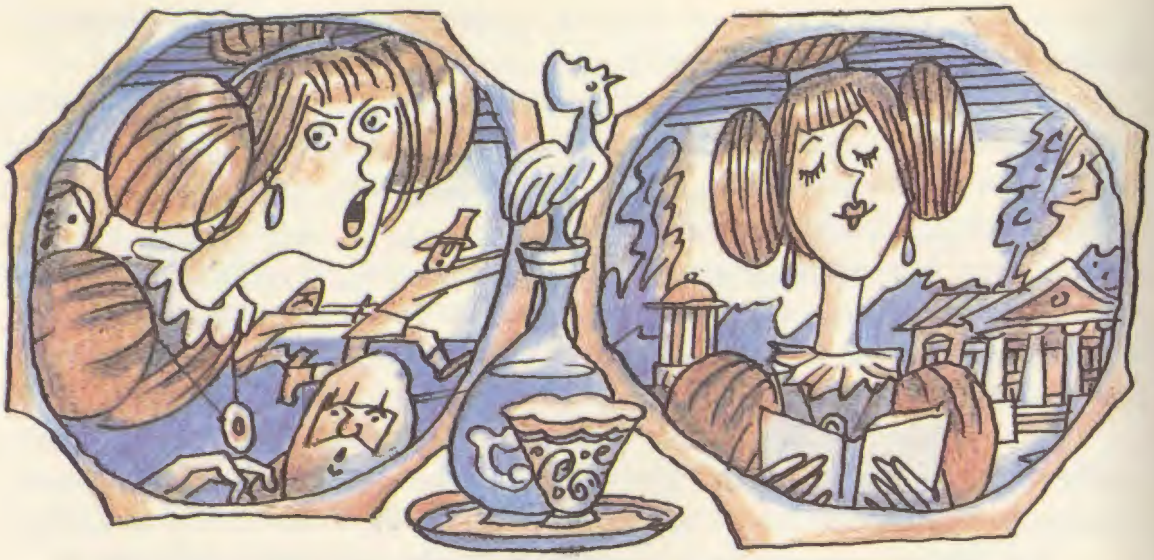
С первых младенческих лет Елена Кузмичева была истерична и драчлива. Если что-нибудь было не по ее, она ложилась на пол и била ногами. Это очень огорчало родителей. Елена кидалась в слуг и гостей разными предметами. Ей ничего не стоило укусить кого-либо.

Однажды она укусила собаку.

Ни поездки в Кисловодск, ни поездки в Карл-Штадпирс не помогали. Но как изменилась девушка и ее поведение после того, как крестьяне ближайшего прихода принесли Кузмичеву четвертную бутыль целебной воды. Девушка перестала истеричничать, стала спокойной и веселой.

Известно, что Кузмичева не единственная, кому помогли целебные воды сельского источника. Жаль только, что крестьяне скрывают его местонахождение.

Необыкновенного интереса заслуживают такие воды. Необходимо только помнить, что такого вида лечения должны проводиться под постоянным наблюдением специалистов. Не все хорошо переносят успокаивающую воду».



Маша с большим удовольствием познакомилась с этим материалом. И подумала, что кое-кому в их классе неплохо бы дать этой успокаивающей противокусательной воды.

На другой день она пришла в школу и сказала Валере Готовкину, что есть возможность в каникулы пойти во взрослую экспедицию под Вышний Волочек.

— Понимаешь, Валера, там целебный источник потерялся. Взрослые его никак найти не могут. Им помощь ребят требуется.

— А что? — сказал Валера. — Мы всех тамошних ребят поднимем. Мы враз источник найдем. Надо только точное место знать.

— В том-то и дело, что никто не знает точного места. Надо экспедиции помочь. Меня мама отпускает. Только не одну, а чтобы еще кто-нибудь поехал.

Валера как услышал про это, сразу взял Машу за руку:

— Пошли, пожалуйста, ко мне домой с дедушкой разговаривать.

Они пришли, и их сразу посадили за стол. Стол у Валериного дедушки был тяжелый и огромный. За него можно было сто человек посадить, точнее двадцать.

Им дали картошки и хлеба, и дедушка сказал:

— Докладывайте.

Валера стал докладывать. Но как-то не по-военному, издалека. Он сказал:

— Некоторые в экспедиции ходят. А некоторые барчуками выращиваются.

— Это кто же у нас барчуками выращивается? — спросил дедушка. А бабушка с половником насторожилась. Встала по стойке «смирно». Она почувствовала, что готовится какая-то операция со стороны Валеры.

— Я у нас барчуками выращиваюсь! — сказал Валера. — У меня никаких трудностей нет.

— Я тебя запру сегодня в чулан без штанов, — сказала бабушка. — Вот у тебя и будут трудности.

Валера находчивый был и практичный. Он сразу возразил:

— Если бы д'Артаньян в чулане без штанов сидел, он никогда бы д'Артаньяном не стал, а был бы каким-нибудь Ришелье или вообще миледи.

Дедушка-генерал не стал про чулан без штанов говорить. Он стал Машу расспрашивать. Кто такие эти «некоторые»? Что это за экспедиция? И Маша все ему подробно объяснила и рассказала. Тогда дедушка снял телефонную трубку и скомандовал кому-то:

— Машину генерала Готовкина к подъезду!

А потом он обратился к Маше:

— Сейчас мы к твоему профессору Баринову поедем. Очень меня этот старинный источник интересует с военно-медицинской точки зрения.

Они втроем спустились вниз. У подъезда уже стояла черная «Волга» со всякими антеннами. За рулем сидел солдат.

Дедушка и два юных кандидата в геологоразведку сели и поехали. В машине был телефон. Он вдруг застрекотал. Дедушка взял трубку:

— Генерал Готовкин у телефона. Слушаю, товарищ командующий! Не беспокойтесь, товарищ командующий. Приеду вовремя. Только опоздаю на двадцать минут. Я тут одной проблемой заинтересовался военно-медицинской. Проблемой целебной воды. Есть возможность принять участие в геологической экспедиции под Вышний Волочек. Там обнаружен пропавший источник. Источник с медицинской успокаивающей водой. Она же залечивает раны... Так точно... Об исполнении доложу.

Скоро машина приехала в Институт Улучшения.

Вахтер не стал спрашивать документы у генерала Готовкина. Какие уж тут документы, когда у него красные лампасы за километр видно. Только про себя вахтер подумал:

«Во наши дают! Генералов усовершенствуют!»

Потом, когда все прошли, он еще подумал и сам с собой не согласился:

«Как же их усовершенствовать, когда наши генералы и так самые лучшие в мире?»

Потом он еще немного подумал и все-таки понял:

«Можно их усовершенствовать. Если генерала усовершенствовать, из него маршал получится».

Профессор Баринов был у себя в кабинете. Они с генералом поздоровались и обнялись. Оказывается, они давно друг друга знали. Они в одном классе раньше учились.

Генерал сразу сказал профессору Баринову:

— Ну, отвечай, чего ты там мудришь со своими источниками?

Баринов ответил:

— Это ты мудришь. Молодежь зажимаешь. А нам очень нужны молодые люди со свежим взглядом на жизнь.

— Понимаешь, он у нас один, — сказал генерал Готовкин. — Бабушка без него помрет.

— Не помрет, — сказал Валера. — Мы ей внучку Лариску из Саратова выпишем.

— А может, того... и бабушку... в экспедицию? — спросил генерал. — Она готовит прекрасно. И чай и котлеты.

— У нас экспедиция, а не выездная столовая, — заметил Баринов. — На лошади она ездить может? Или костры разводить? А спать в палатке на снегу она согласится? Или, например, на сосну залезть сумеет?

Как только профессор заговорил про все это, генерал понял, теперь уж Валеру ему ни за что не удержать. Он только спросил:

— А что, от ребят много пользы бывает?

— Если бы не было, мы бы все это не затевали.

Но генерал Готовкин не сдавался:

— А как твой источник в оборонном смысле? Имеет значение для армейских нужд?

Профессор Баринов сказал:

— Живая вода еще в сказках требовалась — воинов оживлять. А уж сейчас она нужна еще больше. Ракет и пушек много, а нервов хороших нет.

Он открыл стол и достал еще одну старинную газету.

— Посмотри, старый друг, вот это.

Это был «Свод роста новобранцев разных стран».

Страна	Минимальный рост в миллиметрах
Швеция	1608
Соединенные Штаты	1600
Англия (в Европе)	1600
Бельгия	1570
Германия	1569
Италия	1569
Франция	1540
Австрия	1553
Россия	1534

— Для интереса тебе скажу, что в Вышневолоцком уезде новобранцы были, как в Швеции. Высокие и сильные. Потому что эта вода на всех ярмарках монахами продавалась. С детских лет все пили «Монастырскую

минеральную». Или «Святую серебряную». А вот выписка из дневника начальника военно-окружного управления Тверской губернии Шевырева:

«В строевых ученьях, маршировке, верховой езде, гимнастике, фехтовании, плавании, полевой службе физические качества солдат Вышневолоцкого уезда были выше всех».

Генерал Готовкин прочитал заметку своими глазами. И сказал:

— Бабушку ты нашу не берешь. А вот представителей военных госпиталей придется.

Он козырнул, взял Валеру за руку. Валера взял Машу за руку, и они понеслись к автомобилю.

Только они сели, генерал стал звонить: «Алло, товарищ командующий, разрешите доложить. Я узнал, что готовится большая экспедиция для поисков целебного источника. Чрезвычайно нужного для оборонных нужд. Кто организует? Организует Министерство геологии. — Он посмотрел на Машу с Валерой. — Еще присоединилось Министерство просвещения в лице двух сотрудников. Хорошо бы из наших кого-либо выделить. Из управления госпиталей. Спасибо, товарищ командующий. Я дам распоряжение».

Он высадил Машу и Валеру около дома и поехал в свой Генеральный штаб.

Не прошло и двух недель, как экспедиция отправилась.

Маша думала, что экспедиция — это собачьи упряжки, оленьи нарты, вездеходы. А ничего этого не было. Просто приехали они на железнодорожный вокзал — один сотрудник, геолог по фамилии Стороженко, двое ребят и один лейтенант Соколов из управления госпиталей.

Правда, было много провожающих. Папы, мамы, жены. В том числе один генерал в полной красивой форме. Он говорил Валере:

— Ты, Валера, когда будешь источники искать, не всякую воду пробуй. Неизвестно еще, что там из-под земли бьет. Может, где канализацию прорвало или нефтепровод лопнул. А вы, товарищ лейтенант, за моим внуком присмотрите. Уж больно горяч!

— Остудим, товарищ генерал! Не беспокойтесь.

Все погрузились в поезд и поехали.

Эх, хорошо в поезде ночью. Ни тебе уроков, ни хлопот. Лежишь на верхней полке и думаешь о прожитой жизни. И о будущей жизни. И не просто лежишь, а лежишь как сотрудник. И нет рядом любимой мамы и дорогой бабушки. И немного страшно и очень интересно.

Колеса: трах-тах-тах.

Трах-тах-тах!

Деловая Маша сразу заснула. Чего зря время терять? А Валера Готовкин не был избалован разными событиями. Он не спал. Он все мечтал

под стук колес — вот как пойдет он в лес, вот как обнаружит там источник. И вода в источнике будет чистый пенициллин с валерьянкой.

А колеса: трах-тах-тах!

Трах-тах-тах!

А потом он самородок найдет из чистого золота с бриллиантами килограмм на восемьсот. Потом он увидит в болоте крест. Все будут думать, что это могила старинная. А он лопатой копнет, и станет ясно, что это целая старинная церковь в болото опустилась со всеми украшениями.

И пещеры Валера найдет.

И неизвестную науке гору откроет.

В общем, он времени даром терять не станет. Ох, как хорошо ночью в поезде.

Трах-тах-тах! Трах-тах-тах! У-у-у! — это наш поезд спешит.

У-у-у! Хат-хат-харт! Хат-хат-харт! — это встречный промчался.

Ба-бах! — это Валера Готовкин с лавки слетел, докрутился.

Он потому крутился, что все время мечтал и твердо хотел в эту ночь не спать.

В самый разгар ночи поезд прибыл на станцию Вышний Волочек. В купе вошел проводник и стал всех будить.

Лейтенант Соколов и Маша Филипенко сразу проснулись. Геологический сотрудник, не просыпаясь, взял вещи и пошел к выходу из вагона. А Валера Готовкин не мог проснуться. Он все брыкался и кричал:

— Бабушка, не буди меня, у нас каникулы! Бабушка, не буди меня, у нас каникулы!

Лейтенант Соколов взял его под мышку, взял свой чемодан и поспешил к выходу. Маша несла два рюкзака — свой и Валерин.

На платформе у поезда был всего один встречающий.

— Вы из экспедиции?

— Из экспедиции.

— Пошли со мной в машину. Я шофер — Миша Гагарин.

Он взял в каждую руку по рюкзаку и повел экспедицию через мост над путями к своему «газику».

Лейтенант Соколов нес Валеру Готовкина. А тот иногда брыкался во все стороны и кричал:

— Бабушка, у нас каникулы!

За ним шла Маша и смотрела, чтобы что-нибудь из Валеры не вывалилось.

И последним шел непросыпавшийся сотрудник Стороженко. Видно, он был очень тренированный геолог.

Все уселись в теплый «газик» и поехали. Миша Гагарин гнал машину шустро и бестолково. Она прыгала на всех ухабах и заезжала во все лужи.

Брызги так и летели во все стороны, будто это был не «газик», а поливальная машина.

Когда они ехали по ночному Вышнему Волочку, по асфальту, это было еще ничего. Кое-кто начал даже дремать. Но вот они выехали на пригородное неглавное шоссе. Тут машину как бросит. Все, кто в ней были, подлетели вверх. Потом вбок. Потом начали лететь вниз, да как прыгнут снова вверх! Да как стукнутся головой в потолок!

Маша вылетела из валенок.

Валера Готовкин закричал:

— Бабушка, не бросай меня на пол. У нас каникулы!

Лейтенант Соколов был переброшен на место Миши Гагарина. Миша Гагарин проглотил окурок и потерял ориентировку. Потом он увидел, что сидит на чужом месте и вместо руля крутит военную фуражку. Геолог проснулся и сказал:

— Узнаю вышневолоцкую землю. Сейчас начнется.

Но сейчас ничего не началось. Лейтенант Соколов вел машину ровно, как самолет. Никто больше из валенок не выскакивал и окурки не глотал.

Миша только успевал командовать:

— Сейчас будет свертка налево! А сейчас свертка направо!

Скоро фары высветили реечный забор и «Добро пожаловать!» над ним. Это был пустующий пионерский лагерь. В котором разместилась база экспедиции. Машу и Валеру отнесли в хозяйственную комнату. Положили на запасные пионерские матрасы и накрыли огромным ватным одеялом, размером с футбольное поле. Под этим одеялом можно было бы разместить весь Машин класс. Если бы он, конечно, лежал мирно, как селедки. Даже заплатки на одеяле были размером с дворнический фартук.

Маша и Валера спали часов сто. А то и тысячу.

Утром Валера проснулся первым. Глаза открыл и ничего не узнает. Ни этих матрасов, ни ящиков с мылом, ни мешков с сахаром он никогда в жизни не видел. Из всего, что было вокруг, он только Машу узнал. Он ее разбудил и спрашивает:

— Маша, куда мы попали?

Маша ответила:

— Кажется, это продовольственно-одежный склад. Значит, мы приехали.

Валера стал мешки исследовать. Нашел кусок сахара, начал грызть.

— Эх, жалко, — говорит, — что здесь мешка с котлетами нет.

Тут откуда-то так вкусно запахло, что ребята сразу на запах пошли. И пришли в большую комнату, где геологи завтракали. Они были бородатые, в свитерах, такие сильные. И сидели они вокруг стола для настольного тенниса.

— Ага, молодежь пожаловала! — сказал лейтенант Соколов. — Немедленно дать им каши и хлеба с маслом, полбуханки на брата.

Ребятам дали пшенной каши почему-то в кружках и мягкий серый хлеб. Очень вкусный.

Валера Готовкин спросил:

— А где тут можно зубы почистить и душ принять перед завтраком?

Геологи переглянулись. И самый бородатый, его звали Юра Лоза, позвал Валеру с собой на улицу. Он показал ему на мокрый лес вокруг и сказал:

— Руки помыть и зубы почистить здесь можно под каждым кустом. Или вон в том туалете дощатом, на котором буква «М» деревянная прибита. А душ принять можно в этой бочке для дождевой воды. Сейчас с крыш такая вода течет мягкая, никакого мыла не надо.

Валера добежал до буквы «М». Он впервые видел такой туалет — с дырками в полу. Ведь провалиться можно запросто. Не зря говорят, что опасная жизнь у геологов.

В конце завтрака все пили чай из этих же кружек. Потом Юра Лоза сказал:

— Сейчас к нам приедут представители из Вышнего Волочка. Будет совещание. Прошу всех привести себя в пристойный вид. И приходить в клуб. После совещания — сразу по машинам и по объектам. Необходимые вещи берите с собой.

Как раз прогудел гудок. Это пришла машина из города с представителями. Юра Лоза и геологический сотрудник Стороженко провели их в пинг-понговую и тоже дали чая с хлебом и маслом.

Потом все прошли в клуб.

В клубе Юра Лоза сказал:

— Уважаемые сотрудники и представители города! Уже четвертый год подряд мы приезжаем сюда для поисков источника. Тратим государственные деньги, занимаем транспорт, отвлекаем от работы многих людей. И все безрезультатно. Но источник нужен стране. Сохранилось несколько бутылок воды с дореволюционного времени. И выяснилось, что вода из аптеки номер один — самая целебная вода из всех известных науке. Она заживляет раны и ссадины. Успокаивает истериков. Сдерживает нервных от ругательств. Придает силы старым. Что чрезвычайно важно, потому что у нас в стране резко увеличилось число пенсионеров. И страна все равно найдет эту воду. Если мы не справимся, выйдет несколько рабочих партий. Они будут бурить скважины, исследовать подземные потоки. Они составят карту подземных вод и выйдут в нужную точку. Только все это будет стоить больших денег. Если же мы сами найдем источник, сэкономленные деньги можно будет пустить на строительство школ, детских

садов, санаториев. Поэтому все внимание и все силы на поиски целебной воды. Кто что хочет сказать?

Встал пожилой представитель городской общественности:

— Моя фамилия Коромыслов. Я работаю спецкором в «Вышневолоцкой газете». Я исходил весь район от границы до границы и ни о чем подобном не слыхал. Ничего у вас не выйдет.

— Выйдет! — сказал Юра Лоза.

— Тогда ищите в районе Бологого — Лыкошина. Я там редко бывал. Там свой корреспондент есть, Куженкин. Может, в его владениях что-то и есть.

— Хорошо, — сказал Юра Лоза. — На этот район обратим особое внимание. Кто еще хочет говорить?

Слово попросил пожиловатый, но еще молодой человек в неновой летной форме. Это был представитель гражданской авиации. Он сказал:

— Товарищ специальный корреспондент совершенно неправ. Мы обслуживаем самолетами пожарную охрану и лесничества. Так у нас в краю этих источников видимо-невидимо. Есть не только заброшенные источники, но целые заброшенные деревни. Дайте мне карту, я вам по памяти этих ключей штук десять нарисую.

Юра Лоза достал карту и позвал геологического сотрудника:

— Володя Стороженко, нанеси ключи на карту. Только будь повнимательнее. Для них с самолета все на сантиметры меряется, а нам километры шагать.

Потом Юра Лоза походил по сцене и спросил:

— Я знаю, что среди вас врачи есть. Пусть они скажут: в каком краю вашего края самые здоровые люди живут?

Главный врач района товарищ Радкин Виктор Александрович сказал:

— Здесь мы вам ничем помочь не можем. Во всех краях нашего края живут самые здоровые люди. Особенно жалуются сельские доктора. Один говорил мне: «Мои трактористы здоровее своих тракторов стали. Я уже забыл, как градусник выглядит».

— Очень печальный факт! — сказал Юра Лоза. Хотя ничего печального в этом факте не было.

Между прочим, и сам Юра Лоза был, пожалуй, поздоровее не только трактора, но и танка. Он горестно всех поблагодарил и закрыл совещание. И геологи стали расходиться по машинам и лошадям.

Валера Готовкин с лейтенантом Соколовым и Мишей Гагариным пошли в «газик» — грузиться на несколько дней. Они в сторону Бологого — Лыкошина ехали.

Маша с геологическим сотрудником Володей Стороженко должны были на автобусе доехать до деревни Леонтьево и исследовать там два ключа,

которые летчик показал. И еще сельский магазин. Чтобы купить там продуктов. Потому что они были дежурными по лагерю назначены. К десяти вечера им надо было приготовить ужин на сорок персон.

— Почему на сорок персон? — спросила Маша у Юры Лозы. — Ведь геологов всего десять.

— А каждый будет есть за четверых, — успокоил ее Юра.

И всем отъезжающим Юра давал жемчужные таблетки-шарики.

— Эти шарики в целебной воде растворяются. Как только шарик растворился, нашли!

И быстро-быстро затих пионерский лагерь.

Маша и геологический сотрудник шли по весенней дороге. Здесь, за городом, сотрудник был совсем другой. Он и не думал спать. Глаза у него сверкали. Он во все дела встревал. И вообще, был как новенький.

Маша у него спрашивала:

— А почему вы экспедицию весной устроили? Ведь летом легче.

— Летом столько травы и кустов, что ничего не видно. Зимой, пока снег, каждый ключик на виду. Вот и мерзнем.

— А как вы думаете, мы найдем ключ?

— Конечно, найдем. Я найду.

— Нет, я! — скромно сказала Маша.

Они подошли к деревне. У входа стояли два столбика с надписью: «РАКИТНОЕ» Буква «И» твердой рукой была переправлена на «Е». Получалось — «РАКЕТНОЕ».

— Рядом, наверное, военная часть, — объяснил Стороженко. — Вот и переправили.

— Что такое ракеты, я знаю, — сказала Маша. — А что такое ракиты?

— Это деревья такие, — ответил геологический Стороженко. — Помнишь песню:

Ой, шуми ты, куст ракитовый,
Вниз под ветром до земли...
Казаки дружка убитого
На шинели принесли...

Потом он еще сказал:

— У нас любят все переименовывать. И деревни, и улицы. Однажды мы село такое искали — Черный Бык. Мы узнали из летописи, что там руда была. Ищем, ищем... Нет такого села! Всю область исползали. Оказалось, оно уже лет тридцать как по-другому называется — Красный Быт.

Другое село когда-то называлось Парасенково. Теперь его ни на одной карте нет. Потому что оно уже не Парасенково, а Прогресс Синьково.

Маша с интересом все слушала. И наматывала, наматывала...

Деревня Ракетное была очень веселая. Вся-превся выкрашенная. Один дом был весь ярко-зеленый, даже едко-ярко-зеленый, от головы до ног. Крыша ярко-зеленая, забор ярко-зеленый, даже каждый колышек для теленка ярко-зеленый. Даже яблони побелены ярко-зеленой краской. Другой дом был неожиданно весь фиолетовый от первой до последней досточки. Даже почтовый ящик, висевший на дереве, кстати, на раките, был фиолетовый. Третий дом был красный, как пожарная машина. А последний дом был весь ярко-желтый, будто в нем жил начальник ГАИ.

— Почему такая деревня? — спросила Маша. — Как будто дети раскрашивали.

Володя Стороженко на это ответил:

— Я люблю вышневолоцкие деревни за то, что они все неожиданные. Одна на другую непохожие. Все у них разное: от количества домов до количества этажей. Помню, в одной деревне все заборы были как из тетрадки в косую линейку. Из длинных металлических реек. Их, наверное, перепиливать не умели, вот и ставили наклонно. В другой деревне все крыши сверкали как космические. Они были какой-то особой пленкой покрыты. На колодце крыша есть, так, в нее смотрясь, причесываться можно. Сидит ворона и сама себя клюет. В третьей деревне все дома были трехэтажные. Такие небоскребы бревенчатые.

— А почему здесь все красят? — добивалась своего Маша.

— Наверное, здесь влажное место и дерево без покраски портится. А может, у них краски завались. В магазин ничего другого не завозят.

Посредине деревни от дороги отходила свертка. Стоял указатель. И секрет всеобщей покрашенности сразу раскрылся. Потому что на указателе было написано:

РАКИТНЫЙ ЛАКОКРАСОЧНЫЙ КОМБИНАТ — 10 км.

— Прояснилось? — спросил Стороженко.

— Прояснилось, — ответила Филипенко. — Своим рабочим краску продают.

Тут как раз к деревянной непробиваемо-синей остановке подошел выцветший автобус. Они сели и поехали в деревню Леонтьево.

Автобус сразу замотало по всем яминам и колдобинам. Вверх и вниз! Просто душу вытряхивало. А колхозники радовались:

— Как хорошо у нас дорогу поправили!

Они все были хорошие люди, с большими мешками и сумками, все между собой знакомые, по всей длинной дороге. Они очень радостно друг с другом здоровались и все-все знали.

— Смотрите, вон Марья Кочемасова с чемоданом пошла. Наверное, посуду сдавать. Стало быть, ее сын Славка с флота вернулся.

— А вон председателевы дети на собаке катаются. Значит, телевизионный мастер из города сегодня не приезжал и все мы без кина останемся.

Геологический Володя Стороженко не выдержал и вмешался:

— Странные выводы вы, мамаша, делаете. Если ваша уважаемая Марья Кочемасова с чемоданом идет, это еще не значит, что ее сын Славка с флота вернулся. Может, Марья Кочемасова с этим чемоданом идет в «Ремонт галантереи». А может, она с чемоданом в библиотеку направилась — книжек взять почитать.

— Да у нас «Ремонта галантереи» отродясь не было! — отвечали говорливые колхозницы. — А библиотеку у нас в Леонтьево перевели. С чемоданом она идет посуду сдавать, потому что застенчивая. Не хочет, чтобы видели, что Славка ее гуляет. А он, дурень, как приедет, все время праздничает. И дружков своих зовет. А прийти из флота ему уже давно было пора. Он уже два года отслужимши.

— Допустим, тетенька, что Славка ваш Кочемасов уже отслужимши. А откуда вы про телевизионного мастера знаете? И про то, что кина не будет? Мало ли почему председателевы дети на собаке катаются!

— А председателевых детей от телевизора не оторвешь. Особенно когда он хорошо кажет. Ведь сейчас в каникулы целая серия идет про иностранного английского мальчика Оливера Твиста. Раз дети во дворе на собаке катаются, стало быть, телевизор не работает. Стало быть, он ничего не кажет. А не работает он потому, что у нас антенна коллективная. Ее молнией сбросило. Значит, антенну не подняли. Значит, мастер еще не приехачи.

— Да, — сказал Володя Стороженко, — иностранный английский сыщик Шерлок Холмс — просто большой ребенок перед жителями вышневолоцкой сельской местности.

Когда приехали в деревню Леонтьево, Маша как вышла на дорогу, так за дерево и схватилась. Укачало ее. Она Володе сказала:

— Сейчас мы быстро два источника исследуем, а потом в магазин пойдем.

— Нет, — отвечает Володя. — Мы сначала должны магазин исследовать, потому что его могут закрыть. А потом уж к источникам отправимся.

Они зашли в стеклянный магазин и стали его исследовать. Главным образом Володя Стороженко в своих исследованиях на консервы нажимал.

— Это что у вас, бычки в томате? Дайте нам немного, банок сорок. Чтобы они у вас тут не залеживались. А это что? Никак «Завтрак туриста»? Банок двадцать нам для первого раза будет достаточно. Потешим своих ребятишек. А это что? Шпроты?.. Дайте, пожалуйста, двадцать две баночки. Самые красивые.

— Вам какие? — спросила продавщица. — Латвийские или испанские?

— А нам все равно! — ответил Володя. — Мы разговаривать с ними не собираемся!

— Вы бы взяли для ваших ребятишек конфет, — посоветовала продавщица. — Побаловать их.

— Мы боимся их испортить, — ответил Володя. — Они у нас ребята без претензий, небалованные.

— Да и конфеты такие же! — сказала продавщица. — По двадцать копеек килограмм. Списанные.

— Вот это да! — ахнул Володя. — Я много чего в жизни видал, но таких чудесных конфет не встречал. Они дешевле картошки получаются. Дайте мне немедленно на целый рубль. Только заверните во что-нибудь. А то для этого дефицита у нас места в рюкзаках не осталось.

— Я вам ящик дам, — сказала продавщица.

И достала из-под прилавка совершенно невиданный ящик. Сделанный из газет. Он весь сверкал как облитой.

— Да у вас не магазин, — поразился Володя, — а просто дом сюрпризов. Откуда у вас такие ящики — из Италии, из Испании?

— Из нашего лакокрасочного комбината. Это у нас наладили. Берут газеты, ими форму обклеивают и лаком обливают.

— Дайте нам, как можно скорее, пару таких ящиков. Мы и вещи уложим, и почитаем заодно. Где тут передовица — на дне или в углу?

Продавщица насыпала им два ящика конфет, и нагруженные они вышли на улицу.

— Что же мы, так и пойдем, нагруженные, источники проверять? — спросила Маша.

— Ни за что. Мы сейчас вещи на хранение сдадим.

— В камеру хранения?

— Конечно, в камеру хранения.

Володя зашел в ближайшую калитку и прокричал:

— Хозяйка! Хозяйка!

— Чего вам?

— Уважаемая хозяйка! Можно, мы эти рюкзаки у вас до вечера полежать оставим?

— Пусть лежат хоть до весны. Что им сделается! — сердитым голосом сказала хозяйка.

— Спасибо большое. А еще скажите нам, уважаемая, где тут у вас источники целебные в колхозе имеются?

— Каки таки источники?

— С целебной водой.

— И отродясь не было. Ишь чего сказанул!

— А просто ключи у вас есть? Обычные родники?

— Простые есть. Коло пруда за коровником. И у бывалошного господского дома на горе. Только летошний год жарко было, может, они и пересохли.

Геологический Володя поблагодарил хозяйку, и они с Машей пошли налегке. Сначала к бывалошному господскому дому. Потом к коровнику за прудом. И там действительно из земли били довольно сильные струи

воды. Но шарики, которые дал Юра Лоза, в воде не растворились. Володя на всякий случай набрал немного воды в стеклянные бутылочки и сунул их в карман. А Маша еще промочила ноги.

— Все. Теперь в лагерь. Надо ужин готовить на сорок персон.

Им повезло. Очень быстро подошел выцветший автобус, и был он совсем пустой. И опять замотало их во все стороны. Но теперь это было привычно. И они тоже стали считать, что хорошо у них дорогу поправили, раз автобус ходит.

Ехали обратно они совсем без приключений. Только в одном месте наблюдательный Володя сказал:

— Председательские дети вон с крыши сарая в снег прыгают. Значит, антенну еще не исправили. Значит, мастер еще не приехачи. И телевизоры во всей деревне не кажут. По этому поводу меня одолевает грусть.

Он и сам не заметил, как стал разбираться во всех тонкостях не хуже, чем иностранный английский сыщик и ученый Шерлок Холмс.

Потом Маша и Володя Стороженко готовили ужин на сорок персон. А под самую ночь пришли геологи и весь этот ужин съели.

Но трех персон не было. Лейтенант Соколов, Валера Готовкин и Миша Гагарин еще не вернулись.

Геологи настолько устали, что без всяких извинений отходили от стола и укладывались спать в свои спальные мешки. Никто из них ничего не нашел, и все они были один сердитее другого.

Только у Юры Лозы еще хватило сил провести с самим собой и с Володей совещание. Он спросил:

— Ты сможешь завтра еще подежурить? У всех дела неоконченные.

— Подежурю, — без восторга ответил Володя.

— А будет время, доскачи до Рабочего поселка, где лесозавод. Там, говорят, на каком-то ключе баня построена.

— Хорошо! — сказал Володя. — Я с утра налажу Манюню посуду мыть, а сам смотаюсь. Там и продукты куплю, и баню исследую.

— А Манюня выдержит?

— Выдержит. Очень крепкая девочка и толковая. Все по хозяйству умеет.

Они Манюню позвали и стали спать укладывать:

— Где тебя устроить?

— Не надо меня устраивать. Я где спала, там спать хочу. Под тем же одеялом, — ответила Маша, обиженная за Манюню и за посуду.

— Хорошо, иди!

Маша пошла и улеглась под своим огромным одеялом — километр на километр. Лежала и сердилась. Она ехала источники открывать, а вместо этого демонстрирует свои способности по хозяйству — кружки моет. Так

все источники без нее откроют. И зачем только она взяла с собой этого Валерку Готовкина. Была бы она единственным ребенком, ее бы взяли в Бологое — Лыкошино и там бы все носились с ней. А так никто не носится.

Сердитая Маша заснула.

Тишина окутала лагерь геологов.

Кто-то неуверенно заухал и завыл на чердаке. Потом залопотал во тьме крыльями, пытаясь навести суеверный ужас. То ли это был филин, то ли демон. То ли это было случайное привидение. Потом этот кто-то понял: здесь никакого ужаса не наведешь, не тот случай. И этот кто-то с чердака, медленно ворча, удалился в сторону ближайшего санатория. А может быть, в сторону кладбища.

Вот пришло утро. Маша проснулась с температурой и больным горлом. В лагере царила тишина. Все геологи были «уехачи».

На стене перед Машиной постелью была прибита огромная записка, написанная второпях и, кажется, кисточкой для бритья:

«Маша, завтрак на столе, посуда под столом. Не скучай!»

Другая бы девочка сильно обиделась. Но Маша Филипенко была не из таких. Она обиделась немножко.

Маша протопила печку-буржуйку. Это было нетрудно, потому что дрова были поколоты и сложены рядом. На печке она разогрела завтрак и поставила греться ведро воды.

Посуда стояла под столом в газетных ящиках. Эти ящики были очень удобные: Маша залила посуду водой, чтобы она отмокла, и ящики не протекли. Прямо в ящиках она и стала мыть.

Маша мыла посуду и читала. Сначала заголовки ящиков. Потом заметки, напечатанные в них.

«НА ПОЛЯХ РАЙОНА».

«СООБЩЕНИЕ ТАСС. ПОЛЬ РОБСОН ПРИЕХАЛ В МОСКВУ».

«НОВОСТИ ЦЕЛИННОГО КРАЯ».

«ВЫШНЕВОЛОДЦЫ СОРЕВНУЮТСЯ».

«СЛУЧАЙ НА ГОЛУБОМ ОЗЕРЕ» — о том, как рыбаки выловили неводом щуку невиданных размеров — два с половиной метра. Щуку сдали в горрыбторг для продажи населению, а рыбаков в милицию, для суда. Потому что ловля сетями в Голубом озере запрещена законом.

«КАЖДОМУ КЛАССУ — ТЕЛЕВИЗОР» — о том, что в сельских школах не хватает учителей. И можно было бы отдельные уроки, например английского языка, передавать из Вышнего Волочка прямо в классы. В городе есть много языковых специалистов. А в классы на уроки можно

было бы приглашать дежурных преподавателей или кого-либо из родителей для поддержания дисциплины.

И вдруг!.. «ОЛИМПИАДА В ЕДРОВО!» с подзаголовком «Чемпионы уезжают в Ковровино».

Эти чемпионы больше всего заинтересовали Машу. Она стала читать:

«Закончилась еще одна сельская олимпиада в райцентре Едрово. На нее съехались сельские спортсмены из четырех районных центров: Едрово, Бологое, Березайки, Выползово.

Соревнования проводились по многим видам спорта. По прыжкам в длину и высоту, по бегу на длинные и короткие дистанции. По поднятию тяжестей и по плаванию.

По всем видам спорта установлены рекорды. Многие из которых превышают рекорды СССР.

Например, спортсмен из села Ковровино Анатолий Туманов поднял штангу в двести килограммов. Что на шестьдесят килограммов превышает рекорд страны. Мало того что он поднял ее, он прямо с помоста отнес ее и погрузил в машину. Так что точный вес штанги установить не удалось. Мы уже молчим о том, что возраст у Туманова далеко не спортивный для штангиста. Ему сорок пять лет.

Его односельчанин Иван Волков первым пробежал дистанцию сорок километров. Судьи не ожидали, что он так быстро пересечет финишную ленточку, и не успели замерить его результат.

Все виды спорта, в которых требовалась сила и выносливость, выиграли ковровинцы. Только в забегах на короткие дистанции — 100, 200 и 400 метров — победили спортсмены других деревень. Они говорят: „С этими ковровинцами лучше не встречаться. И в борьбе, и в боксе, и в перетягивании каната они всегда первые. В этом есть какая-то загадка. Или они приглашают спортсменов со стороны, или у них есть какой-то особо выдающийся тренер, который воспитал не одно поколение победителей“. Корреспондент Куженкин».

Маша весь ящик изучила: нет ли еще чего про село Ковровино. Но больше ничего не было. Она другой ящик прочла со всех сторон. Вымыла всю посуду и стала ждать Володю Стороженко.

Она ходила из угла в угол, как волк в зоопарке. Потом не выдержала и, несмотря на температуру и больное горло, побежала навстречу по дороге. Побежала с ящиком.

Сидит она на остановке на ящике, ждет Володю. Деревенские люди мимо идут и говорят между собой:

— Вон городская девочка на ящике на остановке сидит. И кого-то ждет совершенно безо всякого толка.

Маша говорит:

— Что я на ящике сижу — это видно. Что я кого-то жду — это тоже можно понять, раз я на остановке сижу. А вот как вы догадались, что я городская?

— Потому что деревенские девочки давно знают, что двухчасовой автобус уже был в три часа, а шестичасовой раньше семи не придет. И без толку они сидеть не станут.

Маша спросила:

— А что станут делать деревенские девочки?

— Они пойдут на край деревни и будут знать, что их жданец на попутной машине приедет.

Маша так и сделала. Пошла на край деревни. И как раз попутный трактор приехал, а на нем Володя Стороженко с продуктами. Маша сразу закричала:

— Володя, Володя! Прочти, что на этом ящике написано.

Володя отложил продукты и сказал:

— Давай сюда твой почтовый ящик.

Он быстро нашел спортивную заметку и сразу понял, в чем дело. Он сказал:

— Пойдем скорее в лагерь. Будем в Бологое звонить.

— Кому?

— Собкору Куженкину, который тем краем заведует. Помнишь, корреспондент из города про него говорил. И про весь тот край. И еще наш Юра Лоза сказал, что туда надо особое внимание обратить.

— Помню.

— Пусть он там разыщет лейтенанта Соколова и Мишу Гагарина с «газиком».

— И Валеру Готовкина, — добавила Маша.

— И Валеру Готовкина. И все им расскажет.

Они быстро добежали до лагеря и пошли в кабинет директора звонить.

Их быстро соединили с Бологое. С квартирой корреспондента Куженкина. Володя Стороженко все этому Куженкину рассказал. И Куженкин все понял. Он только вчера вернулся из Выползово. Там он виделся с лейтенантом Соколовым и Мишей Гагариным. Он самолично видел Валеру Готовкина и имел с ним беседу. Он даже брал у них интервью.

Володя Стороженко кричал:

— Вы обязательно свяжитесь с ними, пока они никуда не тронулись. И скажите, чтобы они немедленно ехали в деревню Ковровино и исследовали там источники. Скажите, что целебная вода там. Там, и только там!

— Там! Там! — согласился Куженкин на другом конце провода и области. — Я давно подозревал, что эта деревня какая-то ненормальная. Там даже дети как свинцовые, их от земли не оторвешь. Слышно?

— Слышно! Слышно!

— Да только эту деревню от нас забрали. Их давно уже в Валдайский район перевели.

— Скажите им, пусть немедленно едут. И пусть оттуда нам звонят в любую ночь. Или пусть телеграммы дают. Слышно?

— Слышно, — ответил Куженкин. — Понятно! Будет сделано!

Дальше они с Володей Стороженко готовили еду и ждали геологов. И вот наступил вечер. Геологи стали подтягиваться на своих машинах по нескольку человек. Приходили они мокрые, сумрачные и бросались к печке. Или валились на матрасы, закутавшись в одеяла. Только главный, Юра Лоза, вошел свежий и легкий, как после сна. И стал у всех спрашивать, как дела. И стал ставить на карте значки и крестики.

Тут к нему подошел Володя Стороженко и протянул ящик из писем и газет.

— Прочти, шеф.

Юра не споря взял ящик и прочел заметку про спорт.

— Ничего себе! Немедленно звонить в Бологое! Ихнему собкору!

— Позвонили.

— Сказать, чтобы он их отыскал.

— Сказали.

— Молодцы! — восхитился строгий Юра. — Давайте ужинать. Кто заметку нашел?

— Манюня, — ответил Володя.

— Ай да Маша! — послышались голоса. — Ай да Филипенко.

— Когда воду найдем, назовем Филипенковская.

— Филипенко-кола.

— Манюнинская!

Маша даже обиделась. Юра Лоза это понял и сказал:

— Всем быстро ужинать и спать.

Все так и сделали. А грязную посуду сложили до утра в газетные ящики.

Геологи пошли спать. И спали еще на пути к матрасам.

...А вот у Валеры Готовкина сон не получился.

Они с лейтенантом Соколовым и Мишей Гагариным остановились в деревне Студенец, недалеко от райцентра Выползово. И легли спать в колхозной гостинице. Колхозной гостиницей была изба пожилой колхозницы Частовой Татьяны Семеновны.

— Я тоже была в Москве, — сказала Татьяна Семеновна геологам. — Картошку возила. У меня там двадцать пять рублей украли.

— Кто же это посмел? — удивился лейтенант Соколов.

— Одна какая-то дамочка вся в кольцах и платьях. Должно, приезжая. Может, иностранка.

— А куда же вы смотрели, маманя? — спросил Миша Гагарин. — Пока у вас иностранцы деньги воровали.

— Да никуда я не смотрела. Я картошкой торговала. Она говорит: «Разменяй двадцать пять рублей». У меня деньги были далеко запрятачи. Я их достала из штанов, из платка вынула да отсчитала. Она говорит: «Зачем мне, бабка, твои трешницы да рубли. Отдавай назад мои деньги».

Я ей отдала. А когда домой приехала, в сестриный дом, денег-то и нет, двадцати рублей. Я потом подумала: гипноз какой-то.

— Значит, двадцать рублей украли? — спросил дотошный Миша.

— Украли-то двадцать пять, — ответила Татьяна Семеновна. — Я сама их видела и в руках держала.

— А не хватает двадцати?

— Двадцати.

— Выходит, они пять рублей подложили? — предположил лейтенант Соколов.

— Может, и подложили.

— Значит, у них есть совесть?

— Откуда у них совесть, когда они двадцать пять рублей украли.

И никак они с этих двадцати пяти рублей съехать не могли.

Валера Готовкин спросил:

— Бабушка Татьяна Семеновна, а где тут у вас можно душ принять перед сном?

— Да у нас этих душей в деревне отродясь не было.

А Миша Гагарин сказал:

— Разве ты не знаешь? Душа в деревне нет. Люди в сельской местности душем не пользуются. Они перед сном ванну принимают.

— Нарзановую, — добавил лейтенант Соколов.

— Каку таку ванну? — удивилась Татьяна Семеновна. — Хотите, я вам баню истоплю. Только воды натаскайте, — предложила она.

— Бабаня, мы себя еле таскаем, — возразил Миша Гагарин. — Нету у нас сил. Верно, Валера?

Сил действительно не было. Они легли спать прямо в одежде по разным углам под цветастые одеяла. Только легли, только заснули, сразу стук в окно.

— Эй, Частова, геологи у тебя ночуют?

— У меня.

— Их к телефону зовут. В бригадиров дом.

— Что, всех?

— Не знаю, — отвечал женский голос. — Сказали, геологов к телефону. Из города звонют.

Проснулись наши с Валерой и со всех ног пошли в бригадиров дом на другой край деревни.

Постучали. Их впустили.

Вошли — трубка лежит на табуретке.

— Лейтенант Соколов у аппарата! — сказал Соколов военным голосом.

С той стороны ответили гражданским голосом:

— Это корреспондент Куженкин говорит. Вам срочно надо ехать в

деревню Ковровино. В Валдайский район. Источник находится там.

— А где это?

— Около райцентра Едрово.

— Почему срочно?

— Больно ждут все. Ваши товарищи звонили с Волочка. Они узнали, что источник в этой деревне.

Пока они так разговаривали, бригадировы дети и бабушка со всех сторон сверкали глазами. И с печки, и с кухни, из-за всех перегородок и из-подо всех одеял.

— Ладно. Передайте им, что мы сейчас же отправимся. Передайте привет всем ребятам. Скажите им, что мы здесь все болота облазили.

Куженкин удивился:

— А чего вы по болотам лазаете?

— Да тут ничего другого нет, — сказал Соколов. — Одни болота вокруг. Хорошо еще, что они замерзли. Летом здесь ни шагу не шагнешь.

— Удачи вам! — закричал Куженкин. — Я, может, тоже примчусь, чтобы описать в газете.

Они поблагодарили бригадира и всю его глазастую семью и вышли. Миша Гагарин пошел готовить машину. Лейтенант Соколов стал выяснять у трактористов дорогу. Валеру попросили переносить вещи в машину.

Татьяна Семеновна дала им в дорогу пакет ватрушек и сказала Валере:

— Ты, когда воду лечебную найдешь, мне набери бутылочку. У меня кости по ночам стрелять начали. Так трещат, хоть из дому беги.

Лейтенант Соколов говорит:

— Сколько лет людей лечу, не слышал, чтобы кости по ночам стреляли. Давайте, Татьяна Семеновна, я вас перед отъездом осмотрю. Я все-таки военный врач.

Он осмотрел Татьяну Семеновну и сказал:

— Баба Таня, кости у вас здоровые. Да и вообще, вы женщина крепкая, порчи на вас нет. Вы лучше кровать осмотрите. Может быть, это она по ночам трещит. Пересохла вся.

Тут Татьяна Семеновна поняла:

— Это не кровать трещит. Это линоль стреляет. Мне мой сын Лексей линоль привез из города на пол. Какой-то особый, химический. Морозоустойчивый. Для Крайнего Северу. Он его на производстве купил. Вот он и трещит от жары, когда печка истоплена.

Как только Татьяну Семеновну осмотрели и диагноз установили, погрузились в машину и поехали в темноте. Потихоньку, помаленьку. Ехать надо было сто километров, где по проселку, где по асфальту.

Сначала машину вел Миша Гагарин. Лучи света от фар метались во все стороны. Потом он устал и попросил Соколова крутить баранку. Они по очереди меняли друг друга. А военизированный внук Валера Готовкин бессменно спал на заднем сиденье. Он был очень волевой и упорный. Даже когда он подлетал на ухабах до потолка, он все равно не просыпался. Долго ехали.

Очень долго ехали.

Вот уже стало светать. Проехали полусонное районное село Едрово, поговорили с полусонным работником ГАИ и вышли на последнюю прямую к поселку Ковровино.

Навстречу потянулись недовольные утренние трактора, старинные автобусы с фанерными стеклами и редкие колясочные мотоциклы.

В лесу вокруг дороги были разработки леса. Туда и обратно шли просеки, отвилки, свертки. И скоро Миша Гагарин сбился с главного пути. Он метался из колеи в колею, пока не потерялся окончательно.

Он не стал будить задремавшего Соколова, заглушил двигатель и откинулся на сиденье назад — спать.

Они спали. И спала еще вся огромная, побольше Франции, Калининская область вместе с Вышневолоцким районом.

Первым проснулся Валера Готовкин. Он же раньше всех заснул. И проснулся он оттого, что какой-то мохнатый дядька ходил и хрустел утренним ледком у машины. Это был лось.

Валера погудел, побибикал, и лось умчался в лес. Все очнулись.

Солнце било со всех сторон. Из-за каждой ветки. Было тепло. Лейтенант Соколов спросил у Миши Гагарина:

— Скажите, пожалуйста, уважаемый товарищ водитель, где тут можно душ принять перед завтраком и зубы почистить?

Миша Гагарин напрягся, тоже хотел придумать что-нибудь остроумное, потом сказал попросту:

— А хрен его знает!

Они быстро умылись снегом. Соколов выдал каждому по творожной ватрушке из целлофанового пакета Татьяны Семеновны, и они снова помчались.

За рулем сидел сам лейтенант, и машина не скакала и не прыгала. Она упрямо выбирала километр за километром, и вот стали попадаться первые признаки поселка. Свежие следы, песок и опилки на дороге, разноразмерные собаки.

Потом им встретился мальчик. Он катил перед собой огромный баллон от колесного трактора.

— Мальчик, мальчик, как проехать к поселку Ковровино?

— По этой дороге и езжайте, — ответил мальчик. Он взвалил на себя колесище и пошел дальше.

— Может, ты нас проводишь? — спросил лейтенант Соколов.

— Не-а, я не могу, — отвечал мальчик. — Я бегу на МТФ, колесо вулканизировать. Тороплюсь. Сзади дедушка идет, трактор тащит. Надо к его приходу все починить. А то он рассердится. Да вам тут недалеко — пять километров всего.

Наши слегка глаза повытаращивали на этого мальчика с колесом, на его дедушку и поехали дальше.

Все ближе и ближе деревня.

А тут старушка по дороге идет с котомкой. Как раз в ту же сторону.

— Садись, бабуся, подвезем!

— Вот хорошо-то, милочки, — сказала старушка. И стала забираться в «газик».

Миша Гагарин выпрыгнул со своего кресла и помог старушке. Потом подал ей котомочку.

— Бабусь, а что у тебя в котомке-то? Не поднять. Гири, что ли, носишь с собой, гантели?

— Какие гантели, милок! Утюги несу электрические. Выбросили в сельпе. Я и взяла для себя и для соседей. Да много не могу — десять штук всего.

Она смотрела на дорогу.

— А для гантелей я стара стала. Здоровья у меня совсем нет.

— А что у вас со здоровьем, бабуся? — спросил лейтенант Соколов. — Почему его нет?

— И не знаю почему? Только ломит меня всю по утрам. Так и выкручивает! Так и выкручивает!

У бабушки в руках была кочерга. Она ею вместо клюки пользовалась по гололеду. И бабушка стала показывать, как ее выкручивает, на примере этой кочерги. Всю кочергу в узел завязала. И сказала:

— Возраст, наверное. Мне уж под восемьдесят скоро.

— Это не возраст, — возразил Гагарин. — Меня, бывает, тоже крутит по утрам. Хочешь распрямиться — и не можешь. — Он пытался выпрямить кочергу. — Никак не можешь! Это простудное, бабушка.

— Может, и простудное, — согласилась утюговая бабушка. — А мне и сходить уже. Спасибо вам, милочки. Дай вам бог здоровья. Вот и мой дом. Вот и весь наш поселок Ковровино. Десять домов всего.

— Бабушка, а где у вас тут можно воды набрать? — закричал с заднего сиденья Валера Готовкин. — Очень пить хочется.

— А и подожди. Я тебе сейчас молока вынесу.

— Нет, бабушка, не надо молока. Мне воды нужно, попить, умыться.

— Или душ принять, — добавил Миша Гагарин.

— А вы подъезжайте к пруду. Там и будет ключ. Аккурат возле часовни.

Быстро подъехали к ключу. Набрали воды. Выпили по стакану. Ничего особенного. Вода как вода.

Соколов достал блестящую горошину и бросил в стакан с водой. Пыш! — только пузырьки пошли. Горошина вмиг растворилась.

— Ура! — закричал Валера Готовкин. — Где тут ближайшая почта?!

До ближайшей почты было, как всегда, километров тридцать. Они набрали канистру воды и двинулись.

Опять ухабы и перелески. Опять проселок и такая дорога, будто она ложностратегическая. Будто ее для врагов прокладывали, чтобы они никуда не доехали. И вот долгожданное райсело Едрово и долгожданная почта.

Наши небритые участники экспедиции напоминали неизвестно кого. Когда они ввалились на почту, девушки подумали, что у них опять кино про войну снимают. Они сказали:

— Этих актеров плохо загримировали. Военная форма у них как новенькая. И щетина не настоящая, того и гляди отклеится. И китайских плащей, как у шофера, партизаны не носили. Их тогда еще в продаже не было.

Лейтенант Соколов быстро набросал телеграмму:

«Город Вышний Волочек. Пионерский лагерь фанерного завода. Начальнику геологической экспедиции Лозе.

ИСТОЧНИК НАЙДЕН ОБНАРУЖЕН В ПОСЕЛКЕ КОВРОВИНО. ВЕЗЕМ ПРОБУ. СОКОЛОВ, ГОТОВКИН, ГАГАРИН».

Через час изумленные геологи во главе с Юрой Лозой, вытаращивая глаза, читали:

«ИСТОПНИК НАЙДЕН ТЧК ОБНАРУЖЕН В ПОСЕЛКЕ С КОРОВОЮ ТЧК ВЕЗЕМ ПРОБКУ ТЧК СОКОЛОВ ГОТОВ КИН–ГАГАРИН».

А когда Миша Гагарин, Соколов и Валера Готовкин ушли с почты, изумленные девушки говорили:

— Это не партизаны были, не из кино. Это милиция была. Петровка, 38. Они истопника искали. Он, наверное, был очень опасный.

— Почему опасный? Скажи, Маруся.

— Потому что Соколов готов.

— А тот, в китайском плаще, и в самом деле китайской национальности.

— Это почему, объясни, пожалуйста.

— Потому что фамилия у него китайская — Кин-Гагарин.

А еще через день, под вечер, Миша Гагарин на своем «газике» привез в Вышний Волочек на станцию «готового» Соколова, Валеру Готовкина и Машу Филипенко. Они уезжали в Москву.

Володя Стороженко говорил на прощанье:

— Уезжайте, ребята. Я не буду тут с вами миндальничать, слезы лить.

За консервами побегу. Я стал специалистом по консервным ископаемым. Я уже давно не геолог.

Известный следователь Кин-Гагарин тоже не стал миндальничать. Он подарил Валере фонарик-жужжалку и побежал колеса подкачивать. Эх, жизнь геологическая!

В поезде лейтенант Соколов сказал:

— Я, ребята, тоже давно не геолог. В медицину ушел. В химию.

— А почему ушли?

— Я считаю, что полезные ископаемые трогать не надо. Надо их для потомков беречь. Они же не только наши. Мы должны солнечную энергию использовать, гидроэлектрическую, атомную.

Маша сразу решила, что попросится у профессора Баринова улучшательницей именно на эти разработки. Пора двинуть вперед научные изыскания в этих областях.

Валера Готовкин тоже решил начать жизнь заново. Как можно скорее исправить двойку по математике и проситься в постоянные улучшатели. Не будет он больше барчуком выращиваться.

В Москве Валеру встречали дедушка и бабушка.

— Ну как, внучек, здоров? Понравилось тебе?

— Еще как понравилось! — закричал Валера. — Бабушка! Дедушка! Мы там даже ни разу не раздевались!!!

Конец повести в повести

Глава 7

Седьмая профессия Маши Филипенко. Мы — пожарная дружина

После геологической экспедиции Маша была надолго оставлена в покое Институтом Улучшения Производства. Потому что ее мама позвонила профессору Баринову и сделала ему выговор:

— Может быть, производство вы улучшаете, но нашего ребенка вы ухудшили. Отец ей говорит: «Помой посуду. Вон раковина полна тарелок». А она отвечает: «Папочка, ты сам помой. Я чрезвычайно занята. Я для страны нефть ищу». — «Это как ты ее ищешь?» — «А так, папочка, по карте. Нефти там больше всего, где больше всего бензоколонок». Отец говорит: «А чемоданы из крокодиловой кожи продают там, где больше всего крокодилов. То есть в подвале Центрального универмага». Она в ответ на это говорит: «А я посуду все равно мыть не буду. У меня много дел есть государственной важности». Так что у нас дома не дочь живет, а просто министр оборонной промышленности. Скоро мы к ней на прием записываться будем по вторникам и субботам. Так что оставьте ребенка в покое.

Профессор Баринов такого от Маши не ожидал. Он только охал и ахал в трубку и ничегосебекал:

— Ах! Ах! Ах! Ох! Ох! Ох! Ничего себе!

— И учиться она плохо стала. У нее по английскому одни двойки.

Профессор Баринов сказал:

— Я все понял. Мы ее временно отстраним от улучшения. Тем более что у нас другой хороший улучшатель выработался — Валера Готовкин.

Он нас выручит. А с английским мы вам поможем. Прикрепим к Маше маму товарища Жбанова.

— Спасибо, — сказала мама. Но сама даже огорчилась, что ее Машу отстранили от улучшения. Маше и за это влетело:

— Видишь, выставили тебя!

— Мама, но ты же этого сама хотела!

— Кто ж знал, что они отстранят сразу. Я думала, они тебе нагоняй сделают. Ладно уж, зато теперь займешься учебой. Хотя зарплату твою жаль.

И вот однажды к Маше в дом пришла совсем еще не старая пожилая женщина. Она как вошла, так с порога и сказала:

— Here lives Masha Filipenko?

На чистом английском языке. (Что по-русски означало: «Здесь живет Маша Филипенко?»)

Маша ничего не поняла, кроме двух очень звучных английских слов: Маша Филипенко. И она спросила:

— Кто вы? Вам кого нужно?

На что гражданка ответила:

— Tell in English, please.

(Что означало: «Говорите, пожалуйста, по-английски».)

Маша догадалась, что прибыла мама жены товарища Жбанова. И она сказала по-английски:

— Заходите, ду ю ду!

Дело было днем, после школы. Дома был папа. Он вышел из своей комнаты. Он тоже догадался и сказал:

— Здравствуйте, здравствуйте. Мы вас ждем. Хотите чаю?

— Tell in English, please, — повторила женщина.

И папа тоже сказал:

— Заходите, ду ю ду.

Учительница вошла в дом и засыпала Машу вопросами:

— What is your name? Do you like English?

С появлением в доме этой неуютной бабушки жизнь у Маши резко испортилась. Столько трудностей возникло, сколько за всю предыдущую жизнь не было.

У Маши даже мозги заскрипели. Она взяла словарик и стала искать слова, которые ей говорили. Приходилось искать каждое слово. Потому что никаких английских слов Маша не помнила. А если что-то помнила, то помнила неправильно. А если что-то помнила правильно, то не помнила, в каком порядке ставить. У нее выходило, если перевести на русский язык: «Я живу здесь Маша Филипенко квартира дом три. Мой папа

имеет имя: мистер Филипенко Александр есть. Моя мама имеет место быть работа парк. Я имею место быть школьник».

За все эти сведения товарищ Жбанова-старшая благодарила Машу на чистейшем английском языке. Но не успокаивалась, а спрашивала все дальше и дальше.

— Thank you. Have you brothers and sisters? (Имеете ли вы братьев и сестер?)

— Thank you. Where does your mather work? What is her profesion? (Где работает ваша мама? Какова ее профессия?)

Маша опять отвечала:

— Братья и сестры я есть нету. Моя мама есть работник троллейбусного леса. Отдела доставать получать.

Папа сначала тоже принимал участие в этих мучениях. Он бегал со словарем и кричал:

— Какой такой троллейбусный лес? Надо говорить троллейбусный парк. То есть депо.

Потом папа сбежал. И бедная Маша одна осталась отвечать на бесконечные вопросы товарища Жбановой. Потом она писала диктант. И только к вечеру полумертвая Маша села немного отдохнуть за математику.

А у Машиного заместителя, который выработался с ее легкой руки, у Валеры Готовкина, день выдался на редкость удачный.

Его пригласили в Институт Улучшения Производства. Позвонили по телефону и сказали, чтобы он приезжал. Дома как раз был дедушка-генерал. Он приехал обедать. Они оба в машину сели и поехали в институт задание получать. Но дедушку в этот раз не пустили. Вахтер попался бюрократический, никогда в армии не служивший. Или, наоборот, служивший, но неудачно.

Он сказал:

— Товарищ генерал, на вас пропуска нет. Вам придется часика два у входа подождать.

Дедушка даже обиделся. Он хотел Валеру не пустить, но Валера шмыг мимо вахтера и вверх!

Он увидел, что на полу и на стенах были маленькие стрелочки нарисованы. Как в игре казаки-разбойники. Стрелочки были разноцветные, с надписями и вели в разные стороны.

«Как здорово придумали!» — подумал Валера. Он выбрал себе зелененькую стрелочку с надписью «Профессор Баринов» и побежал по ней и по другим таким же.

Зеленые стрелочки провели его по разным коридорам к двери, где была нарисована зеленая мишень и стрелочка в нее воткнулась. На двери было написано:

Кабинет профессора Баринова

Валера к профессору зашел, а дедушка сердитый в машину сел и уехал в Генеральный штаб. Ух, там всем досталось!

Профессор Баринов сказал Валере:

— У нас в городе есть пожарная команда. Жизнь у нее всегда была трудной и опасной. А за последние годы она еще больше осложнилась.

— Почему? — спросил Валера.

— Пожары стали более быстрыми, чем раньше. В домах кругом пластмасса и синтетика. Они горят с большей скоростью и с огромным выделением тепла. В среднем сегодняшняя квартира сгорает в два раза быстрее, чем вчерашняя. А техника для тушения — раздвижные лестницы, брандспойты, пожарные машины — осталась та же. Пока все приведется в боевую готовность, пока пожарные доберутся до места пожара... А движение на улицах стало более интенсивным, все запружено... Попробуй что-нибудь сделай. Понятно?

— Понятно, — сказал Валера.

— Так вот, старые методы борьбы с огнем не годятся. А новых никто не придумал. Есть специальный Институт Пожарной Безопасности. Ему дали правительственное задание. Но пока он кончит разработки, два года пройдет. Поэтому надо придумать что-то очень срочное. Ясно?

— Очень ясно, — серьезно сказал Валера.

— Мы тебя зачислим в пожарную дружину Фили-Мазилевского района. У них новое здание, новая техника и прекрасные люди. Поработаешь с ними, потом скажешь свои рекомендации.

— И мне каску дадут? — спросил Валера.

— И каску, и комбинезон. И даже личный огнетушитель.

— А что мне бабушке сказать? Если бабушка и дедушка узнают, что я в пожарные пошел, они меня никуда не пустят.

— Не знаю, — ответил профессор Баринов. — Ты с Машей Филипенко посоветуйся. Она лучше знает твоих бабушку и дедушку.

И профессор пожелал Валере хороших противопожарных успехов.

Валера как ушел от него, так сразу Маше позвонил:

— Маша, как мне быть? Как мне с дедушкой и бабушкой справиться? Они меня в пожарные ни за что не отпустят.

— Отпустят.

— Ни за что. Они до сих пор от меня спички в дедушкин сейф прячут.

— А ты не говори, что во взрослые пожарные пошел. Скажи, что ты — юный пожарный, такой пожарный суворовец. Что это игра такая. Что пожар не настоящий будете тушить, а из красных ленточек.

Валера так бабушке все и рассказал. И дедушке. Дедушка пожарным суворовцам обрадовался. Хоть не военные, но почти военные. А бабушка насторожилась. Просила ее на первое учение взять. Тряпочки гасить. Валера еле-еле отбился.

— Ты что, бабушка? Мы будем с огнетушителями бегать. На крыши залезать, ты за нами не угонишься.

И вот в первый день пошел Валера Готовкин на дежурство в пожарную бригаду. Сел в метро, заплатил пятак и приехал на станцию «Фили». Из метро вышел, видит: стоит невдалеке двухэтажное здание с зелеными воротами.

Валера удивился, что пожарной вышки рядом не было. Он считал, что рядом с пожарной командой всегда есть каланча.

У ворот была кнопка звонка. Под ней висел список.

Начальник поста . . . . . 1 звонок.
Заместитель начальника поста . . . . . 2 звонка.
Старший боец Лопухин . . . . . 3 звонка.
Боец Ландышенко . . . . . 4 звонка.
Боец Васильков . . . . . 5 звонков.
Остальные бойцы . . . . . 10 звонков.
В случае пожара звонить по телефону 01

Валера нажал на кнопку звонка один раз. Вышел строгий седой человек в военно-пожарной форме:

— Я вас слушаю.

Валера протянул ему направление:

«Улучшатель Валерий Владимирович Готовкин направляется в пожарную команду Фили-Мазилевского района для ИЗЫСКАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПО УЛУЧШЕНИЮ РАБОТЫ. Просьба к руководителям оказывать содействие улучшателю и идти навстречу во всех пожеланиях.

О всех конфликтах звонить по телефону 17-74-04, научному руководителю профессору Баринову».

Строгий человек отдал Валере честь и пригласил его в помещение. Он сказал:

— Я — капитан пожарной службы Минаев Вадим Александрович. Здесь, в части, только что закончен ремонт. Произведено полное переобо-

рудование. Команда еще не прибыла. Разрешите ознакомить вас со службой.

Он разговаривал с Валерой так, как будто бы это был не Валера, а Валерин дедушка. Первым делом он повел Валеру показать гараж. Там стояли две огромные красные машины. Показал служебное помещение над машинами. Там в свободное время находилась команда.

— Зачем эти столбы? — спросил Валера.

— Когда бывает тревога, — ответил капитан, — по ним бойцы съезжают вниз. И садятся по машинам.

— А где они сейчас? — спросил Валера.

— Команда еще не набрана. После ремонта бойцов еще не присылали. Я здесь один. Даже телефонисток нет.

«Ничего себе! — подумал Валера. — Как же я буду улучшать работу, если работать некому».

Капитан Минаев сказал:

— Вы не беспокойтесь, что команды нет. Я все сам умею. И машину водить, и пожары тушить. Даже по телефону вызовы принимать. Прежде чем начальником стать, я и бойцом был, и водителем, и механиком по брандспойтам.

Валеру это успокоило.

И они приступили к работе.

Они начали отрабатывать и изучать все действия пожарной дружины в случае пожара.

Валера подавал сигнал тревоги, он гудел пожарной сиреной и засекал время. Вадим Александрович кидался к столбу и съезжал вниз на первый этаж. Там он сразу бежал в кабину и начинал заводить мотор. А Валера летел к воротам, чтобы их открыть. Машина выезжала и останавливалась. Это было в первый день.

Во второй день стали отрабатывать действия дальше.

Валера бросался на сиденье бойца, и машина вылетала. Они мчались как угорелые по самым главным улицам. Сирена выла.

Валера изучал работу пожарных от погрузки до прибытия на место огня. Вадим Александрович во всем ему помогал.

Валера зря времени не терял. Пользуясь пожарной машиной, он нанес визиты всем своим друзьям. Он говорил им:

— Позвоните мне по телефону ноль один, добавочный Фили-Мазилово. Скажите, что у вас учебный пожар, и засекайте время.

Телефон звонил:

— Алло, у нас учебный пожар! — И машина вылетала.

Через некоторое время лестница доставляла Валеру Готовкина прямо в окно тому, кто его заказывал. И Валера спрашивал через форточку четвертого этажа:

— Это у вас учебный пожар? Сколько времени мы до вас добирались?

А ему отвечали через форточку:

— Все уже сгорело.

— По-настоящему сгорело или по-учебному?

— По-учебному, конечно.

Все его друзья — и Дима Аксенов, и Дима Олейников — все ему завидовали. И все очень просились в команду. А Валера отвечал:

— Я о вас подумаю. Если у меня будет возможность, я переговорю с профессором Бариновым. Может, он разрешит. Он у нас главный.

Ребята удивлялись — что это за профессор такой по пожарам?

А однажды Валерин дедушка позвонил и сказал:

— Валера, я звоню к бабушке и никак не могу дозвониться, у нее все время занято. Передай ей, что я сегодня приду поздно.

— А что? Почему? — спросил Валера.

— Командующий приехал. Иностранные военные приехали. В общем, у нас пожар.

Как только он сказал «пожар», у Валеры что-то сработало. И он закричал:

— Дедушка, дедушка, засекай время! Сейчас будем! Какой у тебя этаж?

— При чем тут этаж? — ответил дедушка. — Четвертый.

Он повесил трубку и стал в своем военном штабе разговаривать с командующим и иностранцами.

Командующий говорил:

— Вот иностранный маршал мистер Раунд и с ним военный атташе мистер Граунд. А это их адъютанты и лейтенанты. Мистер Раунд хочет сделать нам одно военное заявление.

Командующий говорил все на чистом английском языке, а генерал Готовкин переводил на русский. Чтобы понимали наши военные адъютанты, лейтенанты и корреспонденты.

И иностранный мистер Раунд сделал заявление:

— Ученые нашей страны, борясь за мир во всем мире, придумали новое оружие. Это маленькие самонаводящиеся ракеты. С одной грузовоенной машины или с одного самолета их можно выпустить пятьсот штук. Они взлетают вверх и с высоты сами наводятся на танки, самолеты и пушки, стоящие внизу. Взрыв, и, как говорит ваша русская сказка, летят клочки по закоулочкам. Размеры клочков не больше пачки сигарет. От закоулочков тоже ничего не остается.

— Да, — поддержал его мистер Граунд. — Поэтому мы предлагаем ваши танки и самолеты снять с вооружения. И переплавить их на трактора, лифты и стиральные машины. Что вы на это скажете?

— Что мы на это скажем? — спросил командующий у генерала Готовкина.

Генерал Готовкин глубоко задумался. И все глубоко задумались. Потом генерал Готовкин сказал:

— Мы тоже сделаем заявление.

Он стал говорить по-русски, а командующий переводил его заявление на чистейший английский язык для корреспондентов, адъютантов и лейтенантов.

— Дело в том, что наши ученые, борясь за мир, придумали новую защиту от агрессивных нападений. Это маленькие фонари. Своими лучами они меняют действие всех приборов на противоположное. Если мы направим такие фонари на ваши ракеты, они повернут и полетят в обратную сторону. И полетят клочки по закоулочкам от ваших танков и самолетов. Уцелеет только все деревянное.

Мистер Раунд посмотрел на мистера Граунда.

— Что мы на это скажем?

Мистер Граунд глубоко задумался. Потом сказал:

— Этого не может быть. Это все сказки Пушкина. Это все выдумка — роман «Евгений о'Негин».

— Да?! — закричал генерал Готовкин. — Сказки Пушкина?! Роман «Евгений Онегин»?! А это вы видели?!

Он выхватил из письменного стола фонарик-жужжалку. Из другого ящика вынул электронные ручные часы.

— Смотрите! — Он направил фонарь на электронные часы и пожужжал им. — А теперь изучайте!

Он подал часы мистерам Раунду и Граунду.

Два мистера выпаращили глаза и долго смотрели на часики. Потом сказали:

— Они идут назад.

Сразу после этого оба министра, как по команде, сначала покраснели, потом позеленели.

Тут все корреспонденты достали блокноты и стали записывать: «Часы повернули вспять», «Новое оружие русских», «Время сошло с ума!», «Электроника наоборот», «Артиллерия бьет по своим».

— Мне жарко! — сказал мистер Раунд. — Воды!

— И мне жарко! — сказал мистер Граунд. — И мне воды!

Им тут же принесли поднос с кока-колой и с квасом.

— Не то! — сказали мистеры. — Нам простой воды. Нам надо умыться.

Генерал Готовкин нажал на кнопку и сказал по селектору:

— Воды нашим гостям. Да побольше!

Как раз в это время за окном возникла пожарная лестница. На ней приехал Валера Готовкин со шлангом. Все так и рухнули на стулья.

А дедушка Валеры подошел к окну, распахнул его и сказал:

— Дайте сюда воды. Полведра, пожалуйста.

Валера закричал вниз капитану Минаеву:

— Полведра, пожалуйста, товарищу генералу!

Минаев повернул кран, и вылилось ровно полведра. Иностранные генералы успели умыться.

— Спасибо! — сказал Готовкин. И Валера уехал вниз. Как раз прибежали солдаты с полотенцами.

Мистеры Раунд и Граунд были подавлены и потрясены. Они сели в машину и уехали докладывать обо всем своим правительствам. Командующий ласково улыбался им на дорогу.

Потом командующий повернулся к генералу Готовкину, и улыбка съехала с его лица на затылок. Затылок еще улыбался отъезжающим гостям, а лицо уже стало суровым-пресуровым.

— Эт-то почему я ничего не знаю про секретные лучи? Эт-то почему вы показываете секретные лучи несоюзным военным? Да знаете ли вы, что бывает за разглашение государственной тайны?

На что генерал Готовкин ответил:

— Никаких лучей пока еще нет. Это обычный динамо-фонарик. А часы мои просто упали. И сами пошли в обратную сторону. Все некогда было отнести их в мастерскую.

— А почему пожарные заезжают в окна без приказа?

— Это вовсе не пожарные. Это мой внук. Он в пожарные суворовцы поступил. Сейчас он на практике — лестницы и брандспойты осваивает!

— Так пусть он их осваивает в другом месте! — сурово сказал командующий. — Где-нибудь возле своего училища. Что касается лучей, немедленно дайте указание ученым изобрести такие! Чтобы мы могли вывести их дурацкие ракеты из строя. Чтобы никаких клочков по закоулочкам у нас не летало!

Дома Валере Готовкину жутко влетело за его въезд в окно со шлангом. Дедушка чуть-чуть не забрал его из пожарной команды. Хорошо, что капитан Минаев за Валеру заступился, и бабушка ничего не узнала. Еще хорошо, что Валерин фонарик пригодился и все положение спас. Из-за него дедушка к Валере подобрел.

А у Маши Филипенко дела были хуже некуда. Мама товарища Жбанова устроила им дома просто английскую оккупацию. Ни одно слово на русском языке не принималось. Постоянно слышалось:

— Что это есть? Есть ли это шкаф? Какого цвета есть этот шкаф? Как много шкафов в этой комнате? Спасибо. Кто это есть? Есть ли это мальчик? Какого цвета этот мальчик? Как много мальчиков в этой комнате? Большое спасибо. А что есть это? Это девочка или это стол? Какого цвета эта девочка? Как много девочек в этой комнате? Очень большое спасибо. А что есть это? Есть ли это дверь? Какого цвета эта дверь?.. — И так далее. И так далее.

Однажды Маша пришла из школы и видит, что на всех предметах наклеены английские слова, напечатанные на английской машинке.

Она подходит к двери в комнату, на ней написано: the room. Берется за ручку двери, на ней приклеено: the door. Подходит к столу, на нем надпись: the table. Маша пошла на кухню, у входа висит: the kitchen. Взяла в руки кружку, на ней стоит: the tankord. Взяла чайник, читает: the teapot. Взяла сахарницу, на ней — the sugar-basin. Взяла из сахарницы кусок сахара, на нем — the sugar.

От всех этих английских the words Маша немного обалдела.

Но хотела она того или не хотела, английский язык постепенно в нее проникал, сыпался. А иногда даже и высыпался. Даже в школе учительница английского языка Надежда Александровна Терехова сказала:

— Смотрите, ребята, что с человеком упорство делает. Еще неделю назад Маша Филипенко по-английски двух слов связать не могла. А сейчас целые предложения говорит. И все потому, что на уроке внимательна. Берите с нее пример.

Маша про себя при этом подумала: «Если у нас эта железная мама еще неделю проживет, я не только по-английски заговорю, я русский забуду. Не зря про нее говорят, что у нее особый метод — магнитно-прилипательный. Что она двух министров и одного маршала языку выучила».

Валера Готовкин тем временем на станции «Фили» разворачивался. Однажды он сказал капитану Минаеву:

— Вадим Александрович, кажется, я уже кое-что придумал, я придумал, как нам за дело браться.

Он весь процесс прибывания на место пожара разбил на отдельные операции. Вот как это выглядело:

Список отдельных частей.

1. Прыгание на машину.
2. Открывка ворот.
3. Проездка по улицам.
4. Раздвижка лестницы.
5. Размотка бранс... брандсп... шлангов.
6. Тушка пожара.

И Валера насел на первую часть, на прыгание в машину. Он сказал:

— Это неправильно, что пожарные по столбу вниз съезжают. Пока один едет, он другому мешает.

— А как же надо?

— Надо, чтобы у каждого карабин был, как у парашютистов. Или как у альпинистов, которые пропасть переезжают. А со второго этажа к машине надо тросик натянуть. Тогда все могут гуртом ехать и прямо на длинное сиденье садиться.

— Интересно, — согласился Минаев. — Надо бы попробовать. Но бойцов-то пока нет.

— Сейчас будут! — сказал Валера.

Он позвонил Диме Олейникову:

— Дима, у нас сейчас учебный пожар будет. Приезжай к метро «Фили». Нет, Дима, учебный пожар это не тогда, когда горят учебники, а тогда, когда в учебных целях тушат пожар. Так что приезжай немедленно и Аксена захвати... Ведра брать? Как хочешь, можешь брать, если есть. И ведра, и багры.

Он позвонил Маше Филипенко и услышал:

— Hello, here is Masha. (Что означало: «Алло, Маша у телефона».)

Валера ничего не понял. Но услышал слово «Маша» и закричал:

— Маша, приезжай к нам к метро «Фили», у нас учебный пожар.

— Repeat please, — сказала английская Маша. — Why it is fire in metro?

Если бы Валера владел английским в совершенстве, он бы понял, что она говорит:

— Повторите, пожалуйста. Почему в метро пожар?

Но он был слаб в английском, поэтому просто кричал:

— Маша, у метро «Фили» будет учебный пожар.

И в ответ услышал:

— Что есть у метро «Фили»? Учебный пожар есть. Какого цвета этот пожар есть? Этот пожар есть красный.

— Ты что, обалдела, Машка?

И тут Машка ответила на чистом русском языке:

— Сам ты обалдел, Готовкин, несчастный. А я сейчас приеду.

Она побежала к маме товарища Жбанова и закричала:

— Give me, please, one... одно ведро, give me сапоги and give me кастрюлю вместо шлема. Я на пожар бегу.

Мама товарища Жбанова потребовала:

— Tell, please, everything in English.

Но Маша взбунтовалась и ничего по-английски спикать не стала. Она поняла, что пока она все это по-английски изложит, там все сгорит. И будут у метро «Фили» одни учебные угли.

Она надела сапоги и старую мамину куртку и помчалась к метро.

Не успел Валера сделать последний телефонный звонок, как первые дружинники стали прибывать. Скоро весь класс с ведрами, кастрюлями и баграми был в сборе. Дима Аксенов принес даже огнетушитель, который висел у них в подъезде. А Дима Олейников притащил пожарный шланг из специального противопожарного шкафа, который стоял около его дома у гаражей. С этим шлангом его не хотели пускать в метро. А он кричал:

— Если вы меня не пустите, там все «Фили» сгорят!

Дежурная была в сомнениях. Милиционер пожалел «Фили» и его пустили. Только где брать воду для этого шланга, Олейников не придумал.

Капитан Минаев порадовался такой шустрости добровольцев-бойцов. Он показал ребятам часть и объяснил, чем они тут с Готовкиным занимаются.

Потом они с Валерой стали проводить учения. Ребята по столбу съезжали из комнаты бойцов вниз и грузились на машину. Капитан Минаев засекал время по секундомеру. Все выходило очень быстро. Десять ребят садились на автомобиль за одну минуту.

После этого капитан натянул стальной тросик от комнаты бойцов к крюку над выездом из гаража. И раздал ребятам широкие брезентовые пояса. Пояса на ребятах не застегивались. Пришлось прокалывать новые дырки. А Аксенов и Олейников не стали дырочки прокалывать, они в один пояс вместе влезли.

К поясам были приделаны цепочки с карабинчиками. Такими цепочками пользуются верхолазы.

Валера Готовкин первым съехал со второго этажа к пожарной машине на таком карабинчике. Потом другие ребята.

Получилось очень быстро и весело. Мальчики летели вниз, качаясь, как елочные игрушки. И приезжали прямо на сиденье машины.

— Все! — закричал Валера. — Кончай кататься! Проводим ученье!

Он потянул такой шарик на веревочке — загудела сирена.

— Засекаем время!

Ребята из-за шахматных столиков и с легких брезентовых кресел бросились к натянутому тросу. Они съезжали вниз к машине и усаживались на длинное сиденье вдоль пожарной лестницы.

— Готовы? — спросил капитан Минаев из кабины.

— Готовы!

— Открывай ворота!

Валера бросился к воротам и открыл их, толкая по отдельной воротине. Машина взревела и рванула вперед.

Эксперимент удался! Все ребята, как один, остались висеть на тросе. Они забыли отстегнуть карабинчики.

Операция заняла тридцать секунд.

— Я вижу, от вас есть польза, — сказал капитан Минаев.

— Пока еще мало пользы, — сказал Валера. — Будет больше. Завтра мы продолжим учения.

Он обратился к ребятам:

— Кто сможет приехать?

Все подняли руки. Кроме Маши Филипенко. Она не знала, можно ли на пожар идти с учительницей английского языка. И не была уверена, отпустит ли ее куда-нибудь строгая товарищ Жбанова.

— Ребята, нам надо не только посадку ускорить, а все операции тоже, — сказал Валера. — Надо, чтобы мы придумали как.

Он прочитал одноклассникам «Список отдельных частей»:

1. Прыгание на машину.
2. Открывка ворот.
3. Проездка по улицам.
4. Раздвижка лестницы.
5. Размотка бранс... брандсп... шлангов.
6. Тушка пожара.

— Понятно, ребята? Поможете?

— Понятно, — закричали ребята. — Поможем.

И вся пожарная дружина, гомоня и громыхая снаряжением, поехала домой. Капитан Минаев радостно посмотрел им вслед:

— Славная молодежь растет. Только бы кастрюли не потеряли.

Вечером ребята стали звонить Валере Готовкину со своими предложениями. Дима Аксенов спросил:

— У вас ворота куда открываются?

— Куда надо. Во двор, — ответил Валера.

— А надо как раз наружу!

— Это почему еще? Мы наружу всех прохожих с ног посшибаем.

— Если машина завоет перед выездом как следует, все прохожие разбегутся. Пока вы ворота внутрь открываете, вы сколько времени теряете. Если наружу, то их открывать и сама машина может.

— Отлично! — сказал Валера военно-пожарным голосом. — Завтра доложим капитану Минаеву.

Потом позвонил Дима Олейников:

— Скажи, машину вы прогреваете?

— Не знаю.

— Узнай обязательно. Зимой мой папа на прогрев машины двадцать минут тратит. А если ехать на непрогретой машине, она все время глохнет.

Потом позвонил сам капитан Минаев:

— Товарища Готовкина к телефону.

— Кто его спрашивает?

— Капитан Минаев.

— Генерал Готовкин уехал в Институт Лучевых Исследований.

— Спасибо. Но мне нужен не генерал Готовкин, а противопожарный школьник.

— Противопожарный школьник сейчас подойдет. Иди к телефону, — сказала бабушка Валере. — Там что-то горит.

— Я вас слушаю, товарищ капитан.

— Ты, Валера, извини, что я тебя отрываю. Но завтра приедет целая пожарная комиссия. Они хотят узнать, что мы сделали.

— Но мы же ничего не сделали! — закричал Валера.

— Я им так и говорю. А они отвечают: «Мы вам мешать не будем. Мы в уголочке посидим, понаблюдаем. Нельзя же такое дело на самотек пускать. Так что ты предупреди своих, пусть не смущаются. Пусть работают, как ни в чем не бывало. Будто никакой комиссии нет».

Валера огорчился. Одно дело — работать и придумывать что-то в своем коллективе, а другое дело — сочинять все, когда в уголочке комиссия сидит. Тьфу ты!

Завтра после школы почти все ученики третьего класса прибыли на станцию «Фили» для продолжения учений. Там уже была небольшая комиссия из трех генералов, четырех полковников и восьми гражданских лиц. Они скромно сидели в уголочке в комнате отдыха бойцов и не знали, куда себя девать. Капитан Минаев стоял около них по стойке «смирно».

Наши ребята собрались в центре на брезентовых креслах. И Валера стал спрашивать:

— Кто чего придумал?

Дима Аксенов говорит:

— Я про открывку ворот скажу.

Валера не согласился:

— Давайте по порядку. По списку. Начинаем про прыгание на машину.

— С прыганием все в порядке, — сказал Дима. — Быстрее, чем на карабинчиках, уже не вспрыгнешь.

— Хорошо, согласен. Говори про открывку.

— У вас ворота внутрь открываются. Пока одну половинку откроешь, пока другую — время уходит. Надо петли переделать так, чтобы ворота наружу открывались.

— Правильно! — согласились другие ребята.

Валера записал в специальную тетрадь:

1. Открывка ворот должна быть на улицу.

— Дальше, — спросил Валера Готовкин. — Кто скажет про заводку машины?

— Я тебе вчера говорил, — сказал Олейников. — Ты что, забыл?

— Ничего я не забыл, — ответил Валера. — Говори всем ребятам сейчас. Пусть они оценят. — А сам подумал: «Пусть комиссия послушает. Ишь приехали!»

— Оценивайте, — сказал Олейников. — Мой папа зимой машину минут двадцать греет. Пока вы свою прогревать станете, весь пожар сгорит.

— Что же ты предлагаешь? — спросил капитан Минаев. Он постепенно от генералов к ребятам потянулся.

— Двигатель на малых оборотах держать. Мой папа говорит, что все таксисты зимой так делают.

— А государственный бензин тебе не жалко?

— А неизвестно, когда у вас больше бензина уйдет: на прогрев холодной машины или на поддержание тепла в горячей.

Надя Абдурахманова сказала:

— А есть такие одеяла электрические. Можно ими машину в тепле держать. У нас знакомый инвалид на «Запорожце» так делает. Когда ему надо зимой выезжать на дачу, он одеяло включает.

Валера взял тетрадь и записал:

2. Прогревка машины. Она должна быть горячей.

— А ты про карабинчики не записал! — говорил Дима Олейников.

Валера записал:

3. Прыгание с карабинчиками.

Один генерал, самый молодой, зашел сзади и прочитал это. И говорит тихонько другим:

— Что это за прыгание с карабинчиками? Какой-то детский сад устроили.

Маша Филипенко ему говорит:

— А вас, товарищ генерал, не спрашивают. Вы себе сидите и слушайте. Не гасите нашу инициативу.

Валера говорит:

— Кто-нибудь придумал что-нибудь для проездки по улицам?

— Я придумала, — говорит Маша.

Все даже глаза вытаращили: что же тут можно придумать?

— Когда машина летит на пожар, — говорит Маша, — у нее на голове такая шишечка сверкает. И сирена воет. Тогда другие машины расступаются. Но они расступаются впереди недалеко. Только те, кто сирену услышал или сверкание увидел. Так что нашей машине даже разогнаться нельзя. Она еле-еле раздвигает поток.

— Как же быть? — спросил капитан Минаев. — Усилить сирену?

— Нет. Надо такие сверкающие шишечки по всему пути поставить. На самых главных дорогах и проспектах. Вот, допустим, на ВДНХ пожар.

— Не допустим! — сказал тот же самый молодой генерал.

— А вас, товарищ генерал, не спрашивают, — сурово остановил его Готовкин. Его генеральская форма не пугала. Он дома всяких генералов видел. — Продолжай, Маша. Допустим, на ВДНХ пожар или в Большом театре.

— Мы тогда прямо отсюда включаем все шишечки, которые на пути. Вот здесь, на карте города, будут включатели. Так что машина еще из гаража не выехала, а путь ей уже освободили. Лети хоть со скоростью сто километров в час.

Капитан Минаев услышал это и обрадовался так, что сам стал сверкать, как мигалка и кричалка. Будто у него внутри лампочка загорелась. Это же самое больное место — проезд по городу. А тут такое простое решение.

— Возражений нет? — спросил Готовкин. И записал в тетрадь:

4. Проездка по городу по сверкающим маякам. Сверкание и кричание включается перед выездом.

— И последнее, — сказал Валера. — Раздвижка лестницы. Я на этой лестнице уже наездился. Все время казалось, что меня не в то окно всунут.

— Что же ты делал? — спросила Маша.

— Все время кричал: «Выше! Ниже! Вправо! Влево!» А если вокруг будет шум и треск? Как тогда кричать?

— Можно по радио, — сказала Надя Абдурахманова.

— Не всегда, — возразил Дима Олейников. — Если рядом троллейбус проедет, он такую искру даст, никакого радио не услышишь.

— Я просто придумал, — сказал Валера. — Надо гаечным ключом по лестнице стучать.

— Ой! — сказала Надя Абдурахманова. — У нас одна девушка в доме живет. На десятом этаже. А у нее парень знакомый из ПТУ. Он ей все время по батарее стучит. У них батарея заместо телефона.

Капитан Минаев взял ключ и три раза тихонько стукнул по батарее:

— Принято! Принято! Принято!

Это был последний пункт великого Валериного плана.

Капитан Минаев поблагодарил ребят и проводил их до метро «Фили». Он не выдержал и на всю свою капитанскую зарплату купил им каждому по две пачки мороженого.

— Спасибо, ребята! Заходите.

Он хотел на радостях еще мороженое для генералов купить, но не рискнул. В армии, в пожарных войсках это не принято: генералов мороженым угощать.

А сами генералы в это время изучали тетрадку Валеры Готовкина. И качали головами. Они были потрясены таким количеством разных предложений. Самый молодой все время кричал:

— Что это за прыгание с карабинчиками? Что это за прыгание с карабинчиками? — Видно, его это заклинило.

Капитан Минаев объяснил им, что это за прыгание с карабинчиками.

— Раньше пожарные бойцы по столбу к машине съезжали за одну минуту. Теперь все сразу за тридцать секунд. Для этого надо ехать на карабинчике, который к поясу пристегнут.

Генералы решили проверить. Им раздали пояса. Они тоже новые дырочки сделали. Но не от худобы, как ребята, а из-за лишней мускулатурности.

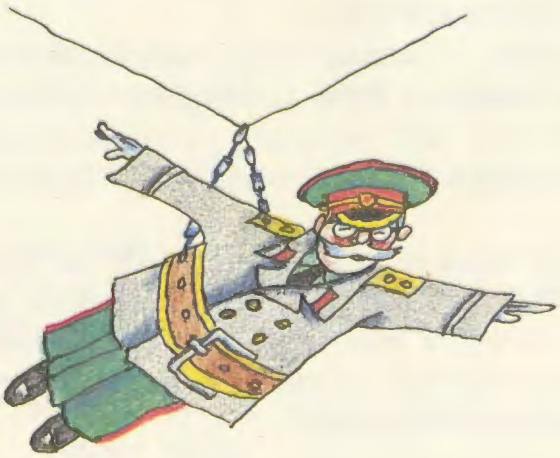
Вадим Александрович сел за руль и скомандовал:

— Тревога! По машинам!

И все генералы и полковники стали к тросику подбегать, пристегиваться и катиться вниз.

Секунда! И все они сидели на длинной скамье возле пожарной лестницы. Минаев нажал газ, и машина вылетела из гаража.

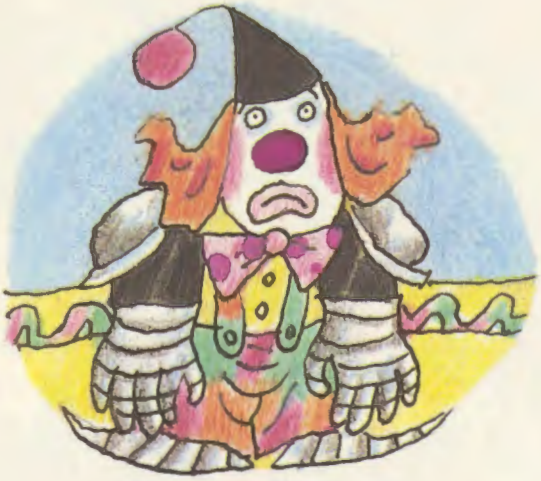
Все генералы остались висеть на канате. Они забыли отстегнуть карабинчики.



Ребята! На этом я пока заканчиваю повесть о профессиях Маши Филипенко. Пусть эта книга поживет немного своей жизнью. Пусть ее почитают ребята и скажут свое мнение. Если я увижу, что она нравится, что от нее есть польза, я ее продолжу. А пока буду собирать материал.

КЛОУН ИВАН БУЛТЫХ

ПОВЕСТЬ



Художник Геннадий Ясинский

Глава 11

Про интеллигентность

А сейчас в комнату войдет моя бабушка и скажет:

— Ну что, бестолочь, опять бездельничаешь? Весь век бы тебе из себя шута корежить, идол ты стоеросовый.

А я кувырнусь на туго натянутой проволоке и отвечу:

— Бабушка, бабушка, Вера Петровна! Ну зачем ты так ругаешься, надрываешь мое бедное интеллигентное сердце?

— Чего? Чего? — закричит она и даже захлебнется от возмущения. — Да какое отношение ты имеешь к этому виду человечества?

А что она дальше скажет, трудно угадать. Что-нибудь ядовитое и вредное. Она за словом в карман не лезет. Ни в карман, ни в словарь. Даже более того, она сама могла бы мгновенно составить «Словарь ругательных слов и выражений трудовой интеллигенции и крестьянства» любой области или края нашей необъятной родины.

Но ничего, пусть ругается. Сегодня у меня тоже запасен для нее сюрприз. Итак вот она. И точно:

— Ну что, горе семейное, опять на жердочке сидишь? Петушок Курыханович! Всю бы жизнь тебе дурака валять!

— Бабушка, бабушка, Вера Петровна! Ну зачем ты так ругаешься, надрываешь мое бедное интеллигентное сердце? Ведь мы, настоящие интеллигенты, просто болеем от всякой грубости.

— Что? Что? — кричит бабушка. — Да какое отношение ты имеешь

к интеллигенции? Писать, считать выучился? В институт пять лет ходил по вечерам?! С лифтершей здороваешься?

— Да. А что, по-твоему, этого мало?

— Для тебя более чем достаточно! Эх, ты, питекантроп от интеллигенции!

Да, может она составлять словарь ругательных слов и выражений. И не просто словарь, а сразу издание второе улучшенное и дополненное.

— Ну хорошо, Вера Петровна, а с кого мне брать пример по интеллигентности? Кто является образцом в нашем Фили-Мазиловском районе?

Бабушка притормозила:

— Если бы я знала не два языка, а пять, кончила два института, а не один, и сделала бы втрое больше полезного для детей, тогда пример был бы рядом.

— Вот тогда, бабушка, ты бы и делала мне замечания... (Пауза.) Но все равно спасибо за лекцию. Мой запас знаний в этой области увеличился вдвое. Теперь мне гораздо легче морочить людям голову и изображать из себя то, чего ты, бабушка, так и не достигла.

— Тьфу ты! — сказала она.

— А можно, бабуся, дополнительный вопросик? Скажи ты мне, моя драгоценная, а должен ли интеллигентный человек быть наблюдательным?

Вместо ответа она внимательно огляделась. А по стенам красовались плакаты:

УМЕНЬШИМ РУГАЕМОСТЬ,
УВЕЛИЧИМ УЛЫБАЕМОСТЬ!

ДОЛОЙ КОТЛЕТОПОДГОРАЕМОСТЬ!

ПОДНИМЕМ ПОДМЕТАЕМОСТЬ
НА НЕБЫВАЛУЮ ВЫСОТУ!

— Это еще на какую высоту? — спросила бабушка. — Может, нам потолки подметать?

— Зачем потолки? Вон на полках сколько пыли собралось.

— Ладно, — согласилась бабушка. — Но если я еще что-нибудь про

котлетоподгораемость услышу, придется тебе столовопосещаемость повышать. — И она повернулась, чтобы уйти.

— Стой, бабушка, — окликнул я. — Подожди. Вот прочти это. — И я протянул ей нижеследующий документ:

«ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЦИРККОНЦЕРТА
тов. ТИХОМИРОВУ А. С.
от КЛОУНА ИВАНА БУЛТЫХА

Копия в центральную газету.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Потому, что Вы совсем не разбираетесь в специфике цирка, лишены чувства современного юмора, боитесь всего нового и непривычного, то есть классически не соответствуете своему месту, предлагаю Вам подать заявление об уходе с работы по собственному желанию.

Ваша деятельность нанесла много вреда нам и зрителям. Лучше всего Вам заведовать ценными материальными ценностями или противопожарной безопасностью. Я со своей стороны обещаю Вам найти такое место. Причем Вы почти ничего не потеряете в зарплате, но зато начПнете приносить пользу.

Май. Фили-Мазилово. *Клоун Иван Бултых».*

Сейчас я объясню откуда взялась эта странная бумага. По профессии я — Иван Бултых. Фамилия моя — клоун. То есть наоборот. И сейчас я пытаюсь свалить нашего завлита — Тихомирова Афанасия Сергеевича.

В каждой организации нашего типа всеми делами обычно заправляют три человека. Это — директор, главный режиссер и завлит. Директор отвечает за всю организацию в целом. Завлит — за репертуар, за тексты — в общем, за все то, что произносится со сцены. А главный режиссер ставит программы и спектакли. Короче, доносит до зрителя тексты, полученные от репертуарного отдела.

Должности эти — приблизительно равные, и в каждом зрелищном деле заправляет обычно тот человек из троих, который опытнее, энергичнее и волевее.

Афанасий Сергеевич Тихомиров не заправляет ничем. Но мешает всему. Если что-то смешное получилось у нас, значит он просто недосмотрел, не успел испортить или запретить.

А вдруг новый номер не понравится руководству? А если из-за этой песенки будут неприятности? Не нужно нам ничего особо нового. Давайте работать по старинке, как деды и отцы.

Прихожу я к ним в отдел три месяца назад.

— Я рассказ принес из «Литературки» про Диогена. Хочу сценку сделать.

— О чем рассказ?

— О том, как человек бочку нашел и решил в нее залезть, подумать спокойно. А ему все мешали. Мол, зачем бочку украл? Что о тебе иностранцы подумают? А ну, вылезай!

— Ну, а ты при чем?

— Я тоже бочку на сцену выкачу. Залезу в нее. А шпрех* будет меня выживать.

— И что ты хочешь сказать этим?

— Что у нас столько блюстителей всяких развелось, что Диогенам и места нет.

— Эге куда завернул, — говорит Тихомиров. — Выходит, в нашей стране Диогенам житья не дают?

— Не в стране, а в цирке. И не Диогенам, а клоунам. Разница есть?

Тут вмешалась его заместительница Кичалова Марина Викторовна. На первые две секунды миловидная женщина с большими зубами.

— Если вы клоун, налейте воды в бочку и сидите там. А в Диогена играть нечего. На арене это кощунство.

— Если бы я Маркса играл, а шпрехшталмейстер — Энгельса, — говорю, — тогда бы кощунство было. А так просто шутка.

— Ничего себе шутка. А что про нас эти скажут? Которые за рубежом. Наши враги идеологические. Ты что забыл, что мы не одни живем? И каждый из нас как на фронте.

— Да этих врагов, — кричу, — в наш Циркконцерт на канате не затащишь! А впрочем, наверное, вы правы. Я сейчас же бегу в хозяйственный магазин лопату покупать.

— Это зачем?

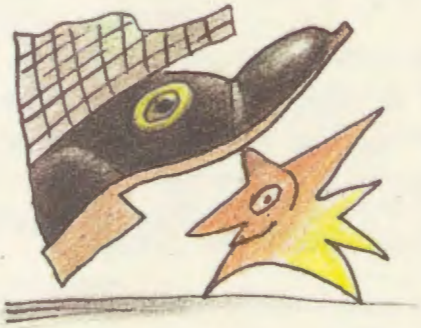
— Окопы копать, землянки осваивать. Раз кругом враги идеологические. Раз каждый из нас как на фронте!

И т. д. И т. п.

---

* Шпрехшталмейстер (*нем.*) — ведущий в цирке.

С каким-то пренебрежением к клоунам. С отношением к ним как к недоумкам. Вот почему я и написал это письмо, которое сейчас читает бабушка.



Глава № 1

Про то, у кого какое дело главное

— И пропади ты пропадом! — говорит бабушка. — И откуда ты такой взялся на нашу семью?! Сколько же можно в блаженных ходить?! И что, отослал уже?!

— Отослал.

— Значит, опять по лезвию пойдешь?

— Опять... бабушка.

— Дурак, ты дурак!

— Но я — творческий человек, а он — чиновник. Значит, я заведомо прав, механически.

— А как он съест тебя с потрохами, где твой просвет окажется? И что будет с теми, кто за тебя? Их же просто топтать начнут. Механически.

Она была, конечно, права, и я тоже начал злиться:

— Ну вот что, бабушка, если у тебя есть более важные дела в жэке или где, ты ими и займись. Я и без тебя в эту игру сыграю.

— Один?

— Ну не совсем один. Есть у нас своя компания. Но без тебя. Без твоего запаса знаний и бесценного опыта демагогии.

Вдруг она говорит:

— Ладно, играем.

Тут уже насторожился я:

— Что-то здесь не так. Что-то ты легко согласилась, родимая формалисточка. В чем дело, бабушка?

— А в том, что все это куда серьезней, чем ты думаешь. Придется всю твою биографию просматривать. Просто перетряхивать для собрания. И мы увидим, чего ты добивался каждый раз, когда головой рисковал. Чтобы навсегда с этим покончить.

— Или взять за правило.

— Очень сомневаюсь.

— По рукам!

— А что касается котлетоподгораемости, купи ты мне новую сковородку. Старая-то совсем износилась!

— Идет, бабушка!

А про себя я подумал: «Во! Времена пошли — сковородки изнашиваются!».

Все-таки верно, что время сейчас бежит втрое быстрее, чем раньше. И пора измерять его не часами и годами, а сковородками. «Это было пять сковородок назад». Тогда и будет без обмана. Со стороны пространства и времени.

— И еще, — говорит бабуся, — приготовь мне список лиц, в этом деле заинтересованных. С указанием, чем они могут быть нам полезны и чем вредны. И перечень всех твоих поступков, закончившихся выговорами и предупреждениями, то есть документами. Если есть благодарности, о них не забудь. Я уже молчу о грамотах ЦК ВЛКСМ, врученных тебе по ошибке отдельных недалеких руководящих работников. И прессу приложи.

— Все будет сделано, товарищ главный интриган!

Она ушла, но тут же вернулась:

— Еще мне потребуется список предметов, изучаемых в эстрадно-цирковом училище.

Глава № 2

Список заинтересованных лиц и другие документы

Список заинтересованных лиц с указанием занимаемых постов, полезности и вредности слишком длинен и запутан. К тому же он неоднократно перетряхивался и менялся. Поэтому я его не привожу.

А перечень выговоров и благодарностей, а также почетных грамот, выданных мне по недосмотру отдельных руководящих работников, выглядел так:

СТАРАЯ РАБОТА

1. Выговор за разгильдяйство в рабочее время.

2. Грамота за организацию курсов для школьников, поступающих учениками на завод.

3. Выговор за организацию дебоша при поездке на сбор картофеля.

4. Возмущенное письмо от сестры-хозяйки и группы отдыхающих дома отдыха «Звездочка», г. Ногинск.

5. Выговор за шутовство в государственном учреждении — в управлении торгом города Чистоомута.

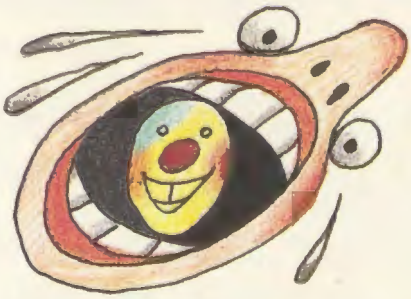
6. Грамота за образцовую работу радиорубки в пионерском лагере «Клязьма».

НОВАЯ РАБОТА

1. Газетные заметки «Клоун пришел к детям», «Нужны ли нам такие номера?», «Веселье на гастролях», «Новое на эстраде» и др.

2. Благодарность от персонала детской больницы поселка Кубинское клоуну Бултыху за помощь в критической ситуации.

И еще к списку была приложена зачетная книжка клоуна Топилина Владимира Ивановича, окончившего цирковое училище 10 лет назад и преподающего там актерское мастерство.



Глава № 3

Товарищеский разговор о товарищеском суде

И пошел я на работу. Вернее на разведку в Цирккoнцерт. Там все на меня как на ненормального смотрят. Пальцами показывают. Скандал, чувствую, разгорается.

Вижу Мосалов идет. Антон Савельевич. Главреж. Один из трех цирковых заправил.

— Привет, — говорит, — революционер. Ну как дела? Сухари уже сушишь?

— Почему сухари? Пирожные сушу. Большое начальство сухарей не переваривает. У него зубов нет.

— Это у кого зубов нет? Это для кого ты пирожные сушишь?

— Как для кого? Для Тихомирова, завлита нашего. Я все о нем пекусь. Сушусь, то есть.

— Это ты, милый, зря! Да у него зубов полон рот. Одних зубов мудрости штук восемь.

— Ну что ж! — говорю. — Бывает и такое, что у человека вся мудрость в зубы ушла. Только меня зубы мудрости не беспокоят. Я зубов подлости опасаюсь. С этим у него как?

— Нормально. Можно не беспокоиться. Полный комплект налицо.

Сто раз я поражался и поразился опять. Ну как это мне удается людей к себе располагать?! На самые рискованные разговоры раскалывать. Колдовство какое-то. На нерве, что ли?!

— Ну, спасибо, — говорю, — успокоили вы меня, утешили. А то я все сомневался, а вдруг на честного человека напал? Теперь вижу, и вы на моей стороне, раз его подлецом считаете.

— Я на своей стороне, — отвечает. — И на стороне дела — новой юбилейной программы. Ну, все, привет. До встречи на товарищеском суде.

Тут я насторожился:

— Ого! Неужели так далеко зашло и судить Тихомирова будут?

— Не его, а тебя, герой-затейник.

— Если меня, то это судебная ошибка получится. Но и на том спасибо, уважаемый главный свидетель обвинения.

— Бери выше.

— Ах, простите, товарищ следователь. Я просто ваши способности недоучел, гражданин высокочтимый прокурор. Не думал я, что вы так быстро карьеру сделаете, уважаемый председатель высокого суда.

— И учти. Я как человек на твоей стороне. Но как чиновник, хороший чиновник хорошего государства, я — против.

Хорошая и вечная ситуация. У Соловьева в «Истории России» про времена Алексея Михайловича сказано: во всех странах то, что выгодно человеку — купцу, ремесленнику, чиновнику, выгодно и государству. В России же, что выгодно человеку, государству невыгодно. И человек свою прибыль старается делать втихаря от власти. Это один ученый серб сказал. Сколько веков прошло, а все то же: как человек «за», а как чиновник «против»!

Но так или иначе, спасибо Мосалову, что предупредил. Дело-то вон куда поворачивается!

Как я обычно работаю, я и сам не знаю. Только дело у меня ладится. Выхожу я на сцену и сам-то себе нравлюсь. Просто горжусь собой, как волк из «Ну, погоди!». Пиджак у меня — пиждак-шкаф с откидными карманами. Один карман спереди, два по бокам. Откидываются они, как мосты у замка, и на цепочках висят. Хочешь вазочки ставь с цветами, хочешь работай как за письменным столом. Все на мне яркое, несусветное — красивый я!

Обычно я хорошо работаю, а сейчас настроение у меня тошное. Только что певцы выступали. Теперь гимнасты будут. Им нужно много аппаратуры. И наша задача с Топилиным тянуть время. Слава богу, что мы на пару с ним работаем. Выручай, брат Топилин!

Выходим на сцену с разных сторон. Идем по кругу и кричим:

БУЛТЫХ. Эге-гей!

ТОПИЛИН. Эге-ге-ге-гей!

БУЛТЫХ. Эге-ге-ге-гей!

ТОПИЛИН. Эге-ге-ге-гей-э-э-э-ге-ге-ге-ге-гей!

БУЛТЫХ (*передразнивая*). Эге-ге-...ге-ге... Раскричался тут! Эге-гей! Ходит и кричит! Ходит и кричит! Разорался как Александр Сергеевич Пушкин!

ТОПИЛИН. При чем тут Александр Сергеевич Пушкин?! Александр Пушкин — это такой писатель.

БУЛТЫХ. Насмешил. «Александр Пушкин» — это такой пароход.

ВМЕСТЕ. Здравствуйте, ребята! Дорогие школьники и школьницы!

ТОПИЛИН. Пионеры...

БУЛТЫХ. ...и пионерки.

ТОПИЛИН. Октябрята...

БУЛТЫХ. ...и октябрюнки... то есть октябрюшки...

ТОПИЛИН. Может быть, октя-брюки? Или октя-валенки? Эх, ты! Надо говорить октябрята-мальчики и октябрята-девочки.

БУЛТЫХ. Понятно. Москвичата-мальчики и москвичата-девочки!

ТОПИЛИН. Да нет! Дорогие москвичи и москви... чоночки... То есть москвичин-чики...

БУЛТЫХ. Москви-чайнички! То есть москви-ложечки!

ТОПИЛИН. Москви-тарелочки! Москви-ведрышки!

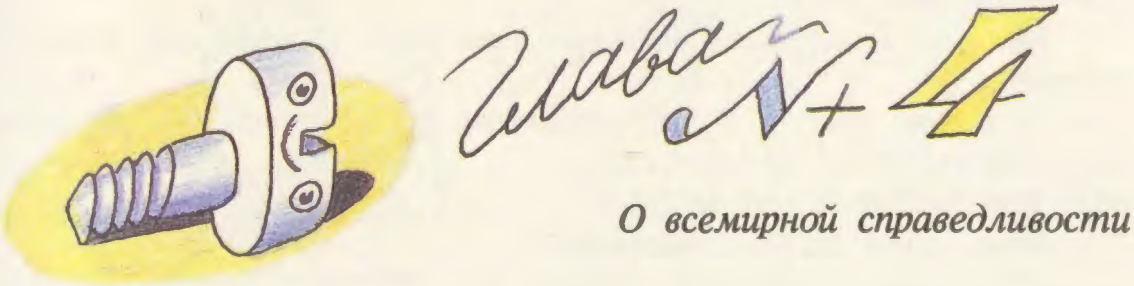
БУЛТЫХ. Москви-чайные сервизики! Москви-чемоданчики!

ТОПИЛИН. Короче, всем-всем привет!

И пошло-поехало! У нас с Топилиным есть одно правило — в каждый номер вставлять что-то непредвиденное. Для нервности. Вот сейчас октябрюшки выскочили. Я их подсунул. А не надо бы. Тихомиров ведь

начеку. И пришьет он мне подрыв всесоюзной октябрю... в общем, всесоюзной организации дошкольников.

А с товарищеским судом это они хорошо придумали. Суд ведь может возбудить ходатайство об увольнении. И мое место сразу всем ясным становится. Я — подсудимый. Я руководителя оскорбил. И никакой я не борец за юмор, за лучшую деятельность организации под названием Цирккoнцерт. Дело это куда серьезнее оказывается, чем я предполагал. Права бабушка Вера Петровна. Светлая голова! Подарить бы ей десять лет моей жизни.



Глава № 4

О всемирной справедливости

Если вы думаете, что я всегда клоуном был, вы ошибаетесь. И кем только я не был. И школьником, и сборщиком на заводе, и студентом-заочником, и инженером. И везде со мной не знали что делать.

Вот, к примеру, завод и история моего первого выговора — за разгильдяйство в рабочее время.

Работаю я в первую смену. Собрал свой автопилот, а следующий начинать не могу. Деталей нет. Все как делают? Кто в курилку — анекдоты слушать, кто книжку под столом читает, кто незаметно карманный приемник ладит. Благо деталей государственных хоть пруд пруди. Главное, чтобы начальство не видело, что люди бездельничают.

А мне все это надоело. Не хочу прятаться. Принес я с собой матрас надувной, накачал его и спокойно спать укладываюсь. Рядом со столом. Мастер наш Колбасин увидел и в крик!

— Что это за новости?! Тоже мне плавучий дом отдыха! Что тебе — делать нечего?!

— Нечего, — говорю.

Колбасин разозлился, начальника цеха позвал:

— Вот смотрите! Цирк на работе устраивает! Спит за государственный счет.

Начальник цеха т. Нестеркин говорит:

— Ты не горячись, Колбасин. Давай разберемся, с чего бы он так? Тут нельзя с плеча рубить. Может, человек заболел. Может, из сил выбился. Может, просто с ума сошел.

Стали разбираться.

— Конечно, сошел. Надо людей из дурдома вызывать.

Тут еще начальство подошло — слух по цехам прокатился: сборочный среди дня мертвый час устраивает — на матрасиках спят. Сам Дмитриев — главный инженер — влетел. Кричит:

— Ты свой прибор собрал?!

— Собрал.

— Почему следующий не начинаешь?

— Радиоламп нет.

— Как нет? Начальника лампового цеха сюда. Выговор ему! Лишить премии.

— А я при чем? — кричит начальник. — Я ни при чем. У меня вакуумная установка не работает.

— Почему?

— Ремонтники отладить не могут.

— Начальника ремонтного цеха ко мне. Выговор. Лишить премии. Почему отладить не можете?!

— Насосов вакуумных на складе нет. Отдел снабжения не завез.

— Почему не завезли?

Начальник отдела снабжения отбивается:

— У нас заявок не было. А запас кончился.

— Обоим выговор! Обоих премии лишить! Лодыри!

Сборщики сроду такого не видели. Вот, оказывается, как главный производственные совещания проводит. Вот почему от него среднее начальство с валидолом вываливается. Тут он снова ко мне:

— А ты, раз такой умный, инструмент бы свой в порядок привел. Паяльники, осциллограф, тестеры.

— А у меня они, — говорю, — всегда в порядке.

Проверил — идеал. Хоть сейчас на выставку. Мастер Колбасин даже зубами заскрипел от раздражения.

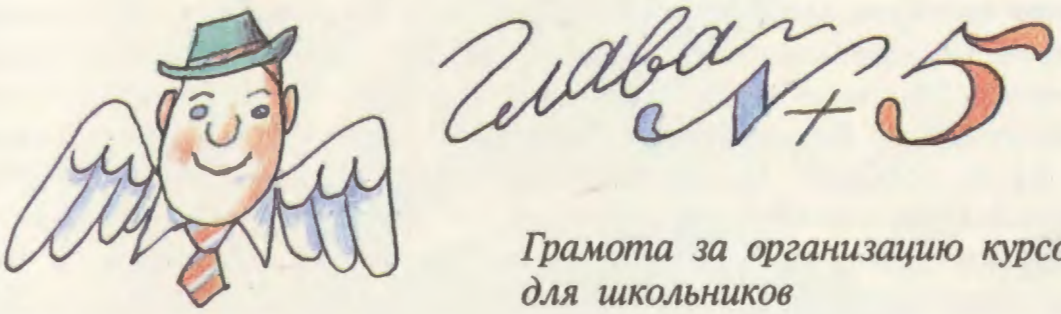
— Ну, ладно, — говорит главный, — если у тебя все так хорошо, почему бы тебе о производстве не подумать — рацпредложение не подать?

— А я, — говорю, — уже три подал. Да все никакого ответа нет.

— Начальника бриза сюда!

Привели начальника.

— Понимаете, мы сейчас заняты. Мы стенд к юбилею оформляем.
— Весь оформили? Или еще есть место? — спрашивает главный.
— Есть еще.
— Вот там и поместите мой приказ. Выговор. Лишить премии.
Короче, через этот мой матрас ползавода премии лишилось.
— А мне что делать?
— А ничего, — говорит главный Дмитриев. — Спи к чертовой матери!
И таких случаев у меня сколько хочешь было.



Глава № 5

Грамота за организацию курсов для школьников

Вот еще случай из моей заводской работы. Пришло к нам письмо из соседней школы. Дирекция просила прислать лучших представителей завода. Чтобы они могли рассказать старшеклассникам о заводе, о профессиях, о наших приборах и проблемах. А то ребята школу кончают, а чем заниматься не решили. Некогда им было решать — успеваемость их заедала. И любовь и дружба.

И наши лучшие представители должны были школьникам глаза раскрыть. Научить их правильно жить и приносить пользу.

Стали искать лучших представителей.

И как ни странно — этим лучшим представителем я оказался. Мастер Колбасин за голову схватился:

— Как же его посылать?! Он же там цирк устроит! Опозорит нас!

Но делать было нечего...

И вот в рабочее время вызывают меня на проходную. Машина подана, едем в школу выступать. Главный инженер Дмитриев Виктор Павлович, наладчик-механик Бычков, литейщик-разговорник Розов, сборщик-электрик — я.

Встретили нас в школе с цветами. В зале полно ребят-десятиклассников. Смотрят они без особого энтузиазма. Дел у каждого невпроворот, а тут сиди и слушай скукомотину про производство. Лица у ребят пре-

красные — незапуганные и независимые. Так и видно — несколько вожаков сидит. Причем одна девочка. А вокруг них водовороты компаний.

Школьное начальство нас представило, и Дмитриев начал выступать.

Потом меня представил. Рассказал историю про меня и про спальный матрас. И закончил своим удивлением, что лучшим сборщиком я оказался, а не какой-нибудь другой серьезный и достойный человек. С хорошим обликом и биографией.

Я говорю:

— Серьезность, ребята, это еще не достоинство. Индюк тоже серьезный. А особенно баран. Но только был у нас на заводе такой случай. В механическом цехе. Вбивали в бетонную стенку костыли. Специальным таким пистолетом-молотком. Вкладывается в ствол костыль и пороховой патрон. Подносят пистолет к стенке — бабах — половина костыля в стене, половина персонала в обмороке. Цех огромный. Эхо от взрыва полчаса перекатывается. Вот пару раз пистолетчик бабахнул и третий приготовился. А тут по цеху идет делегация. Нарядные такие дяди, важные, в белых рубашках. Из главка человек двадцать. И вдруг как трахнет! Мы-то — люди тренированные, привычные. Уже два выстрела пережили, и то у нас инструменты из рук попадали. А они-то новички, с корабля на бал! А тут кто-то как крикнет: «Ложись!» Ну и рухнули они как подкошенные в ужасе! В пиджаках, в рубашечках да на механический пол. Лежат, в себя приходят, потери подсчитывают. Одного, самого молодого, под руки увели. Да еще один наш электрик в обморок шлепнулся. Он в это время рубильник включил для точила. Он включил и как бабахнет! Ему в голову пришло, что он завод взорвал авиационный! А за это спасибо не скажут. Потом наше начальство несколько суток рабочих допрашивало: «Кто крикнул! Признавайтесь, а то хуже будет. Признавайтесь, простим». Но кричальщик не признался и, по-моему, правильно сделал. Из-за него всему начальству по цепочке с самого верха так шею намяли, что они волей-неволей бедняге бы слопали. Механически. Где бы премии не дали, где бы в квартире отказали, где бы в самый дождь на картошку отправили. К чему я это говорю? А к тому, что в тот день производительность труда в цехе была самая высокая. А день был — понедельник, самый низкопроизводственный. Или вот. Сейчас в сборочном цехе разрешили включать несерьезную музыку. И никто в приборах ничего не путает. А мы ее еще до приказа включали. Как мастер ушел — давай с маленького магнитофона на маленький динамик. И Высоцкий у нас поет, несмотря на запреты начальства, и всякие «Аккорды» голосят. И производительность у нас улучшается. Но самое главное вот что. Сколько бы вам про завод ни рассказывали, сколько бы экскурсий у вас ни было,

БАХ
ЛОПНУЛ

ничего вы не узнаете про свою будущую работу. И выбрать место себе не сумеете. Я предлагаю организовать курсы для поступающих на наше предприятие. Или, наоборот, для желающих бежать от него как можно дальше. И готов руководить этими курсами, потому что хорошо знаю завод.

Глава № 6

Истоки источности и причины причинности

— Дорогая бабушка и дорогой товарищ Топилин! Вот смотрите вы на меня и меня судите. И не за тем, чтобы самим сделать выводы и чему-нибудь научиться, а затем, чтобы меня изменить. Сохранить вы меня хотите и улучшить. А того не понимаете, что все это бесполезно. Потому что я в жизни не просто двигаюсь, а бегу перед паровозом, пытаясь его остановить. А вагоны его гружены чугунными отливками. И задерживать меня бессмысленно. Я прошибу любое препятствие. Или расшибусь сам.

— На любой паровоз есть свой стрелочник! — сказала бабушка.

— И зря ты думаешь, что поезд столь неповоротлив, — заметил Топилин. — На нем и направо можно отправиться, и налево. И, между прочим, в обратную сторону. И никого еще не радовало, что машинист — дурачок.

— Во-первых, я и не машинист даже. А во-вторых, я далеко не дурачок.

— Ты у нас, конечно, светоч. Ну просто маяк разума. Со знаком качества! Ну да ладно, выкладывай свои выговора и благодарности.

На очереди был:

ВЫГОВОР ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕБОША ПРИ ПОЕЗДКЕ НА СБОР КАРТОФЕЛЯ.

Как-то получается, что начальство всегда от меня избавиться хочет. Больно много я приношу ему забот. Когда люди требуются на картошку или на склад овощи перебирать, моя фамилия первой называется. А на этих складах или картошке у меня опять приключения.

Тогда я был уже инженером. И вытурили меня на сбор картошки под Можайск сырой осенью.

Подогнали к проходной машины. Смотрю я, что за народ в них садится, и ужасаюсь. Или дети совсем — ученики, или довольно мрачного вида оболтусы. Дети трезвые, а оболтусы успели где-то под забором глотнуть и в рюкзаках у них что-то булькает.

Время горячее. Каждый хороший работник на счету. Кого мастер отправит в подшефное село? Или учеников-малолеток, или разгильдяев-прогульщиков. Из инженеров никого. Только я да Майка Гаврилова из лаборатории гироскопов. Я у Майки спрашиваю:

— Ты чего это собралась? Видишь какая здесь публика?

Она в ответ:

— Вижу. Когда мы в институте на картошку ездили, очень весело было. И здесь, думала, будет так же. Хотела от завода отдохнуть. Да, видно, не наотдыхаешься.

Приехали. Поселили нас в школе. Спросили:

— Кто умеет варить?

Вышел один дядя мрачный:

— Я, — говорит, — кухарничал.

Отвели его на кухню, показали где котлы, где дрова. Но продуктов не дали.

— Завтра дадим, к обеду. Мы ваше начальство предупреждали, чтобы на первый день еду брали с собой. Сначала сами кормитесь, а уж потом за наш счет поправляться будете.

Пошли мы с Майкой грибы собирать...

Возвращаемся к школе, а там дым коромыслом — драка идет. Два здоровенных парня повара ухайдакивают. Оба пьяные и дело у них не очень ладится. Один парень в тельняшке, другой в гимнастерке на босу грудь и в сапогах. А повар просто в трусах до колен. И лавки у них в ход идут, и ведра и мотает их по матрасам от стенки к стенке. И окно они лавкой выколотили. А вокруг по углам стоят юнцы, как на физкультуре, и смотрят. Кто с испугом, кто с недоумением. Оказалось, повар у этих двоих поллитру украл из сапога. А это для них святое.

Гляжу, тот, который в гимнастерке, лопату схватил и на повара. Сейчас у бедного последние мозги вышибут. Я с ходу кинулся, схватил могильщика поперек спины и бросил на матрас. Он аж ошалел от удивления! Встал на ноги и на меня. Полутолкнул, полутреснул. Я от него шаром биллиардным лечу через класс. Делаю вид, что меня такой богатырь швырнул, хоть стенку прошибай! А сам в матросика как врежусь! И рухнули мы с ним. Только я понарошку, а он, бедняга, по-настоящему. Удачно вышло. И матросика уложил, и гимнастерочник

счастлив. Вот, мол, как я их, гадов, разбрасываю! А это важно, чтобы он в драке доволен был. Чтобы в нем злость зверская не пробудилась. Иначе конец.

Но тут повар в трусах тоже ко мне направляется с кулаками. Сообразил, что я теперь враг как бы общий. И матросик оклемался. Того гляди убьют.

Слава богу пьяные. Руками они машут, пролетают мимо с грохотом. А я тихо-тихо так к двери. И в коридор.

Настроение неприятное. Погулял я час, полтора. Что делать? Хоть вешайся. До станции 20 км. И что в городе скажешь? Жаловаться, что ли, на ребят? Так не вмешивался бы. Тоже мне дружинник. Они тебя не трогали. Может, они так каждый вечер развлекаются. Заместо домино.

Делать нечего. Иду снова в класс. Но сам ноги держу в обратную сторону. Сердце где-то в кишках запуталось. Тут ко мне направляются двое. Один — матросик в тельняшке. Второй — парень, которого я раньше не видел. Что-то есть в нем спокойное, располагающее. Чем-то он диван или шкаф напоминает.

— Ты что, — спрашивает, — бить его хотел или разнимать? — И показывает на матросика.

Хотел я сострить, что бить. Хобби у меня такое: как увижу матросика — сразу набрасываюсь и по морде! Но дело под вечер, не до шуток.

— Разнимать, — говорю.

— Тогда так. Или ты простишь Степу, или дашь ему по морде.

— Я ни прощать не хочу, ни по морде давать.

— Тогда я сам ему въеду.

А Степа на него почтительно так посматривает и даже физиономию наполовину подставил. Лицо у него красивое, кучерявое, только очень неумное.

— Давайте завтра поговорим.

Но парень на меня давит:

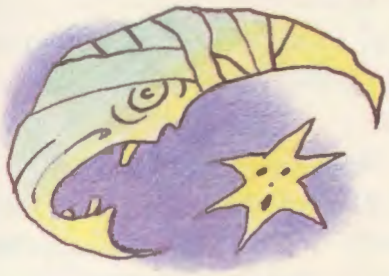
— Такие дела на завтра не откладываются. Или извини его, или бей.

Видно, пока меня не было, власть переменилась, и шкаф-диван атаманом стал. Вокруг народ собирается. Получается как-то странно. Мне, вроде, навстречу идут, условия создают, морду подставляют, а я кочевряжусь, против коллектива выпендриваюсь.

— Хорошо. Считайте, что я его извинил. А завтра все равно поговорим.

На этом все легли спать.

А поваром назначили меня. Вернее, попросили быть. И я согласился.



Глава № 7

Антиалкогольная — продолжение картофельной

И вот как-то дело наладилось. Погода плохая. В школе холодно и сыро. А у меня на кухне тепло и чисто. И девчонки по вечерам ко мне потянулись во флигель. На уют и чистоту. Садятся на скамеечки, греются. Истории рассказывают.

Я, разумеется, бесплатно сидеть не даю. Мне одному трудно. Давайте помогайте картошку чистить. Вот они и работают. А за ними ребята потянулись. Кавалеры. Я их тоже запрягаю.

— Эй, ребята, — говорю. — Выделите парочку из пятерых — дрова позарез нужны.

Они скрипят, но парочки выделяют.

Но больше всех я Степу уедал:

— А, моряк пришел! Степа, будь другом — помоги котел вычистить. Вас на флоте учили железяки драить!

Он меня тихо ненавидел. А кухню обходил стороной.

Но зато в столовой у меня идеал. Клеенки блестят и ромашки на столах. Еда вкусная. И всегда кофе и какао есть и хлеб свежий с маслом, для особо голодных. Так что вся публика ко мне сильно расположилась. Я даже хулиганить начал. Однажды говорю:

— Хотите лекцию проведу с вами антиалкогольную? С демонстрацией?!

Дело в том, что выпивка у ребят не переводилась.

Вот поэтому я однажды и говорю:

— Хотите лекцию с вами проведу антиалкогольную? С демонстрацией? Я вам буду рассказывать, а желающий — пить.

Выбрали мы свободный класс. Бутылка водки у меня была припасена. И лекцию я продумал. Одного я боялся — выйдет атаман-шкаф тот самый, который меня Степиной мордой угощал, или кто из его помощников: все, конец лекции с демонстрацией. Они и две бутылки выпьют на глазах у зрителей без особого вреда для организма. Только

разрумянятся и есть захотят. И лекция не о вреде, а о пользе алкоголя получится.

Но тут я правильно все рассчитал. Никто из них даже за выпивку не захотел шутом становиться. А Степа-морячок клюнул. Давай — демонстрируй меня. Чихали мы на всяких пижонов.

Что же, о'кей. Я и начал.

— Нет, лично я не против выпивки. И сам люблю выпить, с удовольствием. Но штука она больно коварная. Сначала человек ею распоряжается, а потом она начинает им командовать. Возьмем, к примеру, Степу. И высокий он, и красивый. И остроумия не занимать. И, наверное, не одна девочка по нем сохнет. Разве не так?

— Так, так. Ты давай наливай. Начинай демонстрацию.

Налил я ему немного. Он хватанул.

— Хорошо пошла? — кричат из зала.

— Что надо. Эй, лектор, огурчиков нет?

— Нет, — говорю. — Я лекцию про выпивку читаю, а не про закуску. Итак, первые сто грамм действуют благотворно. Сосуды расширяются, человек румянится, настроение улучшается. Я бы даже сказал, что сто грамм — полезная штука. Особенно, когда собрались малознакомые люди по важному делу и им надо контакт установить. Что, Степа, правильно я говорю?

— Правильно. Да больно много. Давай наливай еще.

— Не спеши, Степа. У нас же лекция, а не выпивка в подворотне.

— А что подворотня? — кричат опять из зала. — В подворотню люди не от радости идут! В кафе с рублем не пойдешь. А пивные позакрывали.

— В деревне и то лучше. Какая-нибудь бабка самогон гонит. У нее и выпивка и закуска есть. И разговаривать можно хоть весь вечер.

Тут мой демонстрируемый окончательно расстроился:

— Чего я тут сижу? Давай наливай, душа просит.

Пришлось налить.

— Ну как? — закричали из зала. — Захорошело?

— Стакан не проглоти!

— Оставь малость!

— Фиг вам, — говорит Степа. — Выходили бы, когда вас звали. Ну, давай, лектор, валяй дальше.

Я продолжаю:

— Сейчас Степа сказал золотые слова — душа просит. Точнее бы сказать организм. И чем дальше, тем сильнее он просить начинает. И

все сложнее с ним справиться. Все это мы сегодня увидим. Если, конечно, Степа от демонстрации не откажется. Серьезно, ты намерен работать?

— До победного конца!

Из зала кричат:

— А утром продолжение будет? Про опохмелку?

— Нет, — говорю. — У нас лекция про алкоголь, а не про алкоголизм.

— Несправедливо! — кричат дружки. — Человек ведь завтра мучиться будет!!

Девчонки кричат:

— Пусть мучается. Для науки. Один раз можно!

— Какой там один! Он каждый день пьяный! При нем можно целый институт держать антиалкогольный!

Но мужики несогласные:

— Слышь, лектор! Ты не все давай. Сто грамм оставь на утро!

Смотрю, моя лекция не туда пошла. Аудитория больше Степе сочувствует, чем мне. Хоть совсем закрывай эту антиводочную пропаганду. И никак моя беседа с опохмелки стронуться не может.

— Эй! — кричу. — Когда вы тут сами гуляете, не больно-то вы про завтра думаете. А тут вдруг забеспокоились!

— А потому что мы просто пьем. А здесь по науке. А по науке опохмеляться обязательно. Чтобы сердце не остановилось.

Я постарался разговор в другую сторону повернуть:

— Согласен. Может, действительно, пьянство у нас как-то не так поставлено. (Спасибо Розову — главному говорильщику.) Не так организовано, как бесплатное лечение, например. То есть не продумано. Может, нужно в городе позволить пенсионерам в подвалах пиво продавать и сосиски, как в Болгарии. Чтобы люди не в подворотне собирались побеседовать, а в кафе.

— А что? Давно пора. И от пенсионеров польза будет.

— А в домино там можно будет играть?

— Конечно.

— А в карты?

— Не знаю. Это же только предложение мое.

— А не знаешь, и говорит нечего, — вставляет Степа. — Наливай.

— Наливаю. Но сейчас речь не о том. Не о будущем. А о том, что у нас, заводских, ни одно собрание без выпивки не обходится. А ведь есть такие компании, где и без пьянства интересно. Я два раза попадал.

Спор у них за столом такой стоял, что не до водки! Это аспиранты были, кибернетики.

— Ага... Понятно... У них денег нету...

— Вот они и спорят... Где деньги достать...

— Чтобы выпить.

Тут Степа заговорил:

— Ты что забыл? Давай наливай.

— Подожди, Степа, лекция только началась. Не опережай события.

— Да плевал я на твою лекцию! Нечего из меня мартышку делать! Наливай, твою мать!

Я к зрителям:

— Мне срочно ассистент нужен из желающих. Одному мне со Степой не справиться. Кто хочет?

Никто не хотел. И какая-то тревожность повисла в воздухе. Тут меня злость стала одолевать. В этих ситуациях ни за что не надо поддаваться событиям. Как только почуют, что ты в растерянности, начнут на тебя давить со страшной силой. Не зря американцы в инструкции по борьбе с наркоманами рекомендуют ночным прохожим: «Никогда не идите боязливо. Не имейте вид жертвы. А то вы можете действительно ею стать. Пусть боятся вас».

— Подожди, — говорю, — Степочка. Ты нам нервы тянул, и не раз. Теперь мы тебе потянем. Раз вызвался в демонстрации участвовать, работай. Отрабатывай выпивку. А просто наклюкаться без меня можешь. Продолжаем лекцию... После большой дозы выпитого у человека замедляется реакция, появляется или благодушие, или повышенная агрессивность. Вот как сейчас у Степы. Язык у него заплетается. Ну-ка, Степа, попробуй сказать больше пятнадцати слов подряд.

— Да он и не знает столько!

— Сказали тоже! Он и двадцать знает.

— Матерных.

— Только связать не может.

— А пусть он стихотворение прочтет.

Кажется, весы стали в мою сторону склоняться.

— Ну что, Степа, прочтешь ты что-нибудь для науки?

— Для науки, — говорит он зло, — я хотел бы кому-нибудь что-нибудь начистить. И начищу.

Видит бог, не хотел я этого делать. Но пришлось. Налил я ему сто грамм и говорю:

— Агрессивность у подопытного Степы возросла. Соображаемость уменьшилась. Он просто рвется в бой. Угрожает представителям науки. Поэтому я предлагаю всем перейти в спортивный зал.

Там по договоренности с учителем физкультуры маты были на пол брошены и боксерские перчатки висели на гвоздике.

Как люди никогда не забывают окопы и атаки, так и я, наверное, никогда не забуду этот низкий деревенский выкрашенный синим спортивный зал.

Все мои слушатели втянулись туда змеей и встали по стенкам.

— Итак, — сказал я, обращаясь к аудитории, — заключительная часть лекции — три раунда по три минуты: демонстрация агрессивности подопытного и потери координации. Между прочим, я не так уж и рвусь в бой. Если будут желающие заменить меня, милости прошу.

— И не вздумайте, — сказал им Степа.

Желающих не было. Все ждали, что будет. Я протянул Степе перчатки.

— Ну, кто в боксе понимает?

Вышло несколько учеников.

— Ты будешь его секундантом. А ты будешь моим. А судьей у нас будет Иван.

Мы надели перчатки. От Степы так и веяло ненавистью. Ножик бы ему, ножичек или цепь велосипедную.

«Ну, гад! Держись!» — это он так на меня смотрел.

Кроме Ивана я на всякий случай устроил еще трех судей за столом. В том числе Майку Гаврилову. И поехало.

В первую же секунду собрался Степа и вмазал мне, чуть щеку не оторвал. Жилистый парень. И пьет и курит уж сколько лет, а силы в нем на двоих десятиклассников хватит. И злобы в нем сколько хочешь, и подлости! Вот он — краса подворотни, гордость глухого переулка в разрезе и во всех проекциях.

Я пока в драку не лез. Все отбивался и уходил. Все отбивался и уходил. Да только трудно это. Он, собака, чувствует, что я его не бью, и все нахальнее идет. Все наглее. И все труднее мне себя на грани игры удержать. Потому что он уже и локтем норовит ударить и коленкой при случае. И вообще звереет. Сейчас кусаться начнет.

В перерыве я слышу, Степе что-то нашептывают. А он еле вздохнуть может. Вот-вот захлебнется от отсутствия воздуха. И специально для него перерыв затягивают. Пора кончать.

И точно. Отдохнул морячок и снова зверем на меня кинулся. И опять коленкой норовит ударить и головой по лицу. Пару раз я от него даже влетал в зрителей. Впрочем, может, это нарочно.

Потом я спокойно прицелился и в нужный момент выпад ему навстречу сделал. Когда он на меня бросился. То есть оба мы со всех своих молодых сил бедного Степу треснули. И лег мой демонстрируемый. А что ему оставалось делать? Чудес не бывает. Против науки бессилен даже самый горячий энтузиазм.

Тут и солнце зашло за тучи и темно и мрачно стало в синем сельском спортивном зале...

Через час я вещи сложил и на станцию. Понял я, что мои отношения со Степой добром не кончатся.

И верно, как мне рассказала потом Майка Гаврилова, он в этот вечер изрядный дебош учинил. С дракой, с битьем оконных переплетов и другими драматическими моментами.

А еще через несколько дней я выговор получил и лишение премии за самовольный отъезд. Стали профкомовцы Степин дебош разбирать и выяснили, что это я его подпоил. А сам он никогда в жизни про водку не слыхивал. Так, догадывался, что она есть и что компрессы из нее делают. А чтобы в рот — ни-ни! Ох, не люблю я этих матросиков.

Глава № 8

Как я в цирк ходил

— Я понимаю, — сказала бабушка, — в таких условиях трудно быть любимцем коллектива.

И тут зазвонил телефон.

— Алло. Мне нужен Иван Бултых.

— Я вас слушаю.

— Это Кичалова. Мне очень неприятно с вами разговаривать, но по

служебному положению я обязана это делать. Значит завтра в четыре часа...

Я не дал ей договорить. Мой ернический механизм сработал быстрее пули. Я закричал:

— Марина Викторовна! Что вы говорите! Вы же просто меня убиваете!!! Это особенно обидно слышать от вас. От человека, который всегда по-доброму относился ко мне с хорошо скрытой симпатией!!!

Она даже оторопела:

— Я к вам хорошо относилась?! Кто же это вам сказал?!

— Наши, наши сказали. Наши люди, Марина Викторовна, а они знают все!

— Да ничего подобного.

— Марина Викторовна, а я из-за вас в Цирккoнцерт поступил! Думал, где вы, там и правда! И вместо этого!..

Она поняла, что я просто ерничаю.

— Вам лечиться надобно. В общем, завтра в четыре часа в месткоме предварительный разбор дела. Я вас предупреждала.

— Марина Викторовна! Я вам там назначаю свидание. Вы меня легко узнаете. Я буду самый застенчивый!!!

Ту-ту-ту-ту...

Почему, не знаю, но всегда преследует меня желание человека рассмешить. Еду я в автобусе, за городом. Сидит кондукторша, мрачная такая. Я ей деньги протягиваю:

— Девушка, дайте билетик. Если можно, получше, пожалуйста...

Она смотрит недоверчиво. А я поясняю так задушевно:

— Мне для больного. У них там с билетами зарез...

Или врач в поликлинике мне советует:

— В это ухо вам надо по вечерам ватку класть со спиртом или с водкой. Понятно?

— А в другое, — я соглашаюсь, — надо маленький бутербродик с колбасой.

Началось все в детстве. Вот, помню, во дворе у нас дворник со шлангом деревья поливает. Тут в дворницкой звонок. Зовут его к телефону. (Время тогда было тревожное, полное шпионов и диверсантов. И дворники и другие плечистые люди с ними боролись. Не мудрено, что тогда в каждой дворницкой был телефон. Особенно, если дворницкая стояла на правительственной трассе.) Значит, зовут его к телефону. Он кран закрутил и со шлангом в кабинет к себе входит — разговаривает: «Да, да, да, — говорит, — будет исполнено». И тут меня черт под руку тол-

кает. Я к этому крантику шасть и отворачиваю. В дворницкой ужас просто! Вода молотит по сторонам, как из брандспойта бьет, и все, кто там есть, один за одним на улицу вымываются:

— Караул! Диверсия!

А меня уже и след простыл. Не видел я этой радости. Бегом, бегом, через пустырь к Москва-реке, одежду на голову и вплавь на тот берег: поймают — убьют. Так зачем же я делал все?

И сейчас я порой думаю, а вот пойду я по улице, увижу, что дворник со шлангом в дворницкую к телефону идет — отверну я кран или нет? Отважусь или не отважусь — вот в чем вопрос. Наверное, нет. Сейчас бегаю не так быстро.

И все мне советовали в цирк идти. «Там тебе самое место». И пошел я в цирк. А вернее, в Цирккoнцерт. Пришел и сразу к директору. (В списке заинтересованных лиц с указанием занимаемых постов, полезности и вредности для нашего дела, который я предоставил бабушке, про него было написано:

«Коликов Николай Николаевич. Лет 54. Образование высшее экономическое. Характер в общем-то доброжелательный. Категорически не любит принимать никаких решений. Все должно образоваться или рассосаться само собой. Вне работы — обычный компанейский человек. На работе — идеальный чиновник всех времен и народов — хорошо отлаженный передаточный механизм — шестерня. Давят сверху — передает давление вниз: мелочь внизу крутится. Давит снизу мелочь вроде меня — передает ее энергию вверх, чтобы начальство принимало решение. Десятый директор Цирккoнцерта. Все остальные держались здесь не больше года. Больно бойкое место.)

Пришел я и сразу к директору:

— Здравствуйте. Хочу к вам на работу поступить.

— Кем?

— Клоуном.

— Какое у вас образование? Цирковое училище кончали? Эстрадную студию?

— Нет. Заочный авиационный, по автоматике.

— Может, вы к нам инженером пойдете? У нас аппаратура огромная и электрика сложная.

— Инженером не хочу.

— А что вы умеете делать?

— Как что? — спрашиваю.

— Умеете жонглировать? Стойку делать на руках? По проволоке ходить?

— Я людей смешить умею.

В кабинете еще один товарищ сидел, мрачный такой, на бульдога похожий... («Мосалов Антон Савельевич. 56 лет. Главный режиссер. Образование среднее специальное. Стаж работы в цирке 15 лет. Пришел из армейской самодеятельности. Очень хозяйственный прикладной человек. Один из главных моих сторонников, если они вообще у меня возможны».) ... на бульдога похожий. Вдруг он говорит:

— Если человек 30 лет, с высшим образованием, инженер, утверждает, что он умеет смешить людей, я склонен ему верить. Давайте опыт проведем. Позовем сюда Сидорова — завхоза нашего. Иван Корнеевич в цирке у нас двадцать лет служит, а ни разу не улыбнулся даже. И пусть товарищ его рассмешит. Если сумеет, годится он в клоуны.

Директор согласился. Я тоже. Послали за Сидоровым. И еще народ прибежал смотреть, как я Сидорова смешить буду. Ждем.

Входит Сидоров. В синем халате. Ручищи огромные. В руках молоток, в зубах гвозди.

— Звали?

— Звали.

— Чего?

— Вот чего. Я, Иван Корнеевич, из всесоюзного журнала. Самого главного. Корреспондент. Нам на обложку снимок нужен «Под куполом цирка». Чтобы один силач восемь человек держал. Понятно?

Он кивнул.

— Так вот. А ваш силач нижний подвел: и с женой скандалит, и сын у него запущенный — вчера в школе стекло разбил. Нельзя такому человеку на всесоюзную обложку. Не тянет он. Дирекция рекомендует на вас остановиться.

Иван Корнеевич оторопел.

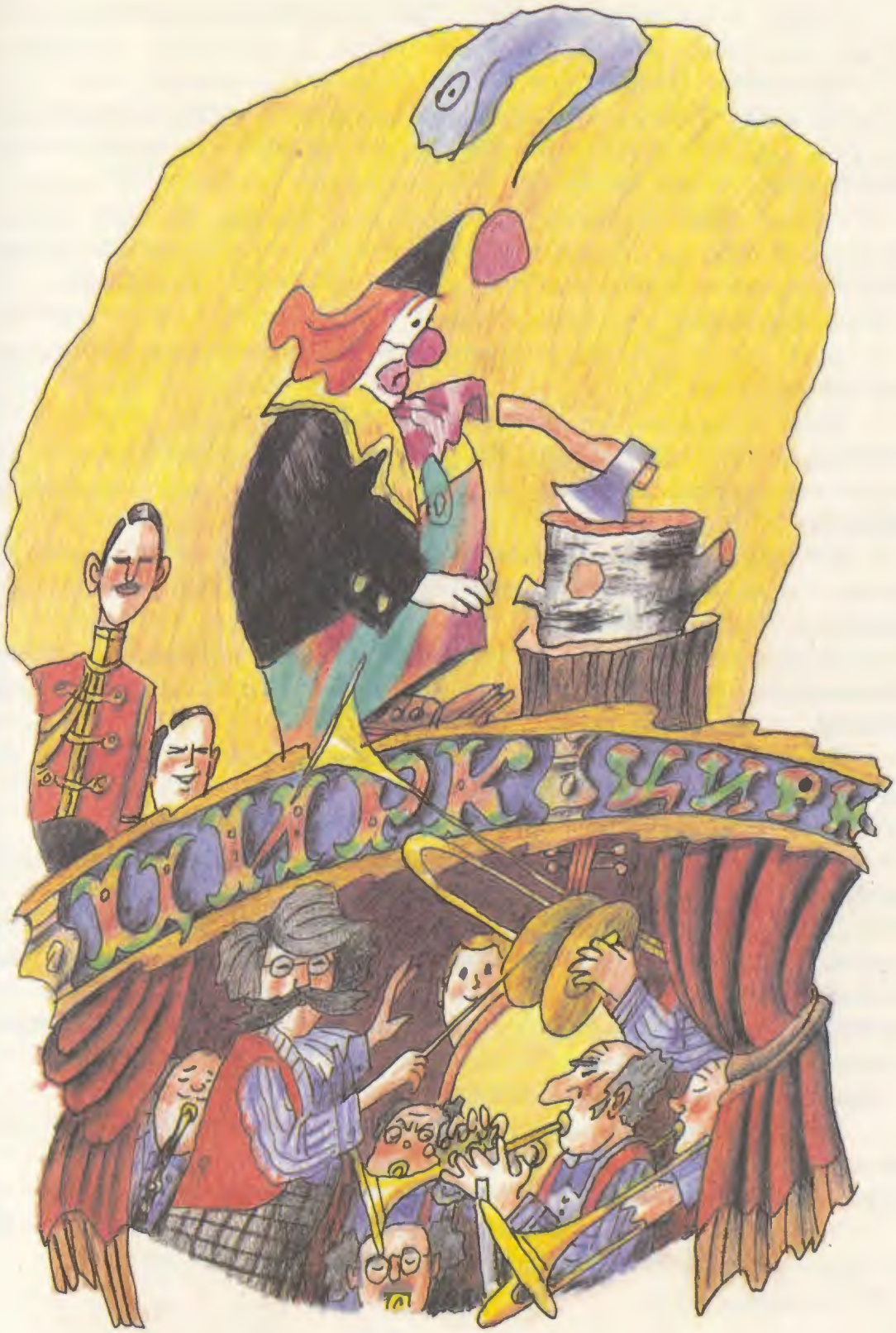
— Будете вы, Иван Корнеевич, нижним силачом. Ну как?

Он стал гвозди изо рта вытаскивать.

— И не спорьте, — говорю, — вы — лучший производственник. И в цирке дольше всех. И профсоюзная организация за вас горой. Так что все уже решено. Осталось только детали обсудить. Костюм у вас есть?

Иван Корнеевич тем временем гвозди вытащил:

— Нет у меня. Не приходилось.


ШУТКОВСКИЙ ЦИРК

— Значит руководство обеспечит. Вам лучше какой: двубортный, вечерний, спецовочку или традиционное трико?

— Спецовочка сподручнее.

— Все ясно. Требования справедливые. Будет спецовка синяя с блестками в виде водопроводных гаек. Ничего?! Дирекция берется?

— Берется. А что ж?

— Теперь, Иван Корнеевич, насчет восьми человек. Не мало ли для обложки? Может, до пятнадцати довести? За счет досаафовских активистов? И название есть хорошее, свежее — «ДОСААФ на высоте!»

Иван Корнеевич задумался. Я тоже.

— Хотя нет, — говорю. — Пятнадцать человек многовато — проволока не выдержит.

— Какая проволока? — насторожился Иван Корнеевич.

— Как какая? Под куполом. По которой вы с народом пойдете. Досаафовских активистов будете нести. Зря мы, что ли, вам спецовку заказывали?

— Пятнадцать человек она точно не выдержит! — вмешался директор. То ли в игру включился, то ли в нем свой Иван Корнеевич сидел.

— По рукам. Значит пару дней на репетиции, а потом я к вам с аппаратурой и с корреспондентами из-за рубежа. Все посторонние дела отложить!

— Как отложить? — говорит Иван Корнеевич. — А тес? У меня тес для помоста не пилимши. Кто ж его делать будет?

— Да? — спросил директор.

— Как кто? Да этот — нижний акробат. С моральным обликом не нашим. Его на производство кинем.

— Его? — закричал Иван Корнеевич. — Да чтобы я этому бугаю свою циркулярку доверил?! Он же ее запорет. Да я потом буду двадцать дней по цирку зубья собирать! А что техника безопасности скажет?! Ой, насмешил меня! Никогда в жизни я так не хохотал. Из-за какой-то обложки хотели новую пилу погубить! — повернулся и вышел.

Мрачный человек говорит тогда:

— Ну что. Выполнил он условия. Иван Корнеевич сам сказал — насмешил.

Директор не согласен:

— Это он только сказал насмешил. А сам не засмеялся. Вот если бы он захохотал да зубы показал. Дело другое.

Тут я закипятился:

— Давайте еще раз вашего Сидорова. Не может быть, чтобы я человека развеселить не мог.

Вернули Сидорова.

— Иван Корнеевич, еще одно дело к вам есть. Нас часто ругают за то, что мы от жизни оторваны. Что ничего у нас о производстве в программе нет. О рабочем классе. Давайте это исправлять.

Иван Корнеевич насторожился. Что это сегодня все на него навалились?

— Давайте.

— Будете все-таки вы у нас выступать. Вынесете на арену станок трубозагибочный. Можете?

— Могу.

— Зажмете его в трубу. Сумеете?

— Сумею.

— И на глазах у всех станете трубу загибать. Или резьбу нарезать дюймовую.

Сидоров смотрит на меня настороженно. Не поймет — то ли шутка, то ли серьезный разговор. Но кругом вроде начальство.

— Почему дюймовую? У нас и метчиков таких нет.

— Значит метрическую. Или мелкую. Это не важно. Дадим вам халат нейлоновый с блестками. А?! Представляете! Прическу сделаем «сасун»! Музыка. Арена желтая, станок сверкает. Кругом прожектора! Женщины с цветами! Ваш халат переливается! Станок ревет! А под конец вы стойку на станке на одной руке делаете. Ноги у вас в стороны, а в зубах гаечный ключ! Как косточка!

Тут Иван Корнеевич как прыснет. Даже гвоздики из него выскочили. Видно, представил себя со стороны на фоне женщин, ноги кверху, а в зубах гаечный ключ.

— Да ну вас! Делать вам нечего, только голову морочите. — И ушел.

Мрачный человек говорит:

— А что? Это идея! Смешной номер получится, если клоун на сцене будет резьбу нарезать или дрова колоть. И кланяться и на бис дрова в поленницу укладывать.

Они стали с директором это обсуждать.

— А мне-то как быть? Берете меня?

— Берем, берем, — отвечают. — Только нам ваша помощь понадобится. На нас в управлении кричать начнут, что мы инженеров в шуты переманиваем. Вам и их смешить придется. Сможете?

— А как же? Да чтоб я человека рассмешить не смог!

Глава № 9

Бабушка долго думала...

После звонка Кичаловой бабушка долго думала, рисовала какие-то схемы, потом сделала короткое сообщение:

— Мне все больше и больше нравится твой Цирккoнцерт. Причем есть два варианта. Или они серьезно хотят разобраться в этом деле, что делает им честь. Или они чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы избавиться от вашей милости. Но тогда они делают ошибку за ошибкой. Чем больше людей будет вовлечено в это дело, тем меньше шансов остается поступить волюнтаристски. Каждый лишний день до суда работает на нас. Он делает ситуацию не крайне скандальной, а обычной. К ней привыкают и не ждут крайних мер.

— Значит выгоднее завтра не явиться. Потянуть.

— Ни в коем случае. Нельзя их раздражать. Надо и явиться, и потянуть. А твой Тихомиров наверняка не явится. И это будет его ошибкой.

— И главное, — продолжала она, — тебе надо выявить критерии.

— Какие критерии?

— Вот какие. Ты обвиняешь Тихомирова в отсутствии чувства юмора. Говоришь, что он боится всего нового. Так вот спроси, чем такие вещи доказываются. Может быть, тестами на остроумие. Может быть, тем, что отклоненные им вещи были где-то напечатаны. Короче, узнай, каких от тебя ждут доказательств. И могут ли они вообще быть у тебя?

— Так они и сказали, — вмешался Топилин. — Что же они — дурачки?

— Не надо о них заранее плохо думать. Кроме того, что они начальство, я еще не вижу ни одного довода против них. А решение будут принимать все-таки они. И решение не из легких. И единственное, что мы можем сделать, это убедить их принять правильное решение.

Глава V+10

Тонкости новой профессии

Тихомиров ошибки не сделал. Явился на предварительный разбор. В синем костюме, седой и с орденскими планками. Вместе с ним была Кичалова Марина Викторовна, Мосалов, директор и профкомовский босс Северьянцев. (Лицо пятое — Северьянцев Борис Павлович. Режиссер. Поставил несколько хороших спектаклей и номеров. Очень хочет всемирно прославиться и совсем не хочет с кем-либо ссориться. Вежлив. Скорее гибок, чем тверд. Член всех комиссий, заседаний, пленумов, правлений, семинаров. Везде заместитель председателя или вице-президент. С точки зрения всемирной справедливости, человек все-таки полезный. В суде, очевидно, защитник.)

Они молча вошли и сели, не глядя на меня. А мне было не до критериев. Я бултыхался среди них один как в проруби. Просто находиться в этой недружественной тебе биомассе и то было трудно.

— По сложившемуся у нас ритуалу, — сказал Северьянцев, — перед заседанием товарищеского суда мы должны устроить предварительный разбор. Может быть, за это время Бултых понял неблаговидность своего поступка и готов принести любую компенсацию или извинения.

Все смотрят на меня. А, черт! Может, действительно извиниться?

— Ни в коем случае! Никаких извинений быть не может. Мой пост доверен мне не Бултыхом. И не ему давать оценку моей работе, — сказал Тихомиров. — Может быть, я работаю плохо. Может быть, репертуар, который я засылаю на эстраду, слишком строг. Но пока никто еще ни в пошлости, ни в политических отклонениях, ни в критиканстве нас не обвинял. Так или иначе, выходку Бултыха я считаю оскорблением, дерзостным хулиганством, за которое он должен понести ответ. Мало того, наказание его должно послужить уроком другим хунвейбинам и кляузникам, возомнившим себя вершителями судеб.

Была долгая-предолгая пауза, во время которой я делал выводы.

— Что вы скажете, Бултых? — обратился ко мне Северьянцев.

— Я совершенно согласен с Афанасием Сергеевичем. Никаких извинений быть не может!

Заседание суда было назначено на 22-е число на три часа.

Из дверей я полетел к бабушке докладывать обстановку.

— Ну что ты скажешь?

— Ничего. Раз ты стал хунвейбином, дело приобретает политическую окраску.

— А что это значит?

— Опять же ничего. Просто нужно обратиться к специалисту. То есть к твоему Штирлицу.

И верно! Как же я сам позабыл? Я сразу же позвонил по телефону своему секретному боссу и попросил срочного свидания. Будем с ним вечером кататься на машине по городу и просчитывать варианты.

По-моему, у каждого человека должен быть свой секретный босс. Босс — счетно-решающее устройство. Со своим я на одном заводе познакомился. Он там лекцию читал в устном журнале о политическом равновесии сил во всем мире и у нас. А я выступал потом. И еще дурака валял за сценой, всех пародировал, чем ему сильно понравился.

Он — большой начальник на телевидении. У него кабинет, секретарша, машина и держится он солидно. Но что-то осталось в нем от уличной шпаны, и относится он к своему номенклатурному положению с чрезвычайной иронией.

Так или иначе он любит играть в мои игры, учит меня. А потом по результатам смотрит — толково или бестолково мне советовал. И ему практика политической деятельности, и мне польза. И вообще, он ко мне уже привык и даже, кажется, без меня скучает.

Я ему позвонил:

— Здравствуйте. Нам с вами необходимо встретиться. По крайней мере так считает народ. Если у вас все в порядке.

— Народ — это вы?

— Нет. Это я и бабушка.

— Что-нибудь важное?

— Боюсь, что да.

— Ладно. До вечера. Только позвоните мне для контроля.

Вечер. Звонок для контроля.

И вот подъезжает машина.

— Садись, — сказал босс и открыл мне дверцу. — Поехали, Володя.

Машина побрела по вечернему городу. Володя, кучерявый шофер-хулиган, одним глазом на дорогу смотрел, другим на меня косился.

— Ну, — спросил босс, — во что мы соизволили влипнуть?

Я рассказал. Толково и коротко.

— Более чем занятно, — откомментировал он. — Но в этот раз, кажется, Иван Николаевич, тебе крышка. Если вы выкрутитесь, молодой человек, я буду удивлен.

Тут я психанул:

— Что, уже ни одного честного дела сделать нельзя, чтобы тебя за идиота не считали?

Пауза.

— Да только я все равно выиграю!

Пауза.

— А вдруг? Смешной ты юноша! Ладно, расскажите нам с Володей что-нибудь веселое. А то мы с ним измучались. Он в машине, я в аппарате государственном. Расскажите, как вас когда-нибудь куда-нибудь не туда занесло. А потом поразмышляем.

Что верно, то верно. Именно несет меня всегда. Но что удивительно, несет меня всегда не по течению, а против.

Вот вам, пожалуйста, типичная и яркая история.

История

ВЫГОВОРА ЗА ШУТОВСТВО В ГОСУДАРСТВЕННОМ УЧРЕЖДЕНИИ ГОРОДА ЧИСТООМУТА

Наш завод опытный. Он осваивает новые автопилоты, налаживает технологический процесс, а потом передает на другие заводы для крупносерийного производства. И всю дорогу наши на этих заводах целыми командами крутятся. Дмитриев часто ездил и меня с собой брал. Как инженера и сборщика. И вот оказался я как-то в городе Чистоомуте. В командировке.

Иду я по улице. Вижу рыбный магазин. Ну нечего мне делать в рыбном магазине! Живу в гостинице, кормлюсь в ресторане, задаром мне этой трески не надо или хека.

А все-таки несет меня туда.

Захожу. Смотрю — селедка продается. Прекраснейшая селедка! Один человек ее покупает. И говорит:

— Заверните, пожалуйста!

— Не во что.

— Как же я ее понесу? — кричит он. — Она же ведь мокрая!

— Как хотите, так и несите. Нет бумаги у нас.

— Безобразие!! — кричит человек.

Тут я понял, зачем меня в магазин занесло. И тоже стал возмущаться:

— Странный покупатель пошел, — говорю. — Ему селедку дают, а он бумаги требует! Сегодня ему селедку заверни, завтра веревочкой перевяжи. А послезавтра он захочет, чтобы ему селедку на дом доставили. Так ведь до чего докатиться можно? До коммунизма полного! Нет, с такими людьми нам с горторгом не по пути. Дайте мне семь штук самых красивых. А бумаги не надо!

Взял я три штуки в одну руку, четыре — в другую и пошел против течения на улицу. Иду, сам не знаю куда. Вдруг вижу вывеску:

УПРАВЛЕНИЕ
ТОРГОМ
ГОРОДА
ЧИСТООМУТА

Вот то, что мне надо.

Вхожу, спрашиваю:

— Где тут у вас главный начальник сидит? Бывший...

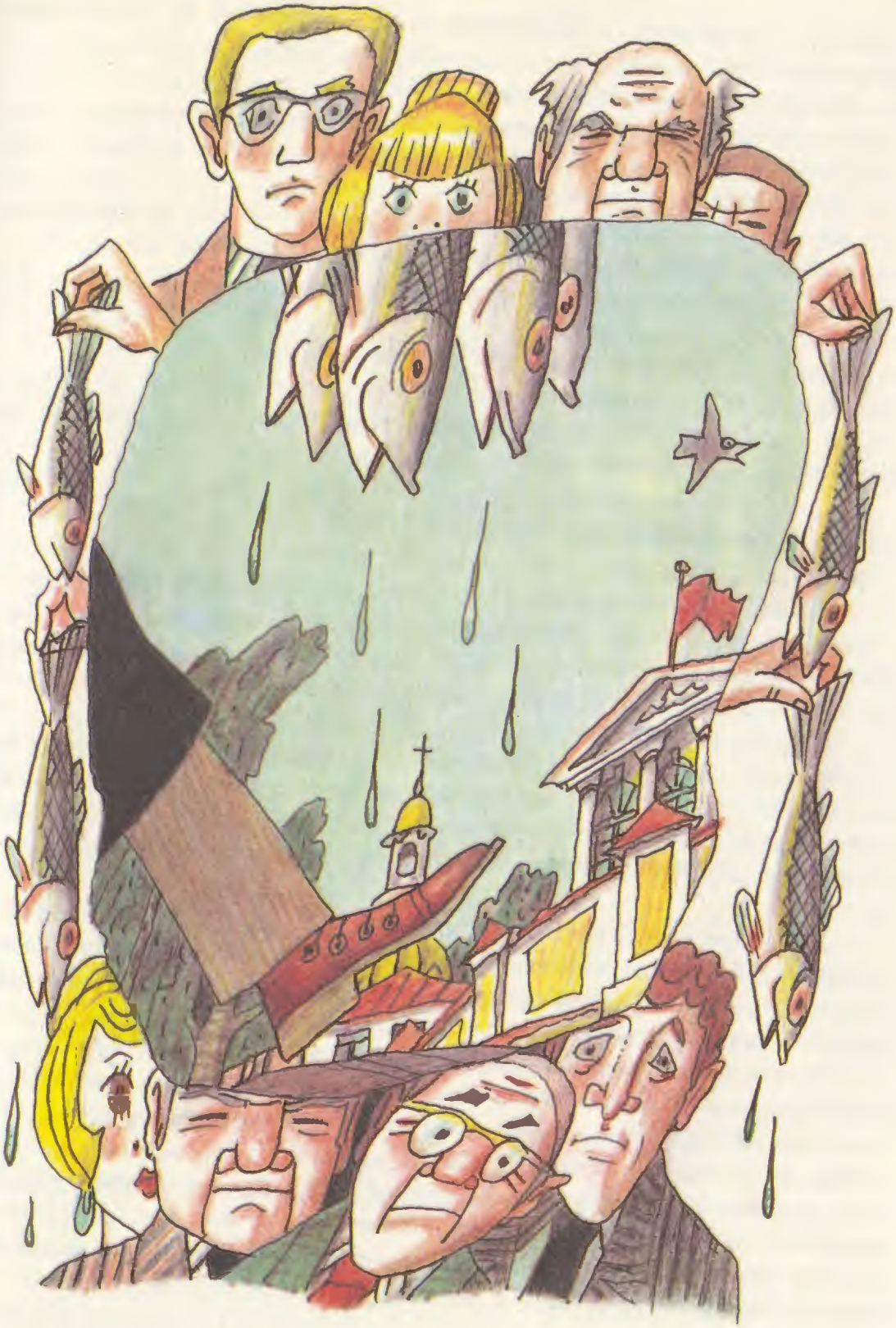
— На втором этаже пятая комната. Только он не бывщий, а всегдатошний. Он пять лет уже у нас.

Стал я раздеваться. Как пальто снять? Я гардеробщице говорю:

— Вы селедку подержите, пока я один рукав сниму, а потом мы поменяемся.

Она видит, человек одет хорошо, не скандалит, не ссорится. Селедку принес. Мало ли что: может, человек подарок хочет сделать начальнику или комиссия какая селедочная. Она и предлагает:

— Идите прямо в пальто. Прямо в кабинете и снимете.



Пошел я в кабинет к начальнику т. Григорьеву Н. К. Секретарша спрашивает:

— Вы почему в пальто? У нас совещание.

— А я, — отвечаю, — именно на это совещание и пришел.

— А это что?

— Это я образцы принес.

Стала она меня раздевать. Три селедки взяла — я руку аккуратно вытащил. Потом вторую также.

Так и стоим. Три селедки у нее, четыре — у меня.

— Как про вас доложить?

— Иван Бултых из центра.

— Знакомая фамилия, — говорит.

— А как же? Очень известная фамилия. В широких общественных кругах общественности.

— А что с образцами делать?

— Помогите мне их занести.

Вошли мы в кабинет.

— Николай Константинович, к вам товарищ Бултых с образцами.

Тов. Григорьев Н. К. встал. Смотрит на меня. Я с селедками. Две в одной руке, две в другой. Секретарша тоже с сельдью развесной в разных руках. Из одной они все вместе выскальзывали.

— Давайте знакомиться. Подержите, пожалуйста.

И селедку ему протягиваю, чтобы руку освободить для приветствия. Он селедки взял, со мной поздоровался. Секретарша свои образцы кому-то передала и к телефону бегом. Только два человека в кабинете остались, селедкой не охваченные. Я им каждому по селедке протянул:

— Посмотрите, как вам это нравится?

Они взяли. Стали рассматривать. Теперь все в кабинете стоят, селедки за хвосты держат. Положить нельзя: мокрая она, сочная, а выбросить жалко — селедка прекрасная.

— Зачем вы их принесли? — говорит начальник торга. — Что за образцы? Ничего не понимаю.

— Это образцы того, как у вас в городе торгуют неправильно.

Тов. Григорьев Н. К. понял все:

— А если у нас в городе бумаги нет? — говорит. — Может такое быть?

— А может такое быть, чтобы в городе электричества не было или воды?

— Сравнили тоже! Без электричества и воды жизнь сейчас немыслима.

— А я считаю, что и без бумаги жизнь сейчас немыслима. А если мне надо с этой селедкой в автобусе ехать или в самолете? А если у меня свидание назначено с девушкой? Мне так и сидеть с селедкой за хвостики?

И ушел.

Но самое смешное — эта селедка ко мне вернулась вечером. Сижу я в номере. Входит Дмитриев. А у него она в руках. Правда, не такая уже сочная.

— Привет, шут! Знаешь, где мне этот подарок вручили? В горкоме партии. И велели тебе передать со строгим выговором за шутовство в государственном учреждении. Что прикажешь делать?

— Ничего. Скажите, не на чем выговор писать — бумаги нет в городе.

Так и не расстался я с селедкой. Отдал дежурной по этажу. Через два дня бумаги в этом городе завались стало.

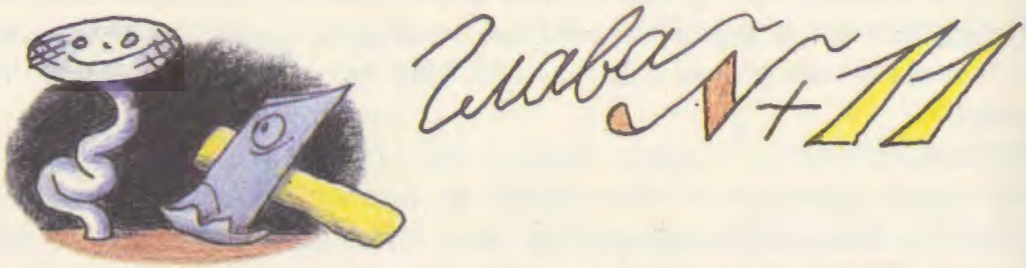
— Селедки не было! — вставил засекреченный босс.

— И селедка была. Только не было спокойствия в моей душе.

— Смотрите на него, Володя, смотрите внимательно. Этот человек недоволен своей судьбой. А у меня такое впечатление, что он имеет величайший блат не только на земле, но, может быть, и выше! Я все смотрю, когда он голову сломит, а ему все сходит с рук. И шутовство, и самодеятельность на арене, и пятое, и десятое, и одиннадцатое! Ну, ладно. В таких ситуациях, как с вашим Тихомировым, есть одно правило: враги. Его враги. Потому что, они твои друзья. С них и надо начинать.

Умница босс! Я сразу подумал — ДЗЮРОВСКИЙ!

— Дальше! Как чиновник он неуязвим. На работу приходит, водку не пьет, не дерется, руководит. И ваш Циркконцерт, судя по прессе, процветает. Поэтому победить его можно не по социальным, а по моральным категориям. По деревенским, человеческим понятиям — плохой работник, ненадежный товарищ, только себя уважающий человек. И в этой ситуации, если ты просто удерживаешься, считай, что ты выиграл. Вы несовместимы. Раз ты остался, он рано или поздно уйдет. Поэтому переходи к обороне. И третье, сейчас каждая порочащая тебя информация для них на вес золота. Можешь опередить их. Дать им что-нибудь заглотать. Типа разгневанного заявления зрителей, родителей, пенсионеров или, как ты говоришь, широких общественных слоев общественности.



Дзюровский и эстрадные номера

«РАЗГНЕВАННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ АРИВИДЕРСКОГО ЦЕЛИННОГО КРАЯ НИЧЕРНОЗЕМНОЙ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

Как нам это ни печально, сообщаем вам принципиальную правду. Нидавно к нам приезжала цирковая агитбригада так называемой московской эстрады цирка. В этой отличной, можно сказать, замечательной традициями бригаде, нас поразил слабостью и неидеологической направленностю рипиртуар якобы лжекомика Бултыха. Зал конечно смеется при помощи дешевых словесных ухищрений. Но после окончания люди ничего не выносят. Еще он строит рипиртуар на материалах местных газет, а значит неутвержденный в центре. Его клоунский наряд явно кричащего толка...»

Да ну их. Не умею я писать от имени населения местности. Да и чем-то это всамделишную анонимку напоминает. А впрочем, покажу главному «идеологу» — пусть она эту линию разрабатывает. Займусь-ка я Дзюровским. Если он включится — это будет самая сильная фигура. Человек он отчаянный, непрограммируемый и честный.

Когда я после совета Мосалова стал к нему звонить, он с первого же раза извинился и предупредил, что со временем у него плохо. И надо будет без обид несколько дней к нему пробиваться. Звонить каждый раз с утра и ждать свободного вечера.

Свободный вечер выдался после шестого звонка. Он попросил меня закупить бутылок десять пива и идти.

Дверь открыл он сам, и был он весь зеленый. Быстро взял пиво, налил стакан, выпил и мгновенно изменился лицом в лучшую сторону.

— Доработался до спазм, — сказал он. — Какой-то сумрак в голове.

Или пиво, или водка помогает, или в футбол поиграть. Ну все. Теперь отлегло. Давайте беседовать.

— Давайте. А то давайте в футбол играть.

— Это мысль. Мне это нравится. Сейчас мы устроим матч.

Юморист достал старую одежду для себя, а мне притащил кеды. Переодеваясь, он говорил:

— Антон Савельевич вас очень рекомендовал. Но я не уверен, что вам понравится то, что я предложу. Сможете ли вы это оценить. Кое-кому я предлагал — не поняли.

— Я толковый.

— Дело не в толковости. А в том, что юмор — профессия. И как врачам, так же и здесь надо абсолютно доверять профессионалам. Или самому быть таковым.

— Согласен.

— Уже хорошо. Тогда прослушайте маленькую лекцию. Я вхожу в пятерку лучших эстрадных авторов. Мною создано много номеров, построенных не просто на тексте, а на форме, на приеме. Некоторые из них забыты, некоторые закатаны до дыр, но в свое время все были открытиями. Например, номер с музыкальной шарманкой. Вот она. Крутишь за ручку и сыплется мелодия.

Он покрутил. Послышалось:

Эх, яблочко, куда ты ко...
Эх, яблочко, куда ты ко...

— Не хватает одной ноты. Чуть-чуть недоделано. Я как купил ее, сразу номер изобрел. Выходит актер к микрофону и начинает играть: «Эх, яблочко, куда ты ко... Эх, яблочко, куда ты ко...» Люди не понимают в чем дело и улыбаются. Он поет:

И кто же это изобре...?
Наверно, очень торопи...

То есть под такой аккомпанемент хорошо петь о недоделках, халтуре:

— А может, это просто бра...?
— Да нет, наклейка первый со...

— А может, выпустил дура...?
— Да нет, московский совнархо...
— Эх, яблочко, куда ты ко...?

— Емкая штука, — сказал я.

— Понимаете! И таких номеров я придумал много. — Дзюровский говорил, одевался и звонил по телефону, собирая футболистов на площадку за мебельным магазином. И давал мне пояснения:

— У нас смешные футболисты — один грузчик, три аспиранта, помощник министра, писатель, студент, инженер с сыном и доктор двух наук, то есть дважды доктор — Виталька Юрашев. Все слои населения представлены.

— Кроме крестьян.

— Это еще неизвестно. У нас есть один человек — черный ящик, который за все время не сказал ни слова. Подошел и встал на ворота. С тех пор стоит каждый четверг. Даже не знаем точно, как его зовут. Вот он может оказаться кем угодно: крестьянином или космонавтом. А Виталька Юрашев, хоть и толстый, бегает как лось и забивает больше всех голов. Возьмите его на себя.

Мы вышли на улицу и пошли к мебельному.

В этот день я, кажется, серьезно стал понимать, что производство юмора — такой же вид человеческой деятельности, как и производство радиоприемников. Может быть, лишь менее управляемое и более интересное.

Глава № 12

«В темном переулке мы поймали Мурку...»

Дальше мои поступательные в цирк события развивались так. Не знаю, откуда Антон Савельевич знал про пионерский лагерь, но совет он дал точнейший. И именно работа с детьми сделала меня настоящим клоуном.

В лагерь я попал просто. Насел на комитет комсомола. А они после курсов для поступающих школьников сильно меня уважали. Поговорил с

Дмитриевым, что мне нужен отдых, а то шлепнусь от перегрузки. И в конце концов отправили меня в лагерь радистом и руководителем радиокружка за те же деньги.

Начал я работать. Сначала мы монтировали световые загорающиеся табло — цифры, всякие лозунги. Такая западная реклама для сельской местности. Потом стали выпускать каждодневный концерт по заявкам отличившихся пионеров.

Что интересно. В каждом лагере есть радиоузел. И никто толком не знает, как его использовать. Один «Маяк» на всю округу запускают, последние известия пропагандируют. Другие сто раз любимую пластинку ставят. Скоро скворцы на Кобзона выучиваются. Третьи этот мощный рупор вместо горна используют. Короче, кричит репродуктор во всех лагерях, а все без толку.

Мы не так делали. Поставили почтовый ящик и попросили всех оставлять в нем заявки-письма. А кроме того мой помощник из старших пионеров по вечерам обходил отряды и составлял список отличившихся ребят-молодцов, которых надо было поощрить.

И у нас что-то вроде передачи «Здравствуй, товарищ» получилось. Нашу «Вечернюю Клязьму» весь лагерь с нетерпением ждал. Потому что у нас не только хвалебные заявки были, но и ругательные. Например: «Виталька Игнатов из первого отряда взял у меня ножик и до сих пор не отдает. Зажилил. Исполните, пожалуйста, для него песню „Рыжий, рыжий, конопатый“ и скажите, чтоб отдал».

Мы, разумеется, исполняли и говорили, чтоб отдал. Но, конечно, все заявки проверялись. И разведка должна была точно знать — брал ли Игнатов ножик и действительно ли он рыжий.

Когда от нас требовали песни, которых у нас не было, мы брали своего высококлассного баяниста и записывали с ним «Клен» Есенина или «Рябинушку». Иногда звали малышей и они с важностью и надрывом пели «В нашу гавань заходили корабли». Правда, с некоторыми изменениями. Слова:

В таверне веселились моряки,
Ой ли,
И пили за здоровье атамана...

заменялись на:

В таверне веселились моряки,
Ой ли,
И *пели* за здоровье атамана...

Или:

Вовка, Володька, поднажми да дай!
Вовка, Володька, ты не отступай...

Песни про Володьку-футболиста — любимца публики и про войну.

Прекрасный был у нас начальник лагеря! Просто поклон ему! Ни в чем не мешал. На любой риск благословлял и еще подзадоривал. Сам на педсовете отстаивал. Полная противоположность Тихомирову.

Но и радиоузел ему помогал как никто. Не было большей силы воздействия на ребят, чем этот чертов орущий слова и песни динамик. Только просил начальник не работать на всю катушку при родителях и вообще выставлять все это дело как полную детскую самодеятельность.

Большое влияние оказал на меня начальник, партийный человек Иван Тимофеевич Мятов.

— Я никогда, — говорил он, — не разговариваю с подчиненными серьезно. Я им все время лотереи устраиваю, чтобы сами приучились думать. Ко мне не бегали. Вот, например, вчера приходит повар: «Иван Тимофеевич, воды нет ни в одном кране. Что делать?»

— А врач сейчас где?

— Врач?.. На речку ушел с ребятами.

— Ну, в общем, пока его нет, возьми-ка пару ведер и добеги до болотца за изолятором. Там быстренько и набери. Чтоб никто не видел.

— Там?

— Ну да. Только лягушек выброси.

— ...?

— А плавунцов оставь. В них витаминов много.

Но неприятности и здесь у меня были. Правда, потом они в благодарность вылились. И даже в ГРАМОТУ ЗА ОБРАЗЦОВУЮ РАБОТУ РАДИОРУБКИ.

В нашем лагере, как и в каждом другом, все время паслись всякие делегации от завода: местком, профком и так далее. Районные и городские смотровые комиссии. А что? — есть возможность провести приятный день за городом. Ни забот, ни хлопот. Привезут тебя, накормят, напоят, а также самодеятельность покажут и домой увезут.

Чем лучше эти комиссии встречают, тем с большей охотой они вновь прикатить стараются.

Наш начальник поступал не так. Как только комиссия приедет, он

немедленно запустит ее в ревизионную деятельность. По всем отрядам проведет, все планы и распорядки покажет. Ванны и туалеты продемонстрирует. Особо трудных ребят приведет для беседы. Объяснит какого ему инвентаря не хватает. Проведет в изолятор, в бухгалтерию, на кухню. Соберет профсоюзные взносы и попросит на завод отвезти. И даже обед покажет... А если ему намекнут, что неплохо бы перекусить, мол... ответит:

— Это верно. Неплохо. Да вот беда, у нас первый отряд на день раньше из похода вернулся. И все на кухне вчистую подмел. Нету ничего!.. Да вы не расстраивайтесь. Около станции прекрасная рабочая столовая есть ресторанного типа. Там перед электричкой и поедите.

— Как? А мы свою машину отпустили уже...

— А мы нашего шофера... Он пиво в этой столовой пьет. Ведь он сегодня уже три рейса в город сделал.

И вот однажды после такого обращения с очередной делегацией в самое разочаровательное время моя передача началась. Сначала все хорошо шло. Магомаев пел, Эдуард Хиль. И вдруг:

— А сейчас по просьбе ребят первого отряда разучим с вами легендарную песню «Мурка». Народ желает ее знать! Прослушайте сначала мелодию в исполнении аккордеона.

Заиграл аккордеон. Комиссия сделала стойку.

— А теперь записывайте слова первого куплета.

Комиссия за карандаши.

Это все случилось
В городе Одессе,
Где котов немалое число.
Они тянут мясо
И крадут сосиски,
Если в этом деле повезло.

— Записали? Пишите дальше:

Была с ними кошка,
Звали ее Мурка.
Кошка нехозяйскою была.

— Запомнили? Прослушайте этот куплет в исполнении вожатого третьего отряда Николая Александрова.

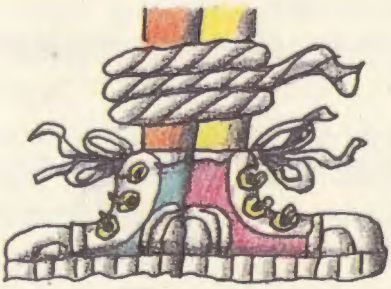
— А теперь в исполнении повара дяди Саши.

И сыпалась из репродуктора эта и другая белиберда.

Ну и врезала же мне комиссия! Если бы не товарищ Мятов, вылетел бы я из лагеря, как пробка. За пропаганду блатных вкусов и тлетворного влияния Запада. Он отстоял меня перед дирекцией. А дирекция его любила и уважала, потому что сама имела детей, а дети любили этот лагерь...

По вечерам я ходил в младший отряд и беседовал с ребятами. Они мне загадывали загадки, рассказывали анекдоты, а я на них реагировал.

И шло у меня и ехало. Набирались кирпичи к будущим сценам. И дети смеялись, и я привыкал к аудитории. Ну, малыши! Во, малыши!



Глава № 13

Продолжение «Мурки»

Итак космос и дети. Космос и де... Конечно мла... Потому что со старшими дело хуже. Старшие ребята, как я установил, бывают двух родов войск. (То есть просто двух родов. Войска тут ни при чем. Эти слова все время рядом стоят. Вот стереотип и срабатывает. А еще интереснее случается, когда рядом стоят два стереотипа:

ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР
ПОБЕДИТ ВОЙНУ.)

Первый род, а вернее тип старших ребят, это ребята, которые и от детей взяли все лучшее — товарищество, верность слову, стопроцентную доброжелательность к собеседнику, и от взрослых — умение принимать решения, ответственность за свои поступки, мужественность.

Второй тип — худший. Они от детей взяли все плохое: ухаживайте за нами, мы — дети, цветы жизни, мы — маленькие, нам все можно; и

от взрослых — мы самые умные, нас нечего учить, курение — это наше личное дело, когда хотим, тогда и приходим в палату.

Именно таким был в нашем лагере первый отряд.

Им скучно. Занимайте их. А попробуй их займи, когда их кроме танцев ничего не занимает. Танцы при свечах, при костре, при поэзии Есенина, при вечере патриотической песни, при блинах с приглашением первого отряда вторым и второго первым.

Лица детские, а со спины — мужики мужиками. Прекрасные ребята, витаминами и дефицитными продуктами напичканные. Этакие недоросли подобрались. Верно говорит детский народ про таких: «Дети — цветы жизни... на могилах своих родителей».

И никто с ними справиться не мог. Один вожатый пиво пить начал с ними, на панибратство пошел, второй отказался через день, а третью, знаменитую, самую железную, через неделю с сердечным приступом увезли.

И стал я думать, чисто теоретически, чем бы я их взял? Чем бы я их занял? Как бы я с ними справился? Придумал.

— Давайте, — говорю, — футбол показательный, кувыркательный устроим.

— А как так?

— Так. Мальчики против девочек. Почти что танцы. Только на поле с мячом.

— Да мы же их!

— Под сто : ноль!

— А мы вас веревками свяжем! По двое или трое! Много вы набегаете!

— Э!!! Тогда они у нас выиграют!

— Ну и пусть. Дело не в выигрыше. Надо коллективный цирк устроить. Для зрителей. Падать нарочно, кувыркаться, орать. Поняли?

— Отлично!

Раз они клюнули, надо качать. Нельзя такую штуку так запросто отдавать. Всегда в любом деле хоть немного, но следует поторговаться. Надо быть азиатами.

Золотое правило есть у собачников — не отдавать щенят бесплатно. Хоть два рубля, хоть три получают с нового владельца. Тогда щенок становится ценностью, товаром и просто выбросить его жалко — ведь деньги плачены. Умру теперь вместе с этой кривоногой собакой, чтоб она сдохла!

Стал я торговаться: приготовьте форму, напишите смешное объявление, объявите по радио, придумайте и отработайте смешные трюки. Короче, заработали мои бестолочи!

Выбирали жюри. Назначали призы за лучший гол, благороднейшего игрока, за самую интересную комбинацию.

Очень малышовые у нас были здоровяки. И на этой инфантильности я ехал. Им во что бы то ни стало хотелось все призы выиграть.

Дети и другие инфантилистические организации (типа фашистской) ни в чем не хотят уступать никому. Во всем должны быть на первом месте, все завоевать, получить. Это служит им подтверждением того, что их строй самый лучший, их методы самые верные.

Короче, и сам я работал, учился руководить зрелищем и весь лагерь в напряжении держал. Надо было сделать так, чтобы за 60 минут никто от последнего пионера до первого человека с кухни с поля уйти не захотел.

Но зато зрелище, я вам скажу, было — закачаешься!

Светит солнце. Ярко одетые ребята и девчонки носятся по полю с жутким старанием. Стадион орет. А кто хочет — принимает участие в игре при помощи двух натянутых через все поле канатов. Бежит игрок и в зависимости от того чей — канат натягивается перед ним или опускается.

Много сюрпризов. Ну хотя бы, что эти твердоногие соколы из первого отряда стали девчонок сносить, бить их веревкой в пояс. Поэтому немедленно веревки к ногам! А во время перерыва поменяли их на резиновые бинты.

Сам я на воротах стоял. И тоже в игру втянулся. Прыгал как зверь и под ноги бросался. И все время вместе со старшей вожатой. Я у нее на веревке как сенбернар был на привязи. Как я кинусь к мячу, так ее и валит с ног. Пока повариха с кухни на помощь к ней не подошла. Тут я уже больше не рыпался.

Вот бы что по телевизору передавать.

Проиграли мы — три : один.

А с тех пор появилась у меня странная мечта: залить арену ртутью сантиметров на тридцать. Сверху масла веретеночного, чтобы пары ртути не пропускались. Прожектора на полную мощность. А на середине какую хочешь игру проводи — от борьбы нанайских мальчиков до ручного мяча и ртутного поло.

Через наших работников Министерства культуры пробиться с таким делом трудно. И художественную ценность обоснуй, и технику безопасности соблюди, и фонды ртути выколоти, и средства раздобудь, и гарантии успеха приведи...

Господа капиталисты, заинтересуйтесь!

Глава N+14

На суде никто у нас не лишний

Вот уже несколько вечеров обсуждаем мы втроем положение. Вырабатываем стратегию. Вернее не столько мы ее вырабатываем, сколько меня прорабатываем.

Это неплохо. До сих пор сидит во мне комплекс инженера. Все-то я себя со своей всесоюзной славой и заработком на друзей-инженеров меряю. Имею ли я право на такое количество свободного времени? На такую квартиру? Полезна ли моя деятельность не только для меня самого? И чем больше неприятных слов скажут мне мои милые, тем больше я буду рад.

— Бабуся! — кричу я. — Подай мне, пожалуйста, телефон.

— Да он же у тебя в комнате!

— А я на проволоке!

Бабушка подает мне телефонный аппарат и говорит:

— Когда война начнется, тебе непременно надо будет в лес идти.

— В партизаны, что ль?

— Нет в обезьяны. Ты уже вполне созрел для жизни на ветке.

— Бабушка, бабушка, Вера Петровна, вот ты опять ругаешься, не даешь мне житья, надрываешь мое бедное сердце. А я ведь не просто на проволоке болтаюсь. Я общественное мнение формирую. Гласность — вот наша сила. Никаких личных целей я не преследую. И любой человек, имеющий отношение к цирку, должен знать мою точку зрения. Вот послушай, бабушка.

— Алло, привет, старик! Знаешь, какую я кашу заварил? Ничего не слышал? Ну, я тебя порадую. Я с Тихомировым сцепился. Он — такой гад. Ради своего места кем угодно пожертвует... Знаешь, почему тебя за рубеж не пустили? Он на худсовете сказал, что твой репертуар идеологически не очень выдержан... Нет, ты ошибаешься, это не его право. Его право — формировать нам репертуар, а он взял себе право давать нам оценки — советские мы или не советские. Он все перевернул с ног на голову. Не он приносит нам сценки, тексты, интермедии, а мы ему. А он

кочевряжится, говорит, что они вредные. Очень удобная и выгодная позиция! Да, вопрос более чем сложный. Вот и приходи на суд, разбираться.

— Я думаю, что с Тихомировым ты все-таки прав, — говорит бабуля. — И меня все больше и больше убеждают в этом точные формулировки. Займись ими.

— Займемся, бабушка... Алло, можно Петрова?! Хорошо... Не об этом... Помните сценку, которую нам Дзюровский предложил. Про слона. Топилин сторожа играл, а я хотел слона украсть и на запчасти пустить... Тихомиров сказал, что это сатира. Этим должен «Фитиль» заниматься, «Крокодил», а не цирк. Что это пародия на «Берегись автомобиля» и подрыв советского кинематографа... Помните, я по вашему совету еще Топилина отвлекал и в патроны сахарный песок сыпал вместо соли...

Ой! Один неверный жест и чуть-чуть не грохнулся с проволоки вместе с телефоном.

— Ну, все, до встречи!

И снова жонгляж и баланс. Если я высококлассный специалист, я не пропаду. В любой системе ценят специалистов. Даже очень кляузных и скандальных!

— Бабушка, а ты меня чем порадуешь? Какие меры принимает генеральный штаб?

— Вот, — сказала она. — Эта штучка нам пригодится.

— Что это?

— Приглашение на товарищеский ужин. Сто экземпляров купила. Читаю:

«Уважаемый (ая, ые)....., приглашаем тебя (вас, всех вас) на товарищеский ужин по случаю..... Ужин состоится в помещении.....по адресу.....Начало товарищеского ужина..... Форма одежды.....

С уважением...»

— Самое, конечно, время, бабусенька, нам товарищеские ужины устраивать на сто персон, когда у нас товарищеский суд на носу...

И тут же я дотумкал:

— Ай да бабушка! Ай да светлая голова! Неправильно наша страна, то есть родина, делает. Не на тех людей ориентируется. Она все о молодежи печется. А надо бабушек воспитывать. Сто тысяч таких бабушек, как моя, и мы перевернем Советский Союз! Всю промышленность и сельское хозяйство поставим на ноги!

— Понял теперь?

— Таперича понял. Таперича ясно мне.

Умница моя бабушка! Раз мы правы — надо как можно больше людей в

это дело включить! Чем больше людей участвует, тем меньше возможность сделать ошибку. Прописная, никому неизвестная истина со времен Юлия Цезаря.

Если все это выразить формулой, наверное, получится:

$$\beta = К \frac{\alpha}{М},$$

где:

К — коэффициент объективности,

α — количество людей, заинтересованных в совершении ошибки,

М — количество людей, не заинтересованных в совершении ошибки,

β — вероятность ошибки.

Если переносить эту формулу на суд, то α — это прокурор, а М — количество присяжных заседателей, К — скорее всего настрой судьи. Мне кажется, К всегда больше единицы.

С такой точки зрения я стал заполнять пригласительные билеты. Фамилии вписывать и ужин на суд заменять:

«Уважаемый Сергей Николаевич! Приглашаем Вас и всех вас на товарищеский суд по случаю того, что клоун Иван Бултых предложил своему начальнику Тихомирову уволиться как бесполезному. Суд состоится по адресу Светлаевский пер., 11. Ваше присутствие желательно для справедливости.

Начало товарищеского суда в 15.00. Форма одежды торжественная.

С уважением, подсудимый И. Бултых».

Сергей Николаевич Носач — автор-исполнитель цирковых куплетов. Уж ему-то Тихомиров поперек горла стоит:

— Импровизировать на сцене нельзя. Неизвестно, куда это заведет...

— Городское начальство высмеивать не следует. Будет плохая пресса...

— Про большую химию ни слова. Она сейчас на щите...

— О сексе ни намека. К нам десятиклассники ходят...

— Про пьяниц нельзя. На наших концертах иностранцы бывают... Они могут подумать, что в России все еще пьют...

— О чем же можно петь?

— О производственной дисциплине. Что некоторые ее недостаточно высоко повышают. А некоторые «иногда, кое-где у нас, порой» немного понижают.

А Сергей Николаевич к успеху привык. К тому, что публика ахает иной раз от его намеков и выводов. Я просто поражался, как при таких условиях, на пустом месте можно сделать что-то смешное.

Вот черноморские куплеты:

Все, что хочешь, есть на пляже:
Пробки и бутылки даже,
И глядят в бинокли турки,
Как в песке лежат окурки.

Про черствый хлеб в Новороссийске:

То ли глупость, то ли мода —
К огорчению народа,
Вынимают из печей
Хлеб чуть тверже кирпичей.

Ничего особенного, но и ничего крамольного. А Тихомиров велит эти строчки в двадцати инстанциях согласовывать.

— А в управлении пляжей вы были? А что торговое управление говорит? Понятно. И все-таки мы эти попевочки снимем. У вас есть куплеты про телевизор.

— Да им же тридцать лет!

— Стало быть, проверенные. Здесь их еще не знают.

— Но мы же можем помочь горожанам.

— А можем повредить. Это дело серьезное. Пусть им «Фитиль» занимается или «Крокодил». Мы — концертная организация, а не госконтроль.

Так что у Сергея Николаевича при имени Афанасия Сергеевича дергания по лицу идут. Он со своими куплетами будет не лишний. И вообще — на суде у нас никто не лишний...

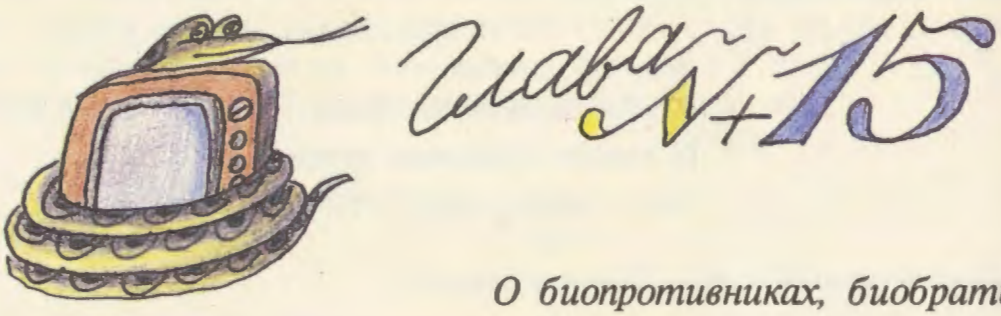
Заполняем билеты дальше:

«Уважаемый тов. Дзюровский, приглашаем Вас...»

«Уважаемые сотрудники журнала „Эстрада и цирк“, родные! Приглашаем всех вас...»

В городском саду играет
Духовой оркестр...
На скамейке подсудимых
Нет свободных мест...

Эстрадная народная песня



Глава N+15

О биопротивниках, биобратьях и биосестрах-хозяйках

Вечером Топилин принес приятное известие — приемная комиссия циркового училища согласилась на меня посмотреть. Значит, если все будет хорошо, я смогу получить документ, заменяющий в данном случае цирковой диплом.

А еще подошла очередь

ВОЗМУЩЕННОГО ПИСЬМА СЕСТРЫ-ХОЗЯЙКИ И ГРУППЫ ОТДЫХАЮЩИХ ДОМА ОТДЫХА «ЗВЕЗДОЧКА» Г. НОГИНСКА

Вступление. Не знаю почему, но очень меня тревожит Марина Викторовна Кичалова. Заместительница Тихомирова... Холодная светская тетенька. Если Тихомиров мой враг социальный, то она — неизвестно какой. Биологический, что ли. Я не знаю, как это объяснить, но каждая наша реплика друг друга раздражает. И даже в одной комнате нам находиться неприятно и нет никакой возможности.

Мне кажется, я всем добро приношу. По крайней мере, стараюсь. А есть люди, которые так и мечтают ближнему зло сделать. Сделают и радуются, будто долг какой выполнили. Я таких людей за версту чувствую. А они меня. Между нами сразу как бы искра проскакивает. И сразу вспыхивает ненависть.

Приехал я однажды в дом отдыха авиационной промышленности. И обратил внимание на дежурную по корпусу. Причесанная, аккуратная вся, а глаза холодные и от самой так ненавистью к окружающим и разит.

Если у человека нога болит, она его на верхний этаж отправляет. Молодежь с гитарой обязательно к скандальным старушкам подселит. Гитаристы шуметь хотят, а старушкам покой нужен и воля. Значит, скандал будет. А дежурной этого и хочется. Может быть, даже подсознательно.

Чистота в корпусе идеальная, не придерешься. А телевизор в холле не работает: так тише. Стол для настольного тенниса есть, а ракеток и шариков нет: незачем вам играть, отдыхать приехали.

В одиннадцать входная дверь на замок. Если кто задержался в лесу

или на прогулке по реке, она его минут сорок стучать заставит, чтобы он весь корпус перебудил.

Люди мимо дежурной ходят как мышки. В чем-то себя виноватыми чувствуют.

Я ей говорю:

— Почему у вас телевизор не работает?

— Потому что сломали его такие, как вы, отдыхающие!

— А разве мастера вызвать нельзя?

— Это вам делать нечего, вы и вызывайте. А у меня вон какой корпус на руках!

— Можно я его сам починю?

— Ишь чинильщик нашелся. Я потом всю жизнь не расплачусь. Не мешайте мне работать. Я ведомости на простыни составляю.

«Нет, — думаю, — неправда тут. Никто у такой не решится телевизоры ломать, кому жизнь дорога. Сама она это сделала, чтобы не мешали ей».

Решил я ее на три минуты из холла вывести. А там разберемся — зря, что ли, лучший сборщик я?

Нашел я одного старичка отъезжающего:

— Помогите, — говорю.

— Как?

— Очень просто. Мы вам мелом подметки намажем и пустим мимо нее по паркету. Вы на выход и в лес. Как только она глаза от стола оторвет, она же по следам тигром кинется. Такой случай отдыхающему скандал закатить! А пока она бегать будет, я мигом телевизор починю.

Старичок так переживал, так боялся, что пять шариков валерьянки выпил, пока ему башмаки мелом мазали. Но уж больно она ему нервы портила во время отдыха.

Он говорит:

— А как же я из комнаты своей выйду? Она сразу увидит, откуда следы идут. Ведь душу вытрясет. Удавит.

— Нет, не допустим мы такого промаха.

Взяли мы старичка на руки, в коридор вынесли и пустили его. Сами скорее вперед: стали около стола дежурной — горизонт загораживаем.

Старичок пролетел как ошпаренный, на улицу по асфальтовой дорожке и в лес. Поплутал там, ноги о траву вычистил и назад. На весь вечер спрятался в мужском туалете скандал переживать.

А она подняла голову — видит следы на ковре. Глаза у нее зажглись, бросила она свои простыни и по следам!

Я к телевизору. В момент крышку снял — смотрю. Вижу, все в по-

рядке, машина — идеал. Лишь одной лампы нет и предохранитель вытащен. Где они? Не дай бог, стол заперт.

Бегом к столу. Слава господи, открыт! Как увидела она следы грязные на ковре, все на свете забыла от радости.

Открываю ящик — лежат! В коробочке со скрепками и ластиками. И шары для пинг-понга там, и ракетки. Я их скорее вынул и на диван положил. А сам к телевизору. Лампу вставил, предохранитель ввернул, антенну на место и включил его на всю ивановскую.

Тут и она бежит. Глаза от следов не отрывает. Не нашла в лесу старичка, пошла смотреть не куда, а откуда следы идут. Вся пунцовая, пятнами покрытая, и на тебе — такой удар: телевизор работает!

Прошла она до конца следов — ничего не понимает. С неба, что ли, человек упал? Или он сначала по потолку шел, ноги выбелил? Вернулась назад злее прежнего. На телевизор и не глядит.

— Это кто в мой ящик лазил? Кто мой стол открывал? Может, здесь воры есть? Может, мне милицию вызвать?

Я стойку сделал. (Дело-то выиграно.)

— Вызывайте, — говорю. — Есть среди нас воры. Лампы из телевизоров у отдыхающих крадут. Ракетки от пинг-понга прячут, чтобы ими потом спекулировать, наживаться за счет дома отдыха.

Конечно, она не думала спекулировать. Только с ней по-другому нельзя: в самом деле милицию вызовет. А тут притухла — видит, дело как-то не так оборачивается.

Замолкла и села за стол. А злость от нее так и идет волнами.

И началась у нас с тех пор война не на жизнь, а на смерть.

Стала она за мной следить, поджидать, когда я ошибку сделаю. То ли вернусь поздно, то ли стакан с киселем уроню на ковер, то ли, дай бог радости, пьяным напьюсь.

Я в таких случаях люблю опережать события, хотя я отдыхать приехал, а не воевать.

Пошел я в магазин, купил пузырек с тушью, кисти и большой кусок целлофановой пленки. Несу мимо нее, чтобы она видела.

— Что это у вас? — спрашивает.

— Да вот, хочу стенгазету выпустить. Рисовать буду.

— Нечего в комнатах рисовать! В лесу рисуйте. Вы всю скатерть перемажете.

— А я ее сниму.

— Значит, помнете.

Я говорю:

— Давайте, я сначала что-нибудь перемажу или помну, вы тогда и действуйте. А то я еще ничего не сделал, а уже ругани получил за двоих.

И в комнату ушел.

Потом я взял пленку, выкрасил ее тушью и положил на стол. А рядом пузырек опрокинутый. Получилось: будто огромная клякса на столе. К пузырьку и к кляксе я ниточку привязал, а конец ее за окно выбросил. И ушел. Встал под окном рыбу ловить.

Только я за дверь, она в комнату. Увидела кляксу, обрадовалась и бегом директора вызывать. Она к телефону, а я ниточку потянул и кляксу вытащил.

Иду к себе в комнату, а дверь заперта. Я стою жду.

— Дайте, — говорю, — ключ от моей комнаты.

— Незачем вам в эту комнату ходить. Вас выселять будут.

— Это за что?

— За то, что вы мебель государственную портите. Да еще заплатите в тройном размере. Я сразу поняла, что вы за фрукт. Только я и не таких видела!

Подошел директор и еще народ. Она говорит:

— Посмотрите, Ксенофонт Ильич, каким он вредительством занимается! — И дверь открывает.

Ксенофонт Ильич глядит: никакого тебе вредительства, чистая скатерть, все прибрано. Он на нее уставился. А она не может понять, что случилось.

— Только что здесь клякса была на весь стол. И графин разбитый. Я сама видела.

Это ей, конечно, почудилось. Но уж больно хотелось меня проучить. А получилось — наоборот.

Я говорю:

— Никакой кляксы здесь не было. А вот бумажник был. И в нем тысяча рублей.

Она даже опешила:

— Зачем вам в доме отдыха тысяча рублей?

— Как зачем? За мебель платить государственную. В тройном размере. Вам же ничего не стоит диван пилой перепилить, а потом сказать, что это отдыхающие сделали.

Тут Ксенофонт Ильич передо мною извинился:

— Она, конечно, строгая, но работник замечательный. Смотрите, какая чистота у нее.

— Точно, — говорю, — как в больнице чистота. А строгость как в тюрьме. От такой чистоты люди здесь не поправляются, а как свечки тают.

— Не может быть! — он говорит.

Пошли мы с ним в главный корпус. Подняли списки отдыхающих — и точно. Во всех корпусах люди выздоравливают, а здесь — все наоборот. Кто на три килограмма похудел, кто на два, а кто и на все четыре. Кто на голову жаловался, после отдыха и на сердце жаловаться стал.

— Вот так-то, — говорю. — К ней надо толстых подселять и здоровых, чтобы худели. — И ушел. А директор сел и задумался.

— А если тебе все это показалось? — спросила бабушка. — Может, она прекрасный работник. А ты разгильдяй, и у тебя к ней идиосинкразия? Может быть, ты зря травил хорошую женщину?

— Она, наверное, так и считает. И доказательств у меня почти никаких. Только нам в одном здании тесно, и любому видно, что она меня ненавидит! Потом я никогда бы не стал ее судить один. Все тридцать отдыхающих были против нее и все мне помогали. И в-третьих, как только ты увидишь Марину Викторовну, тебе все станет ясно!

Эту речь я произнес, стоя на проволоке. И Топилин сказал:

— А ведь это мысль!

— Что мысль?

— Мысль — тебе выступать на тросе.

— Действительно, мысль. А как же его натянуть? Мы что же, придем пораньше и начнем оформлять зал суда в нужном нам духе? Как для зрелища.

— Именно так! — сказала бабушка.

— Не дадут.

— Значит, перехитрим.

И таким образом возникло следующее дело —

Глава № 16

Посещение родного завода

Я позвонил Дмитриеву и сказал, что мне необходимо с ним встретиться. Как ни странно, Дмитриев обрадовался звонку:

— А, знаменитость! Звезда эстрады и цирка! Что — соскучился или дело есть?

— И соскучился, и дело есть.

— Приходи к 11 ровно. Это мертвое время. Утренние хлопоты кончились, дневные еще не начались. Мы с тобой спокойно побеседуем. Только на завод ко мне не просись.

— Ну что вы, Виктор Павлович, скорее вас к нам на эстраду потянет, чем меня к вам инженером-технологом.

И вот иду я. Иду выспанный, не торопясь. И вокруг меня покой разлит, никто стометровку не сдает. Благодать! Благодатушка! А бывало я шел сюда по утрам чуть не плача.

Первым делом я зашел к Бычкову. В закрытый цех проник. Дело это чрезвычайно сложное. (Для тех, кто не умеет, и для шпионов.) И у нас состоялся такой диалог — я говорил, а он понимал.

— Здравствуйте, можно вас на минутку.

Смотрит.

— Подойдем на секунду к окну.

Идем.

— Видите — противоположную пятиэтажку красят.

Видит.

— Корзина поднимается двумя лебедками. Они в ней закреплены. Каждая центнер весит. А нельзя ли такой механизм для натягивания троса портативным сделать? Хоть из меди, хоть из платины? Чтобы трос как струна натягивался. Два дома шестиэтажных я связал или два троллейбуса, ручку как у спиннинга покрутил... и они притянулись. И чтобы все устройство было не больше пивной кружки.

Он на полсекунды задумался.

— И чтобы особый крепеж был на тросиках. Чтобы можно было не только троллейбусы тащить, но и провисшие канаты натягивать.

Люди типа Бычкова думать не умеют. Даже задумываться. У них голова как-то так устроена, что они решение находят мгновенно. Или никогда. Если их сразу не осенило, хоть сто лет они будут решать, ничего не придумают. Но, как правило, таких людей осеняет сразу же. И в самых сложных случаях! И решение они находят оптимальное по всем составляющим. Будто в голове у такого человека целое КГБ сидит. И полугодовую работу делает в секунду. С четвертью.

Когда глаза у него прояснились, я понял — решение готово.

— Можно я в конце дня вам позвоню? У вас есть домашний телефон?

— Запишите.

Я к Дмитриеву пошел. Он меня встретил в кабинете агрессивно:

— Где это ты застрял?.. То есть вы... Тьфу ты! И так и так неловко. Секретарша моя с полчаса тебя уже как видела.

— Я к Бычкову заходил.

— В закрытый цех?

— Ага.

— Как же тебе удалось?

— Виктор Павлович! Есть сотни способов пройти через вооруженный и самый бдительный контроль. Есть тысяча способов для выноса с производства всего чего угодно. Но доводить эти знания до сведения начальства опасно и вредно.

— Это верно, — согласился Дмитриев. — Я тебе как постороннему скажу. У нас на днях сверлильный станок пропал из литейки и цветной телевизор из клуба. Ну как?! А у соседей умельцы лошадь украли и двухлучевой осциллограф немецкий для проверки переходных процессов в электросистемах.

Тут я на манер Бычкова ничего не сказал, только глаза затуманил. А он продолжал:

— Кому эта лошадь понадобилась в городе и как ее через проходную провели?! Уму непостижимо! Там у них инспектор из МУРа вторую неделю народ спрашивает, глаза с неба отвести не может — вопрошает все. Электронный сторож. Охрана военизированная. Так нет тебе — пропала лошадь со всем парадным одеянием и сбруей. А кучер запил.

— А я знаю, как они лошадь вывели.

— Ну и как?

— Они ей портфель дали, берет напялили и под видом Кустенки провели.

Тут Дмитриев грохнул. Потому что был у нас общий куратор с соседями, из министерства — Кустенко. Очень на лошадь походил лицом, или физиономией. Кое-кто говорил, что он в молодости хорошим актером был — лошадь играл в кинофильме «Чапаев». Так хорошо играл, что его потом чуть-чуть в табун не отдали.

А я у Дмитриева спросил:

— А у вас инспектор из МУРа глаза к небу не держит?

— Зачем он нам? Сами разберемся.

— Но ведь пропажа?

— Никакой пропажи нет. Мы этот станок в металл списали. В черный металлолом.

— А цветной телевизор в цветной металл?!

— Не скажу! У начальства тоже должны быть секреты.

— А по-моему, нет. Гласность в работе ведомств. Вот главный лозунг недели. Я имею в виду газету.

— Если ты за гласность, скажи, как ты прошел в закрытый цех?

— Есть много способов...

Потом он успокоился и у меня спросил:

— С чем пожаловал?

Я ему рассказал несколько эпизодов, связанных с Тихомировым. О юморе, о детях, о холуйстве.

— А что от меня требуется?

— Лебедка портативная.

— Зачем?

Я объяснил. Он уперся:

— У нас завод авиаприборный, а не изобретательская лавочка. Не выйдет.

— Виктор Павлович, но ведь такая штука и в производстве понадобится.

— Когда понадобится, тогда и изобретем... А сколько этот твой Тихомиров получает? Какой оклад?

— 350.

— А сколько у него народу в подчинении? За что он отвечает?

— Я да Топилин. Да еще куплетистов пара. Да заместительница его. А отвечает он за две гастрольные программы. Только за тексты.

Тут Дмитриев взвился:

— Да у меня одних рабочих десять тысяч! Да я за каждую аварию в ответе! А план?! А госиспытания?! А министерство на шее?! Ну я ему дам!.. А может эта штука в ширпотребе понадобится? От нас сейчас ширпотреб требуют.

Вот что значит равная оплата за неравный труд!

— Еще как. Если подъемного крана нет, ею можно что хочешь на высоту тащить. Хоть груз, хоть колокол для церкви. Антенны телевизионные ставить в деревнях.

— А машину можно вытаскивать?

— Хоть грузовик. Привяжи к дереву и тащи.

— Заманчиво. Интересно, а есть она на Западе? Посмотреть бы образец.

Я решил похвастать:

— Представляете, такой штуки даже у проклятых капиталистов нет.

— Да? — насторожился Дмитриев. — А может, и нам не надо?

— Надо, обязательно надо. Есть такие на Западе. При их-то перепроизводстве не может не быть. Пойду в научную библиотеку, принесу фотоснимки.

— Это другое дело, — сказал главный. — И еще вот что, организуй нам письмо какое-нибудь об этой лебедке. От кого хочешь, хоть от жэка своего. Хоть от группы нуждающихся колхозников. Нуждающихся в лебедках, разумеется.

— А от комитета комсомола цирка можно?

— Это идея. Только адресуй в наш комитет. Они на меня выйдут. А я уже буду как будто по их просьбе решать. И фотоснимки западные приложи.

Дело было сделано. И я ушел, унося впечатление о деловых и дружеских качествах главного инженера.

Вечером я узнал, что слушание переносится. Тихомиров со дня на день ждет звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР».

Черт его знает — хорошо это или плохо. Слава богу, что товарищеские билеты не успели разослать.

Глава № 17

Нужны ли нам такие номера?

Чем опасна газетная заметка? Тем, что она печатается в официальном издании. Газета «Советская культура» — орган Министерства культуры. Значит, как думает корреспондент Кошкин, так думает и все министерство во главе со своим славным руководством. (И вся страна.) А главное руководство, может быть, и не знает о корреспонденции тов. Кошкина. Более того, оно может иметь совсем другую точку зрения. Порой мне кажется, что Министерство культуры и не подозревает о существовании этого всезнающего Кошкина, выражающего точку зрения этого всемогущего министерства.

Однако корреспонденция, в этот раз Собакина, в «Хомской правде» изрядно поломала мне ребра. Ведь за каждым ее словом стоял Хомский обком партии!

Итак, случилось это в Хомске. Бабушка стала читать:

«Нужны ли нам такие номера?

В клубе военного городка идет елочное представление. Идет день, идет два. Радостные и нарядные дети смотрят спектакль, получают подарки и расходятся по домам, полные ярких впечатлений о новогоднем празднике.

Спектакль подготовлен Хомской филармонией, продуман до мелочей от гардероба, где с детьми начинает работать затейник, до теплого помещения для родителей, ожидающих малышей... Но...

Почему-то без этого „но" кое-что у нас еще никогда не обходится... Но... заболевает Дед-Мороз. Смену ему вовремя не подготовили, и на детскую площадку приглашаются „варяги". Администрация клуба не нашла ничего лучшего, чем предложить роль Деда-Мороза заезжей знаменитости — цирковому клоуну Ивану Бултыху...»

Ретроспекция. Работаем мы в Хомске. Вдруг приходит администратор из филармонии:

— Спасите, ради бога! Пожар!

— Что такое?!

— Дед-Мороз заболел.

— Ага... понятно. Заболел ваш дедушка.

А администратор наседает:

— Выручайте, друзья. Как сольный концерт оформим — три ставки. Билеты на все спектакли проданы. И роль небольшая. Иначе мы пропали. Попробуй сейчас найти дедушку. И потом, это же для детей. Ей-богу, халтура неплохая.

На эстрадном языке любое выступление не по графику называется «халтурой». Даже если оно во Дворце съездов. Ну я и рискнул.

«... — цирковому клоуну Ивану Бултыху. И зрелище будто подменили. Вместо стройного, продуманного спектакля детям предлагается шумная затея с полным разбалтыванием ребят, затасканными эстрадными приемами, с набором древних плоских шуточек.

Дед-Мороз поет на сцене, притопывает ногами и разве только не ходит на руках. Этим подрывается вера ребят в фольклор, в народные традиции. И что удивительно: двух „старых" персонажей — Простуду и Ветра в Голове словно подменили. Раньше игравшие хорошо актеры стали заигрывать с залом, паясничать, как на эстраде. В результате выхо-

дящие из клуба дети поют их песенки. Песенки отрицательных персонажей! Вот вам образец:

В трусишках зайка серенький
Под елочкой лежал...

Хотелось бы, чтобы администрация филармонии в дальнейшем не проводила столь рискованных экспериментов».

— Ну и как? — спросила бабушка. — Что мне об этом думать?

— Ничего. Глупая бумага глупого человека из газеты.

— Они все врут, — сказал Топилин. — Представление было очень смешным.

— Да и документ смешной, — сказал бабуся. — Но представление на стол не положишь, а заметка — вот!

— Я не уверен, бабушка, что она у них есть, — сказал я. — А во-вторых, у меня есть противоядие.

— Заметка у них есть, не сомневайся, — решила старушка. — И вообще, объясни, что там случилось.

— Представление наше называлось «Секретное письмо Деду-Морозу». Сюжет был таков. Дед-Мороз должен был преподнести ребятам в подарок веселых артистов, песни, музыку, ну и так далее. Все это появилось из секретной двери после произнесения волшебных слов. Волшебные слова знал Дед-Мороз. А где находится секретная дверь, он не знал. Его помощники должны были оставить ему на елке письмо с точными координатами.

Ему надо было отыскать письмо, потом найти дверь и сказать волшебные слова. И все желания исполнялись, всем становилось весело, шел концерт и выдавались подарки. Но...

Но... Опять это «но», без которого у нас еще иногда кое-где ничего никогда не обходится... Но два волшебных злодея — Простуда и Ветер в Голове мешали Деду-Морозу. Они проникали на елку, переодевшись в Снегурочку, и похищали письмо. Потом они устраивали много проказ, смешили ребят, обманывали дедушку и благополучно оказывались на волшебной помойке.

Короче, сюжет был занятный и живой и персонажи были задуманы неплохие. Но как убого все было написано. Будто два разных человека работали — хороший сюжетчик и плохой разработчик-юморист. Прочел я вступительное слово Деда-Мороза и чуть не посинел. Все-то там перечислялось. Сколько школ построено в городе, и сколько заводов работает, и сколько хлеба и картофеля собрано, и сколько чугунного

литья произведено на душу населения. И за всё спасибо! И все — лучшее в мире! И все это — забота о подрастающем поколении. Особенно, конечно, литье чугунное, бетономешалки и блоки крупнопанельные.

— Ну что же, — говорю. — Все очень мило. Работать можно. Тащите мне шубу, валенки и холодильник нательный. Да, придется еще чуть-чуть акцентики расставить, а то у вас ребята от этих бетономешалок со скуки перемрут.

Им не до акцентиков. Они на все согласны. У них Дед-Мороз уже два спектакля играл с температурой 38,X. Где X = ∞.

Стал я все переделывать. Вроде все так же, а все не так. Вхожу в зал и начинаю с ребятами здороваться. А как к ним обратиться, якобы не знаю, в словах путаюсь. И Снегурочка тогда догадывается:

СНЕГУРОЧКА. Ага, дедушка! Ты же не знаешь, в какой город попал. Ведь ты по всей стране летаешь, вот и запутался!

ДЕД-МОРОЗ. Совершенно верно, устал ваш дедушка, замотался. Так куда же я прикатил?

СНЕГУРОЧКА. А ты сам догадайся, дедушка! А мы с ребятами тебе подскажем.

ДЕД-МОРОЗ. Ну, ладно, подсказывайте. Чем знаменит ваш город?

СНЕГУРОЧКА. Этот город, дедушка, — центр большого хлебного края. Здесь собирается столько батонов и четвертушек черного, что на полстраны хватит.

ДЕД-МОРОЗ. Это Киев. Здоровеньки булы, дети! (*Смех в зале.*)

СНЕГУРОЧКА. Не угадал, дедушка. Ну я тебе еще намекну.

ДЕД-МОРОЗ. Намекни, намекни, милая. Только тонко так. Не в лоб.

СНЕГУРОЧКА. В этом городе есть большие нефтеперегонные заводы. И производится большое количество цветов. По числу гвоздик мы стоим на первом месте в стране.

ДЕД-МОРОЗ. Значит это Баку. Салям алейкум, юные бакинчики! Принесите мне немедленно винограда. Очень я по нему соскучился.

СНЕГУРОЧКА. Опять ты не угадал, дедушка. Ребята, а теперь вы подскажите дедушке. Вы же лучше знаете свой город.

ДЕД-МОРОЗ. Это разумно, внученька. Ну, скажите мне, ребята, что у вас еще есть интересного?

Ребята кричат про кинотеатры (— А Фантомаса показывают?), про бассейн (— А воду уже налили?), про главную улицу (— Ну, дети, во многих городах главные улицы так называются. По этому признаку город узнать сложно) и про все близлежащие заводы и фабрики.

Однажды так было.

ДЕД-МОРОЗ. Ну какие у вас еще заводы имеются?

МАЛЬЧИК ИЗ ЗАЛА. Сорок второй, секретный.

ДЕД-МОРОЗ. Очень секретный?

ВСЕ РЕБЯТА. Очень.

ДЕД-МОРОЗ. Ну, тогда вам крупно повезло, ребята, что к вам на елку я приехал, а не иностранный шпион. Понимаете почему?

РЕБЯТА. Почему?

ДЕД-МОРОЗ. Он бы все узнал, что на этом заводе делают, зачем и в каком количестве. И тогда знаете, что было бы?

РЕБЯТА. Что?

ДЕД-МОРОЗ. Пришлось бы завод рассекретить. И на сковородки перевести. Так что вы про него никому не рассказывайте. И вообще, учитесь тайну хранить.

В конце концов сообразительный дедушка дотумкивал, в каком городе он оказался, и начинал с ребятами здороваться.

ДЕД-МОРОЗ. Здравствуйте, дорогие хомичи и хомиченчички... то есть хомички... хоми-чан... чайнички... (Вот откуда и идут наши с Топилиным москви-ведрышки и москви-чайные сервизики.)

— По правде говоря, — сказала бабушка, — я бы за такую вступительную сцену медаль давала. И город ребята узнают, и гордятся им, и смешного много... Забавная сценка.

— Мне тоже нравится.

— А какое у тебя противоядие?

Я выложил на стол зеленую книжку «Секретное письмо Деду-Морозу». Новогоднее представление. Вариант Хомской филармонии. Рекомендован для постановки на новогодних праздниках в РСФСР для детей 2—6-х классов. Притащил хвалебную заметку — «Клоун пришел к детям». О цирковых гастролях в этом же городе.

— И все тут есть? — спросила бабушка про пьесу.

— Почти все.

— Ладно. За эту историю тебе пятерка. Только узнай, пожалуйста, кто были авторы первого варианта.

СПРАВКА

Авторами «Секретного письма Деду-Морозу» оказались Ред и Калошин. И оба они дали согласие на распространение хомского варианта. Это узнал Топилин. Мелочь, а приятно.

Глава № 18

Последняя из списка благодарностей и выговоров

Дожили! Мне стали пятерки ставить. И кто? Родные бабушки, которые иначе как бестолочью никогда меня не называли. Ну что ж! Кто бы спорил. А я похвалой не избалован. Спасибо тебе, бабушка, Вера Петровна! Служу Советскому Союзу! Только это ведь работа моя. Я к себе строже.

Но сам бы себе я поставил пятерку всего лишь за одно дело — одно необычное и внепрограммное выступление. Собственно, за него я и получил БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ ПЕРСОНАЛА ДЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ПОСЕЛКА КУБИНСКОЕ.

Мы там были на гастролях маленькой группой. Я да Топилин, еще один иллюзионист с женой и два гимнаста. Выступали по клубам. И вдруг в гостиницу к нам прибегает молодая женщина в халате белом и Христом богом просит прислать к ним в детскую больницу клоуна.

Я говорю:

— Спасибо, у нас все клоуны здоровы.

Но, оказывается, не до шуток. У них шли две операции. Вдруг свет в районе выключили. Пришлось ребят срочно в другую больницу перевозить — в палату они не вернулись. И слух прошел, что два мальчика умерли. Родители сбежались. Дети расстроились. На врачей глядеть не хотят. Лекарства не принимают. Уколы делать не дают. Лечить в такой атмосфере бессмысленно. Надо их рассмешить.

— А вы кто будете?

— Я — педагог при больнице.

— Ну, хорошо, — говорю. — Мы сейчас одеваться начнем. А вы своим позвоните, пусть карету вышлют.

— Да больница здесь за углом. Идти два шага.

— Это вам два шага. А нам в клоунских нарядах не меньше двух часов. Все дети города сбегутся. И потом карета для дела нужна. Для зрелищности. И санитаров пусть пришлют поздоровее. Им придется нас по этажам таскать.

Она пошла звонить. Мы с Топилиным стали одеваться. Тут к нам гимнасты присоединились...

Ребята в больнице через полчаса увидели сквозь окна такую картину. Едет «скорая помощь». На капоте сидит Топилин с трубой и трубит во всю мощь! Сирена ему подыгрывает.

Машина делает круг почета вокруг корпуса. Топилин открывает заднюю дверцу и санитары вытаскивают на носилках меня. Но лицами они стоят в разные стороны, как Тяни-Толкай. И тянут каждый в свою сторону. Ни с места!

Они носилки положили, обежали вокруг и снова взялись за ручки. В этот раз лицом к лицу. Сердятся санитары, друг другу кулаки показывают. А я то одного, то другого незаметно ногой толк. Вот и драка началась. Наши гимнасты свой этюд исполнили в легкой походной форме. И кувыркались они, и падали, а вся больница в окна смотрела. Как в древние времена во время древних манифестаций.

Потом верхнего гимнаста в карету затолкали, а Топилин вместе с нижним меня в корпус понесли.

Я же — просто загляденье! Парик рыжий! Шкаф-пиджак на мне. Ботинки! — их впору на валенки надевать. Зонтик и саквояж со мною. Лежу на носилках, играю на дудочке. И ботинками сам себе дирижирую.

Внесли меня в самую большую палату. Круг почета сделали (разумеется, меня два раза вывалили), у носилок ножки откинули и поставили их как кровать. Гимнаст и Топилин встали почетным караулом, а я работать начал. Не торопясь, чтобы из других палат ребята пришли.

Я сел на носилках и стал кричать:

— Дорогие товарищи больные! Привет всем аппендицитникам! Всем страдальцам с воспалением среднего уха! Долгих лет жизни искателям приключений на свою шею, руки и ноги! Поскорей им выпрыгнуть из гипса! И особый почет и уважение шлепнутым детям из нервного отделения! Я сам такой же!

А Топилин стоит рядом и кричит в рифму:

Привет врачам и практикантам,
Больным, а также симулянтам!

Тут же новый взбадривающий лозунг:

Кто не ломал ни разу ногу,
Того мы не возьмем в дорогу!

Я решил тоже не отставать и рявкнул:

Кто болеет много дней,
Тот становится умней!

Вдруг и нижний гимнаст завелся. А чем он хуже? Как заорет:

Кто в больнице не лежал,
Тот и счастья не видал.

Перебрал он явно. Бывали и обратные случаи. Мы с Топилиным чуть не поплыли.

Дальше я из носилок выбрался, вылез из ботинок и стал ноги вытирать о коврик. В носках. Снова в ботинки влез и иду вдоль стенки — ищу коврик для рук. Дети заулыбались.

— А что вы смеетесь? Балды. В каждом приличном доме бывает коврик для рук. Его полотенце зовут. А еще бывает коврик для носа. Его с собой носят. Под видом носового платка.

Вдруг я встал как вкопанный:

— А уколы у вас делают?

— Конечно.

— Так. А куда колют?

Ребята простые, небалованные. Отвечают ясно и просто::

— В жопу.

— Понятно. И кто последний?

— Никого нет.

— Так не бывает. Если есть уколы, должна быть очередь. Давно я уколов не пробовал. Я люблю уколы, например, из пива. Или такие красные уколы с газированной водой и сиропом.

— У нас таких не делают.

— Да? А какие у вас делают? Я хочу ваших попробовать. Кто последний? Его уколют, я следующий.

Один мальчик вызвался. Очень ему посмотреть хотелось, как меня колоть будут. Мы с Топилиным за него уцепились и быстро очередь выстроили. Сестры лечить начали.

Я говорю:

— Ребята, пока до меня дело дойдет, я с вами буду опытом жизни делиться. Секреты вам открывать, как родным. Только не шумите, лекарства глотайте и уколы — терпеть!

— Ну так вот. Знаете ли вы чем умный человек отличается от... — и так явно на Топилина внимание обращаю, — от не очень так... чтобы...

— Чем?

— У умного человека всегда с собой зонтик. Если идет дождь, я — раз! — и загораживаюсь зонтиком. Если жарит солнце, я — раз! — и загораживаюсь зонтиком. Если идет извержение вулкана, я — раз... бегаюсь и бегу домой. Потому что я — умный человек, а умные люди не ходят гулять туда, где с неба сыпятся камни.

— И дураки не ходят! — вставил Топилин. — Они там лежат.

— Но если дают что-нибудь вкусное, я подхожу, раскрываю зонтик и говорю: «Ой, насыпьте мне в зонтик два килограмма слив. Косточки отдельно». А однажды так было. Вижу, квас продают. Все стоят и охают: «Ой, как жаль, что бидончики с собой не захватили». Я подхожу, зонтик раскрываю, переворачиваю и говорю так небрежно, интеллигентно, с намеком: «Налейте, мне, пожалуйста, два литра для окрошки!» Ну как? Хорошо?

— Хорошо!

— Хорошо, да плохо. Я этот квас до дома не донес.

— Почему?

— Дождик пошел настоящий. Я зонтик перевернул, и весь квас на мне. Ну как? Плохо?

— Плохо.

— Плохо. Да, не очень. Я развеселился потом. Прихожу домой, бабушка на меня набросилась:

— Что это ты такой мокрый?

Я говорю:

— На улице квасной дождик идет.

Смотрит она: сам я в квасе, ботинки в квасе, даже волосы и те в квасе. Обрадовалась бабушка, схватила тазы и скорее на улицу квас бесплатный собирать. Прибегает скоро назад:

— Нет там никакого кваса! Обманщик ты!

— Нет, не обманщик. Просто у них квасной сироп кончился. Одна газировка пошла.

Тут один мальчик спрашивает:

— Дяденька, вы к нам выступать приехали или болеть?

Ей-богу, я бы лег вместо них сюда. Не замечаю вопроса.

— Но главное — это саквояж мой. Потому что он не простой, а фокусный. Мне его старый фокусник подарил. Ну-ка, мальчик, дай мне твое яблоко. Клади сюда. Ку-ку. Было ваше, стало наше. Демонстрирую. (Переворачиваю саквояж.) Пусто. А у тебя что, мальчик? Компас? Клади

его ко мне. Не хочешь? И молодец. Когда мне этот баул подарили, я еще не знал, что он с двойным дном. Иду себе по улице, вижу продают колбасу. Я купил, положил в баул и домой. Дома бабушке заявляю: «Достань там из саквояжа кое-что...» Она открыла — смотрит: пусто. И давай меня ругать. А баул открытый стоит, и из него колбасой так и пахнет. А у нас кошечка жила бабушкина. Она за колбасой полезла, и все — исчезла, нет кошечки. В двойном дне запуталась, в четвертом измерении потерялась. Бабушка кричит: «Отдавай мою кошку!» — «А как?» — «А как хочешь! Полезай и доставай». — «Нет, — говорю, — не полезу. Я там пропаду. Не хочу я всю жизнь в чемодане сидеть!» Тут мне мысль хорошая пришла в голову. Пошел я к соседям собачку взаймы просить. «Дайте мне вашу Тяпу взаймы. У нас там колбасы полкило лишних имеется. Пусть она съест». Дали мне собачку, я привел ее на ремешке к саквояжу. Она туда прыг и пропала. Только слышно как в глубине кто-то лает. Ну, думаю, все — ни кошки, ни собачки, ни колбасы! Другой бы на моем месте от такой катастрофы пропал. А я сообразил. Стал воду из шланга наливать, как в стиральную машину. Через пять минут кошка выскакивает вся мокрая. В зубах колбаса, а на хвосте собачка висит. Мы с бабушкой даже запрыгали! А саквояж потом не поднять было — столько в нем воды набралось. Пришлось дырочку проделывать и выпускать потихоньку.

Ребята повосхищались, а Топилин заорал:

Ловите рыб не в океанах,
А в сундуках и чемоданах!

А мальчик снова спрашивает:

— Вы, дяденька, к нам болеть приехали или выступать?

Топилин отвечает:

— Ни то, ни се. Мы — клоунская «скорая помощь». Нас по рецепту для вас выписали. И в цирке выдали. А то вы здесь слюни распустили. Врачей боитесь, не верите им. А наши врачи, между прой... прод-чим, САМЫЕ ЧЕСТНЫЕ В МИРЕ!

— И самые белохалатные!

— И спортсмены они! А какая у них самодеятельность!

Опять гимнаст не выдержал:

— Между прочим, Чехов тоже был врачом!

Такими и другими доводами мы подняли доверие к врачам-оздоровителям и пошли к малышам на верхний этаж.

Малыши нам как родным обрадовались.

Интересно, помнит ли об этом нижний гимнаст — тов. Добронравов Т. П. — ныне председатель профкома Циркконцерта?

Глава V+19

Совет в Филях. Накануне. Ночь перед Рождеством. И т. д.

Три дня назад Тихомирову присвоили звание заслуженного деятеля культуры РСФСР. Завтра суд. Подведем некоторые итоги.

1. Приглашения разосланы. Почти все нужные и хорошие люди обещали прийти.

2. Лебедка готова. Первый образец у меня в руках.

3. Получена справка от циркового училища о том, что оно не может меня принять. Общеобразовательные предметы мною сданы в моем вузе, а профессиональные навыки у меня на должной высоте.

4. Собрана папка отвергнутых Тихомировым номеров. Две третьих в ней — это сцены, принятые в других местах в печати, на радио или на эстраде.

— Ну что ты скажешь, бабуся?

— Не знаю, как сейчас, а в мое время для вступления в комсомол требовались две комсомольские рекомендации или одна партийная. Ее могли дать члены семьи. Так вот я бы тебе дала рекомендацию. Человек ты для общества нужный.

— А я бы тебе, бабуся, рекомендации в комсомол не дал.

— Это еще почему? — взвилась она.

— Возраст у тебя, бабушка, не комсомольский.

— Но ты меня не дослушал. Человек ты для общества нужный, но для семьи я, безусловно, пожелала бы другого родственника. То есть внука. Ну, например, такого, как он, — она показала на Топилина.

— Спасибо, — ответил Топилин. — Я о лучшей бабушке и не мечтал!

— Измена! — закричал я. — Ладно, теперь вы, бабушка, как честный

человек должны его увнучить. А ты, Топилин, убабусивай ее. Что касается меня, то с обоими развод. Но не сейчас, завтра вечером.

— И еще, — сказала бабушка, — помнишь наш первый разговор, о том, у кого какое дело главное. Ты, конечно, рискуешь всем. И все-таки ты прав.

Ну это уже для меня просто вручение ордена. Ведь ночь не засну!

Глава N+20

Завтра днем

Зал суда заполняется. И в основном приличными людьми. И каждый пришедший вызывает недоумение на лицах тех, кто сидит на сцене — в президиуме. Все ближе к трем. Все полнее зал. Слово берет директор:

— Уважаемые товарищи! Мы очень удивлены, что собралось так много народа. Это внутреннее дело нашей организации, и мы не хотели придавать ему такую огласку. Мы просим всех людей, не имеющих отношение к делу, покинуть нас.

— Тут все имеют отношение!

— А для чего секретность?

— Мы — свидетели и пресса!

— Нечего здесь делать посторонним.

Президиум посовещался и решил слушание не переносить. Ох, пронеси, господи! Больше долго не буду ввязываться! А где Тихомиров? Почему его нет в президиуме?

Слово предоставляется Кичаловой Марине Викторовне — заместительнице Тихомирова. Пой, ласточка, пой!

— К нам в товарищеский суд поступило заявление от очень уважаемого нами и ценимого работника — товарища Тихомирова Афанасия Сергеевича. Он был оскорблен другим, тоже, к сожалению, нашим работником Иваном Бултыхом. Бултых назвал Афанасия Сергеевича перестраховщиком, вредным для цирка человеком и предложил уйти с работы. Копию своего пасквильного письма Бултых отправил в центральную

газету, чтобы придать делу большую огласку. И сейчас здесь мы должны разобраться: кто же НА САМОМ ДЕЛЕ является вредным для цирка человеком. Поставить все точки над i. Дать ответ центральной газете и принять все меры, чтобы подобные ситуации у нас никогда не возникали. Для начала я охарактеризую двух действующих лиц — истца и ответчика. Афанасий Сергеевич — старейший работник цирка. Огромное количество номеров прошло через его руки от авторов к актерам. Репертуарная политика, проводимая им, никогда не ставилась под сомнение. Ни руководством, ни зрителем. Он абсолютно точно знает главное направление сегодняшнего дня, в курсе всех государственных дел и политических событий. Он не делает ошибок в выборе репертуара и авторов. Он — хороший человек и хороший товарищ. Всегда улыбается, всегда на рабочем месте, всегда поможет советом и поддержит. Афанасий Сергеевич — участник Отечественной войны. В бригаде эстрадных артистов он объездил все фронты и выступал на передовых позициях перед воинами. Что там говорить, все вы прекрасно знаете Афанасия Сергеевича только с лучшей стороны!!!

Из зала раздались верноподданнические голоса:

— Знаем!

— Конечно, знаем!

— Не зря же руководством нашей организации по предложению министерства Афанасий Сергеевич был выдвинут на присвоение звания заслуженного деятеля культуры РСФСР! И это звание он получил. (*Аплодисменты в зале.*) Теперь второе лицо. Это, безусловно, способный клоун Иван Бултых. Видно, скороспелый успех вскружил ему голову. Потому что его выходка не что иное как результат звездной болезни. Я уже молчу о том, что Тихомиров — его начальник. Просто оскорбить и обидеть пожилого человека. Мастера, больше половины жизни посвятившего цирку!!! Не всякий на это решится. Надо быть очень черствой личностью. Но может быть, это ошибка, минутное заблуждение? Знаете — нашло затмение, обозлился на всех и решил сорвать злость... Оказывается, нет. Оказывается, обижать ближних, оскорблять их — это система нашего «героя». Мы поинтересовались — как показал себя Иван Бултых за те два года, которые он работает в цирке. И выяснилось много интересного, что дает мне право говорить о нем, как о недостойном и мелком человеке. За эти два года он получил два выговора за скандал и оскорбление себе подобных. Стал героем двух газетных заметок с уничтожающими рецензиями и обзавелся, пожалуй, самым низкопробным репертуаром среди всех наших актеров. Ему хотелось громовых оваций,

скандирки прессы. Талант не позволял добиться этого честным актерским путем, путем повышения мастерства. И Бултых решил выплыть на поверхность успеха через пошлость, лжеостроту и панибратство с юным зрителем. Ему это делать не позволяли. Отсюда ненависть к репертуарному отделу и руководителю отдела Афанасию Сергеевичу Тихомирову.

Ни фига себе подводит! Во как стелет! Еще и передергивает. Ведь одна заметка и один выговор.

— Отсюда и это письмо, которое сейчас жжет мне руки. Мало того. Мы обратились в ту организацию, весьма уважаемую, откуда Бултых ушел к нам, и выяснили, что и там он показал себя просто с дурной, подлой, что ли, стороны. Три выговора с занесением в личное дело и с предупреждением об увольнении! Мне больше нечего сказать. Картина более чем ясная. Мы только должны выработать совместные меры, чтобы оскорбления такого типа никогда не повторялись в нашей организации.

Она села.

— Есть вопросы к обвинителю? — спросил Мосалов.

Их не было.

— Тогда у меня вопрос. Скажите, пожалуйста, Марина Викторовна, а есть ли у Бултыха благодарности? Или только выговоры?

Она пожала плечами:

— Ну, как у каждого человека.

— Как у каждого человека есть или как у каждого человека нет?

— Как у каждого человека есть.

— Странно. У меня, например, их нет ни одной. И у вас тоже. А выговоры имеются.

Он предоставил слово Северьянцеву. (Напоминаю. Лицо пятое. Северьянцев Борис Павлович. Режиссер. Поставил несколько хороших спектаклей и номеров. Очень хочет всемирно прославиться и совсем не хочет с кем-либо ссориться. Вежлив... Член всех комиссий, заседаний, пленумов... С точки зрения всемирной справедливости... в суде — защитник.)

Но прежде чем Северьянцев стал говорить, Кичалова снова попросила слово и сделала маленькое дополнение:

— Я попрошу вас не удивляться, что в президиуме нет Афанасия Сергеевича. Он не совсем здоров. И считает обидным для себя контакт с Бултыхом. Он целиком положился на чувство нашей справедливости. Абсолютно уверена, что мы сумеем правильно разобраться в этом непристойном деле. А для тех, кто интересуется, подготовлена специальная

подборка из газетных заметок о деятельности Цирккoнцерта. И в перерыве можно с ней ознакомиться.

Все продумано. «Дело — непристойное». Он «доверяет абсолютно». А подборка все-таки подготовлена.

Стал говорить Северьянцев:

— Товарищи. Мы прослушали Марину Викторовну, и выяснилась такая картина. Что на свете живут два разных человека: Тихомиров Афанасий Сергеевич — хороший и Бултых Иван — плохой. Но дело не в этом. Не ради таких выводов мы собрались. Дело в том, что Бултых обвиняет Тихомирова в отсутствии чувства юмора и в том, что Тихомиров не пропускает хорошие тексты из-за боязни потерять кресло. Насчет первого разговаривать не приходится. Проверять — есть ли у Тихомирова чувство юмора, мы здесь не будем. И более того, я не уверен, нужно ли оно руководителю. Может, ему проще привлечь хороших экспертов-рецензентов. А вот второй пункт проверяется и заслуживает внимания. И если у Бултыха есть факты, наверное, их следует выслушать. Я с огромным уважением отношусь к Афанасию Сергеевичу. Но вдруг выяснится, что он, действительно, отклонил много хороших номеров. И зачеркнул какие-то темы. Тогда мы должны принять какие-то меры, чтобы это не повторялось. В дальнейшем.

— А если фактов нет, — встала Кичалова, — мы тоже должны принять меры, чтобы это не повторялось. В дальнейшем.

— Безусловно. Это уже деловой подход. А то, что Тихомиров — хороший человек, а Бултых — плохой, в данном случае значения не имеет.

— Может быть. Только все равно это странно, — вмешалась опять Марина Викторовна. — Один человек оскорбил другого, почти что ударил — назвал перестраховщиком. А мы, вместо того чтобы одернуть его, поставить на место, начинаем рассуждать, а вдруг он прав? А вдруг он правильно оскорбил?

— Но он же не назвал его дураком! — взорвался Мосалов. — Он говорил о профессиональной непригодности!

Пауза. Мосалов успокоился.

— Может, он неправ. Но он же не личные счеты сводит.

— Хорош у нас председатель! — съязвила Кичалова. — Объективный!

— Не надо передергивать, Марина Викторовна. Факты давайте.

— Хорошо. Только прежде, чем вашего Бултыха слушать, давайте с другими поговорим. С эстрадными авторами. Они лучше знают, как Тихомиров к ним относится.

— Что значит вашего Бултыха?

— Вы же его защищаете!

— Я справедливость защищаю. А вы все в эмоциональный ряд переводите — кто хороший, а кто плохой. А мне на это наплевать. И самый лучший может быть виноватым.

Он это довольно зло все сказал и Кичалова замолкла. Дальше стали выступать авторы — Дядьев, Ред и Калошин. Прекрасный портрет отца и благодетеля нарисовали они. Лучше Афанасия Сергеевича на свете никого нет и никогда не было. И вряд ли когда-нибудь еще появится такой человек. И темы он подсказывает, и ходы, и приемы предлагает. Ночью и днем готов сидеть над репертуаром с детьми-писателями. И зашаталось мое дело, западало. И загрустили мои сторонники. А сторонники Афанасия Сергеевича обрадовались.

Дошло дело до Носача. Сергея Николаевича. Автора, которого я пригласил. Мосалов спрашивает:

— Какие у вас отношения с Тихомировым?

— Обыкновенные. Я пишу, он приобретает.

— Для кого?

— Для актеров разных. Куплетистов.

— Есть у вас к нему претензии?

— Какие?

— Бывает так, что он что-то не пропускает?

— Бывает. Очень часто.

— Можете привести пример?

— Могу. Сколько хочешь.

Он стал исполнять куплеты и частушки. В другой аудитории это было бы дико. Но здесь собрались профессионалы, и все звучало вполне нормально. Так же, как у нас в цехе разбор причин сгорания потенциометров.

— Вот куплеты для Дальнего Востока:

Я хотел от вас, не скрою,
Привезти ведро с икрою.
А у вас самих на рынке
Рубль стоят две икринки.

— Тихомиров сказал тогда, что не стоит привлекать к этому внимания. Количество икры все равно не возрастает. Или вот, он тоже не пропустил:

Один вопрос я, помню, много лет вынашивал:
Куда девались раки, щуки, караси?
Об этом нашу рыбную промышленность не спрашивай,
Об этом лучше ты большую химию спроси.

— Он тоже заявил — пой не пой, рыбы больше не станет. Ни к чему это.

— Спасибо, — сказал Северьянцев. — Если вы не совсем прояснили картину, то достаточно ее дополнили.

— Да, — сказал Мосалов. — Я бы тоже такое не пропускал. (Пауза.) Есть еще желающие дополнить картину?

И вдруг, как гром с ясного неба:

— Есть!

Батюшки! Это же Великий Юморист.

— Разрешите мне сказать. Я вижу, дело у вас более чем сложное. И, по-моему, решение вы не найдете. Потому что у вас и Бултых прав, и Тихомиров не виноват.

— Так не может быть! — воскликнул Северьянцев.

— Может. В чем прав Бултых? В том, что Тихомиров действительно мешает, а может, даже вредит Циркконцерту. Я, например, и многие другие перестали писать вам из-за него. Дядьев, Ред и Калошин его хвалят. А что им остается делать? Они умеют писать только для цирка. У них нет другой профессии. Выиграй Тихомиров дело — им конец, если они против него выступали. Проиграй Тихомиров — опять же они молодцы, за слабого заступились. Никто их не осудит. И новый репертуарный начальник тоже. А от начальника все зависит. Тихомиров и заказы делает, и цены за номера и целые программы назначает. И сто раз надо подумать, прежде чем с ним поссориться. Так что ваш Бултых на очень большой риск идет. А номера Тихомиров действительно губит. И самые лучшие. Есть у него такой лозунг для сотрудников, полусекретный: «А ЧТО НАМ БУДЕТ, ЕСЛИ МЫ ЭТОТ НОМЕР НЕ ПРОПУСТИМ?» Ничего ему не будет. Хоть трижды Шекспиру от эстрады откажи. Он просто не может быть в чем-то виноват. Он никаких постановлений, законов, пунктов, условий договора — ничего не нарушает. И как ни странно, разговор можно только так вести — хороший он или плохой. Но не Марина Викторовна должна это делать. Она его подчиненная. Она сама так живет.

— Простите, — смешался Северьянцев. — Мы так никогда не выберемся. У вас что-нибудь отклоняли?

— Сказку мою про одежду знаете?

— Знаем. Есть такой мультфильм.

— Так вот здесь ее отклонили. Не надо привлекать внимание к плохой одежде. Мол скажут: «Братскую ГЭС строите, а одежды хорошей нет». В другой сказке у меня три брата действуют. Первый варит сталь, второй запускает спутники, а третий получает по 33 поросенка от одной свиноматки. Мне было сказано: «В русских народных сказках третий брат всегда дурак. Значит, вы намекаете, что у нас дураки занимаются сельским хозяйством». Я намекаю, эти скажут... Сколько интермедий пропало! Вы заметили, что сейчас в ваших концертах в основном певцы работают, гимнасты, фокусники, дрессировщики, а не клоуны, куплетисты, то есть «разговорники». Да нет их, «разговорников»! Так вот это его заслуга!

На этих словах Кичалова встала и поклонилась Юмористу:

— Спасибо, товарищ Дзюровский, не ожидала.

— Пожалуйста, товарищ Марина Викторовна, сам не ожидал.

Спасибо Юмористу. Действительно, спасибо! Каждый четверг буду к нему ездить в футбол играть, чтобы он дольше прожил. Фиг у меня этот толстый профессор хоть один гол забьет. И этот мусорный ящик тоже!

Только после выступления Дзюровского я понял, какую большую ошибку совершил Тихомиров и его компания с судом. Было бы собрание — надо было бы решение выносить. А какое? Только против меня. Меры принимать. Какие? Безусловно, только карательные. А раз товарищеский суд — можно решение не принимать: совещаться, думать, отклонить иск. То есть суд для меня чрезвычайно выгоден. Большая гласность. И Тихомиров остается в глазах всех висеть кандидатом на заведывание ценными предметами или пожарной безопасностью. Но это в случае моего выигрыша. В случае их победы суд мог бы обратиться к администрации с предложением о моем увольнении. (Чего собрание сделать бы не могло.) Значит суд — это обострение ситуации, доведение ее до взрыва. А, значит, опять хождение по лезвию.

Дальше председатель профкома выступил. Товарищ Добронравов Т. П. Бывший нижний гимнаст.

— Мы в профкоме были чрезвычайно удивлены письмом Бултыха. Уж ему-то работать никто не мешал. Ему были созданы все условия для роста и продвижения. Профком неоднократно выделял ему путевки, поощрял. Профком ходатайствовал о повышении его ставки. Единственно,

чего не поощрял профком в Бултыхе — партизанщины, как он говорит, импровизации. Мы не можем ставить успех у зрителя в зависимость от настроения нашей примы. Репертуар должен быть надежен, проверен, качественен и социально зрел. Однако Бултыха, и я сам этому свидетель, все время тянет на заигрывание с публикой. На создание непредвиденных ситуаций и лишних раздражителей. Он даже не задумывается: а вдруг это нужно только ему. А вдруг зрителю это вовсе и не нужно. А Афанасий Сергеевич абсолютно прав, требуя стабильного, проверенного репертуара. Мы — не частная лавочка, мы — государственная организация. И конфликт ясен. Ни в коем случае нельзя оставлять его без последствий. Тихомиров — заслуженный работник цирка. Его деятельность безупречна. Профсоюзный комитет считает, что нужно сделать все, чтобы Афанасий Сергеевич был огражден от подобных ситуаций, а Бултых наказан.

Он еще минуту говорил о других делах Циркконцерта. Видно, он был все-таки хороший профсоюзный работник. Дай бог ему хорошего профсоюзного здоровья, профсоюзной бодрости и настоящего широкого профсоюзного счастья! И вдруг новая неожиданность. Дмитриев выступил. Он какой-то такой большой и номенклатурный, что ему сразу предоставляют слово, приглашают в президиум, даже толком не узнав, кто он.

— Я — главный инженер той организации, весьма уважаемой, откуда к вам пришел Бултых. Вот о чем я подумал — а возьму ли я его к себе на производство обратно, если попросится. И так решил — не возьму. Очень уж он неудобен. И много с ним скандалов связано. До сих пор про него на заводе легенды ходят... Но то, что он для дела полезен — это безусловно. То, что он враг косности и лицемерия — любому ясно. И что он человек порядочный, могу засвидетельствовать. Вопросы есть?

Не было.

— Ну что же! — сказал Мосалов. — Остается нам Бултыха выслушать. Ваше последнее слово.

Я дал Топилину знак крутить лебедку. И медленно-медленно пошел к входной двери. Есть у меня что сказать. По крайней мере, сам я понял многое. И, главное, я понял, что все люди на земле делятся на граждан и холуев, рабов. Причем, раб-холуй может занимать любой пост, быть начальником, а все равно оставаться рабом. И что он сеет вокруг себя? Рабство и холуйство. Но из барина он мгновенно превращается в холуя при появлении более сильной личности. А граждане всегда граждане. И любая борьба в человечестве это борьба граждан с холуями. И наша

задача — увеличивать количество граждан, вытравлять из людей холуйство. И только тогда, когда все люди станут гражданами (может быть, через тысячу лет), можно будет сесть и серьезно задуматься — а для чего жизнь дана человечеству?

Зачем мы, люди, на Земле живем?!

Вышло смешно.

Ненатянутый трос лежал на сцене. Он стал натягиваться и попал под стул нижнего гимнаста. Того самого, который требовал стабильности в жизни цирка. Еще секунда и он поехал бы на стуле навстречу мне. Его поймал Мосалов.

По натянутому тросу я отправился в свой путь наверх. Когда я шел над Кичаловой, я сделал вид, что вот-вот на нее свалюсь.

— Уважаемые товарищи! Безусловно, Афанасий Сергеевич уважаемый человек. Он — заслуженный деятель искусств и имеет правительственные награды. Более того, он прошел войну. Но я тоже человек уважаемый и профессиональный. Хотя я и не начальник, а клоун. И даже, как мне кажется, — шут! Вот справка из циркового училища о моем профессиональном уровне. Вот благодарности и газетные заметки, посвященные моей деятельности в цирке.

(Эти бумаги я передавал в президиум.)

Но даже если бы я не был столь знаменитой личностью, к моим словам и моему письму стоило бы прислушаться. У них, у проклятых капиталистов, опасно быть косным. У них конкуренция. А что у нас двигатель прогресса?

— План, — сказал Дмитриев.

— В таком случае, что является двигателем сверхпланового прогресса? Или хозяйства непланового, как у Тихомирова?

(Я лег на проволоке.)

Наша сознательность, наша совесть. Нападая на Тихомирова, я что, свое материальное положение улучшаю? Занять его место хочу? Свести с ним счеты? Конечно, могут быть и такие предположения. А почему бы просто, по-крестьянски не поверить мне и не понять, что Тихомиров для Цирккoнцерта вреден. По крайней мере, на этом посту. Вот папка номеров, им отвергнутых и принятых другими организациями. Я не буду скрывать, я готовился к суду. И желающие могут с ней ознакомиться. А вот справка о том, что из-за отсутствия «разговорников» в бригадах их мобильность и доходы от них упали. А это не только доходы. Это главные для нас далекие маленькие площадки, где артистов по году не

бывает. И где появление цирка для ребят как подарок ко дню рождения. Так что это уже вред не только Цирккoнцерту, а маленьким гражданам нашей необъятной родины. А я себя считаю их послом, защитником их интересов в стране взрослых. Дружественной стране! Вопросы есть?

Вопросов не было.

Я сел на проволоку, как на перила, и мгновенно съехал вниз.

— Шут гороховый! — сказала мне внизу бабушка.

Суд удалился на совещание.

СОДЕРЖАНИЕ

25 ПРОФЕССИЙ МАШИ ФИЛИПЕНКО

ВСТУПЛЕНИЕ, ИЛИ ПОЧТИ НАЧАЛО
7

Глава 1
ПЕРВАЯ ПРОФЕССИЯ МАШИ ФИЛИПЕНКО. ЛУЧШАЯ ЗАКРОЙЩИЦА
10

Глава 2
ВТОРАЯ ПРОФЕССИЯ МАШИ ФИЛИПЕНКО. ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН
23

Глава 3
ТРЕТЬЯ ПРОФЕССИЯ МАШИ ФИЛИПЕНКО. ТАЙНА ОВОЩНОЙ ПАЛАТКИ
36

Глава 4
ЧЕТВЕРТАЯ ПРОФЕССИЯ. АССИСТЕНТ ОВОЩНОГО ХРАНИЛЬЩИКА
51

Глава 5
НЕ ДО ПРОФЕССИЙ
56

Глава 6
ПЯТАЯ ПРОФЕССИЯ МАШИ ФИЛИПЕНКО. СТРАДАНИЯ ТРОЛЛЕЙБУСНОГО ПАРКА
67

Глава 7
ВЕРНЕЕ... КАК БЫ ЭТО...
80

О ТОМ, КАК ДЕВОЧКА МАША РАБОТАЛА ГЕОЛОГОМ В ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
82

Глава 7
СЕДЬМАЯ ПРОФЕССИЯ МАШИ ФИЛИПЕНКО.
МЫ — ПОЖАРНАЯ ДРУЖИНА
115

КЛОУН ИВАН БУЛТЫХ

Глава N
ПРО ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ
135

Глава N+1
ПРО ТО, У КОГО КАКОЕ ДЕЛО ГЛАВНОЕ
139

Глава N+2
СПИСОК ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ
140

Глава N+3
ТОВАРИЩЕСКИЙ РАЗГОВОР О ТОВАРИЩЕСКОМ СУДЕ
141

Глава N+4
О ВСЕМИРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
145

Глава N+5
ГРАМОТА ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ КУРСОВ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ
147

Глава N+6
ИСТОКИ ИСТОЧНОСТИ И ПРИЧИНЫ ПРИЧИННОСТИ
150

Глава N+7
АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ — ПРОДОЛЖЕНИЕ КАРТОФЕЛЬНОЙ
153

Глава N+8
КАК Я В ЦИРК ХОДИЛ
159

Глава N+9
БАБУШКА ДОЛГО ДУМАЛА...
166

Глава N+10
ТОНКОСТИ НОВОЙ ПРОФЕССИИ
167

Глава N+11
ДЗЮРОВСКИЙ И ЭСТРАДНЫЕ НОМЕРА
174

Глава N+12
«В ТЕМНОМ ПЕРЕУЛКЕ МЫ ПОЙМАЛИ МУРКУ...»
176

Глава N+13
ПРОДОЛЖЕНИЕ «МУРКИ»
181

Глава N+14
НА СУДЕ НИКТО У НАС НЕ ЛИШНИЙ
184

Глава N+15
О БИОПРОТИВНИКАХ, БИОБРАТЬЯХ И БИОСЕСТРАХ-ХОЗЯЙКАХ
188

Глава N+16
ПОСЕЩЕНИЕ РОДНОГО ЗАВОДА
192

Глава N+17
НУЖНЫ ЛИ НАМ ТАКИЕ НОМЕРА?
196

Глава N+18
ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ СПИСКА БЛАГОДАРНОСТЕЙ И ВЫГОВОРОВ
202

Глава N+19
СОВЕТ В ФИЛЯХ. НАКАНУНЕ. НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ И Т. Д.
208

Глава N+20
ЗАВТРА ДНЕМ
209

ХУДОЖНИК ЭТОЙ КНИГИ

ГЕННАДИЙ ЯСИНСКИЙ

Две повести этого тома проиллюстрированы одним художником. И обе они очень ясно и глубоко показывают нашу жизнь тех лет.

Впервые «25 профессий Маши Филиппенко» была издана в 1988 году. Готовило ее одно издательство к выпуску еще в 1986 году. Тогда было такое время, что впрямую, как это делает Успенский, нельзя было говорить о недостатках, да еще высмеивая их, да еще в детской книге. И, конечно, все боялись, что, когда книга выйдет, тем, кто ее делал, здорово попадет.

Когда рукопись написана, ее дают художнику, чтобы он к ней картинки нарисовал. Стали думать, кто сумеет к такой интересной и веселой книге сделать такие же интересные и веселые иллюстрации? И сразу решили: конечно, Геннадий Ясинский. Кто так замечательно рисует и знает детей? Кто такой веселый выдумщик? У кого столько красивых картинок в детских книгах и журналах нарисовано? Но Ясинского в городе не было. Он в это время в деревне жил и там природу рисовал, потому что он больше всего на свете любит лес и поле. Тогда предложили рукопись другому известному художнику. Он обрадовался: «Интересная работа! Это ж Эдуард Успенский!»

Потом вдруг приходит смущенный и говорит: «У меня семья, маленькие дети. Тут так все остро написано, я КГБ боюсь». (Была у нас такая организация, которую все боялись: думали, если я скажу, что думаю, или нарисую что-нибудь от себя, — обязательно посадят в тюрьму.) Все огорчились. Для такой работы не только талантливый художник нужен, а еще и смелый, оказывается. И тут, как по заказу, входит в редакцию Геннадий Ясинский. Он раньше, чем обещал, вернулся из деревни и зашел в редакцию. Все обрадовались, а потом, как вспомнили про первого художника, радоваться перестали. Дали Ясинскому рукопись. Геннадий Иванович — человек неразговорчивый, немногословный, неулыбчивый и до того серьезный, что может даже показаться мрачным. Он рукопись взял, полистал, сел среди шума и разговоров на стул, будто в лесу на пенек, стал вчитываться. Читал, читал. Потом ка-ак улыбнется! И тогда все увидели, что вовсе он не мрачный, и улыбка у него заразительная. Встал, кивнул: «До свидания! Я пошел картинки к этой книге рисовать». А в редакции спрашивают: «А вы ничего не боитесь?» А он отвечает: «Это ж Эдуард Успенский!».

Фото Александра Китаева

Литературно-художественное издание

Эдуард Николаевич Успенский

Общее собрание героев повестей, рассказов, стихотворений и пьес

В десяти томах

Том пятый

25 профессий Маши Филипенко

Клоун Иван Бултых

Ответственный редактор
О. Т. Ковалевская

Художник-редактор серии
Л. Д. Каминский

Художественный редактор
В. С. Итальянцев

Технический редактор и корректор
Т. П. Княжицкая

Оригинал-макет подготовила
Г. С. Устинова

Формат бумаги 84×108 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 23.
Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 150 000 экз. Цена договорная.
Заказ № 4504

Торгово-издательское товарищество «Комета».
191002, Санкт-Петербург, Загородный пр., 10, офис 37.

Лицензия № ЛР 061683 от 14 октября 1992 г.

Минская фабрика цветной печати.
220115, Минск, Корженевского,20.

98
10
10
ЗАГОРОДНЫЙ
КУ-КУ!
1
РУБЛЬ
1993
ТИГР
С
Н
С
ПОЧТА

ПРОСТОКВАШИНО
ПИОНЕР
Люблю мармелад